Батальоны идут на запад

Илларион Григорьевич Попов

SHOUT
SHARE
IT

- Попов Илларион Григорьевич
  - ◯

Попов Илларион Григорьевич Батальоны идут на запад

Попов Илларион Григорьевич
Батальоны идут на запад
Литературная запись Н. С. Винокурова
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Первые главы воспоминаний автор посвящает битве за Ленинград, тем трудным дням и ночам лета - осени 1941 года, когда героическими усилиями защитников города фашисты были остановлены на ближних подступах к нему. Особенно интересны страницы книги, описывающие напряженные бои на Ораниенбаумском плацдарме и на знаменитом Невском "пятачке" под Невской Дубровкой. Командуя батальоном, будучи затем начальником штаба полка, командиром полка и, наконец, начальником штаба гвардейской стрелковой дивизии, И. Г. Попов участвовал в освобождении Украины, разгроме врага в Венгрии, Австрии, Чехословакии. Об этих героических страницах автор рассказывает во второй части воспоминаний.

Содержание

Батальона пока нет
Невский "пятачок"
Бои местного значения
Гвардейцы на Ловати
Встречный бой
От Котельвы до Опошни
Преследуя врага
На плацдармах
Открытый фланг
"Общего сигнала не ждать!..."
Коридор к Дунаю
Западнее Вены
Последние дни
О войне после войны
Примечания

Батальона пока нет...

Часы пробили полночь, а я все еще сидел над конспектом завтрашней своей лекции. Работалось трудно, хотя тема была хорошо знакома: "Стрелковая рота в обороне". Но тактические примеры и задачи, которые мы, преподаватели, приводили в таких лекциях еще семь недель назад, сейчас уже не

удовлетворяли ни нас, ни наших слушателей - курсантов Новопетергофского военно-политического пограничного училища. Не удовлетворяли потому, что семь недель назад началась Великая Отечественная война. Курсанты, естественно, хотели знать не только, как оборонялась такая-то стрелковая рота на Халхин-Голе или во время войны с белофиннами, но и как дерутся стрелковые роты сегодня под Киевом, Смоленском и Нарвой.

Ответить исчерпывающе на эти вопросы мы, преподаватели тактики, пока не могли. В учебный отдел еще не поступили тематические сборники, в которых обобщался бы фронтовой опыт. А командировки преподавателей в действующую армию тогда не практиковались. Поэтому приходилось ограничиваться материалами, публикуемыми в открытой печати. Много полезного находили в газете "Красная звезда"... Среди ее фронтовых корреспондентов были товарищи, хорошо знающие военное дело.

В дверь постучали. Открыл - на пороге связной, курсант Максим Бабичев из 2-го батальона. Козырнув, доложил:

- Товарищ капитан, боевая тревога!

Надеть фуражку, сунуть в карман документы, подхватить приготовленный на такой случай командирский чемоданчик (мы называем его "тревожный") - дело минутное.

В учебном отделе собрались преподаватели. Начальник училища полковой комиссар И. Н. Григорьев краток. Объявляет, что училище в составе двух батальонов (1-й батальон - старшекурсники, 2-й батальон - младший курс) поступило в резерв командующего Северным фронтом. Район сосредоточения деревня Русские Антоши, станция Елизаветинка. Места хорошо нам всем знакомые. Не раз и не два выезжали мы туда с курсантами на полевые занятия. Понятен и выбор этого района для сосредоточения резервов. Оба пункта стоят на главных магистралях, связывающих Эстонию с Ленинградом: Русские Антоши - на шоссейной дороге, Елизаветинка - на железной.

- В этом районе будем ждать дальнейших распоряжений командования, заключил полковой комиссар. - Прошу всех занять свои места...

На плацу, возле грузовиков, мигали карманные фонарики. Это грузился 2-й батальон. А машины 1-го батальона уже вытягивались из ворот на улицы спящего Петергофа. Рассвет 16 августа сорок первого года застал нас на местах, указанных штабом фронта: 1-й батальон сгрузился в Русских Антошах, 2-й - на станции Елизаветинка. Примерно на половине пути между ними расположились машины учебного отдела и командования,

походные кухни. Здесь, на опушке леса, мы разбили палатки, вырыли щели для укрытия от вражеской авиации.

После завтрака преподаватели разошлись по курсантским подразделениям проводить занятия по плану, как в обычной полевой обстановке. Я отправился во

2-й батальон отрабатывать тему "Стрелковая рота в обороне".

Занятие проходило интересно. Курсанты наметили несколько оборонительных позиций и по-деловому обсуждали плюсы и минусы каждого варианта. За их суждениями чувствовался солидный практический опыт. Да это и понятно, ведь в училище они поступали после трех-четырех лет срочной службы, многие были младшими командирами. Все коммунисты.

Мы заканчивали занятие, когда впереди, за высоткой, ударили винтовочные выстрелы. Я знал, что там располагалось сторожевое охранение, выставленное от 2-го батальона. К винтовочной стрельбе присоединилась пулеметная, послышался отдаленный треск мотоциклетных моторов. По звуку определил: пулемет не "максим" и не "дягтерев". Неужели фашисты? Приказал взводу приготовиться к бою, но стрельба, за высоткой внезапно прекратилась. Послал туда трех курсантов. Они скоро вернулись, доложили, что на сторожевое охранение наскочили фашистские разведчики на двух тяжелых мотоциклах с пулеметами. Один мотоцикл подбит, экипаж уничтожен. Второму удалось уйти в сторону железной дороги.

Вернувшись в учебный отдел, я узнал, что вражеские мотоциклисты появлялись сегодня и близ Русских Антошей, и около станции Елизаветинка, и в разных других пунктах.

После полудня мимо нас стали проходить на север и северо-восток обозы отступавших советских частей. На наши вопросы обозники отвечали, что "немец прет", что "танков у него - туча".

Обстановку, которую мы наблюдали, полковой комиссар И. Н. Григорьев доложил по телефону в штаб фронта. Для этого ему пришлось съездить на ближайший сельский почтамт, так как радиостанции и полевого телефона, точнее кабеля, в училище не было. Григорьев просил штаб Северного фронта дать разрешение училищу занять оборону и окопаться. Но, как он нам сказал, вернувшись, товарищи из штаба фронта строго отчитали его за "панические настроения".

Однако обстановка обострялась с каждым часом. С нашей высотки покрытая кустарником и перелесками равнина просматривалась километра на два. Теперь все это пространство было заполнено людьми. Шли толпы беженцев, в клубах пыли гнали стада коров и овец. В одиночку и небольшими группами отходили стрелки и пулеметчики, везли много раненых. Стала

явственно слышна артиллерийская стрельба. Если с утра фашистская авиация появлялась эпизодически, то теперь эскадрильи "юнкерсов" и "мессеров" непрерывно бомбили и обстреливали отходивших.

Начальник училища опять позвонил в штаб фронта и настойчиво повторил свою просьбу. На этот раз ему ответили, что представители штаба уже выехали к нам. И действительно, спустя примерно час у высотки затормозили две легковые машины. Из передней вышел сам Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов - тогда главнокомандующий войсками Северо-Западного направления. Приняв доклад начальника училища и поздоровавшись с нами, Ворошилов поднес к глазам бинокль. Ознакомившись с обстановкой, он приказал начальнику училища немедленно занять оборону и, выставив заградительные посты, задерживать неорганизованно отходивших бойцов и формировать из них стрелковые подразделения.

Выполняя приказ главнокомандующего, училище заняло оборону на широком фронте: 1-й батальон майора Николая Александровича Шорина - западнее Красного Села, в районе деревень Чухонские Антоши, Ожоги-но, Волгине; 2-й батальон капитана Антона Афанасьевича Золотарева - западнее Гатчины, в районе деревень Пульево, Смольково, Дылицы, Алексеевка{1}. Необходимость, оборонять почти 30-километровый фронт столь ограниченными силами вынудила наше командование построить оборону, состоявшую из отдельных опорных пунктов. Но и после этого между батальонами остался разрыв в 12 километров. Сюда был выдвинут для наблюдения один курсантский взвод.

Общую ситуацию на Северном фронте я тогда представлял весьма смутно. И только{1} после войны, когда разобрался в оперативных документах и картах августа сорок первого года, понял, сколь грозной для нас была эта ситуация в середине месяца. Стремясь сломить сопротивление 8-й советской армии под Нарвой и прорваться из Прибалтики к Ленинграду, фашистское командование замышляло зажать 8-ю армию в клещи. Удар с фронта наносили пехотные дивизии вермахта, удар в обход Нарвы с юго-востока - дивизии 41-го немецкого танкового корпуса.

8 августа обе вражеские группировки перешли в наступление. Неделю спустя, после ожесточенных боев, фашистским танковым соединениям удалось прорвать фронт. Советское командование выдвинуло им навстречу резервы, в том числе и наше училище. Курсанты-пограничники перекрыли важнейшие дороги из Эстонии на Ленинград.

День 17 августа прошел относительно спокойно. И комбат-1

Шорин и комбат-2 Золотарев доносили, что вошли в боевое соприкосновение с противником и что его первые атаки успешно отражены. Мы, преподаватели, по-прежнему оставались при учебном отделе - выполняли отдельные поручения начальника училища. Однако настроение было не из приятных: там, впереди, уже грянул бой, а мы до сих пор находились в каком-то неопределенном положении. Правда, некоторые преподаватели уже получили назначение в части и уехали, но большинство все еще ждали своей очереди.

Особенно трудным стало это ожидание с утра 18 августа, когда оба курсантских батальона вступили в ожесточенную схватку с танками и мотопехотой 41-го немецкого танкового корпуса. Атаки противника, поддержанные мощными ударами бомбардировочной авиации, следовали одна за другой. Судя по донесениям, враг пытался с ходу прорваться вдоль железной дороги к Гатчине. Батальон капитана Золотарева был вынужден оставить станцию Елизаветинка, однако закрепился на новом рубеже и удержал дорогу на Гатчину.

Наступила ночь. Западный край горизонта был освещен пожарами. Высоко в темном небе слышался нудный, с подвыванием, гул - это шли в сторону Ленинграда эскадрильи фашистских бомбардировщиков. Мы не спали. Весь преподавательский состав вооружился ломами, кирками, лопатами. Рыли окопы вокруг высотки, на которой, расположился командный пункт нашего училища. Возможно, на рассвете нам придется принять бой. И не надо быть преподавателем тактики, чтобы понять всю сложность положения на участке обороны училища. Если на правом фланге 1-й батальон уверенно отразил все попытки фашистов прорваться по дороге на Красное Село, если на левом фланге 2-й батальон упорно дрался под Гатчиной, то центр боевого порядка - почти полтора десятка километров - практически не был прикрыт. Нельзя же считать прикрытием единственный взвод курсантов, вооруженных винтовками и легким пулеметом.

Пока еще противник не обнаружил это слабое место в нашем боевом порядке. Но неудачи сегодняшнего дня, когда ему не удалось прорваться по дорогам в сторону Ленинграда, заставят его усилить разведку. Часом раньше, часом позже он нащупает ничем не защищенный участок и двинет сюда свои главные силы.

На рассвете 19 августа меня вызвал к себе полковой комиссар И. Н. Григорьев. Иван Никитович развернул карту и объяснил мне обстановку. Сказал, что подкреплений пока ждать неоткуда, надо формировать подразделения из бойцов, которые отходят в нашу полосу. Он посмотрел на меня внимательно, решительно ткнул в

карту карандашом. Красная жесткая черта пролегла в том самом незащищенном промежутке между 1-м и 2-м батальонами.

- Это ваш район обороны, - сказал полковой комиссар. - С сего часа назначаю вас командиром батальона.

- Какого батальона? - не понял я.

- Которого еще нет. Сформируете его там, на месте. Все ясно?

- Ясно! Есть одна просьба.

- Говорите.

- Прошу в помощь хотя бы одного командира. Начальником штаба батальона. Если можно, старшего лейтенанта Харина.

- Нельзя, - ответил полковой комиссар. - Харин уже воюет в первом батальоне. В помощь вам я выделю группу курсантов. Они вас догонят. Район вам, по-моему, хорошо знаком.

- Знаком.

- Где займете оборону?

Я мысленно представил себе знакомую до мельчайших деталей местность. Конечно же, оборону будем занимать, по высотам, где я много раз бывал с курсантами. Эти высоты - их пять - тянутся с северо-запада на юго-восток в 1,5-2 километрах одна от другой. Позиция господствует над окружающей равниной, позволяет контролировать огнем значительное пространство. На высотах можно создать опорные пункты.

Докладываю эти соображения начальнику училища.

- Добро! - говорит он. - Никаких средств связи я вам не дам. Вы же сами знаете, что их у нас нет. Присылайте связных.

И вот я иду полевой дорогой. Иду один навстречу потоку беженцев. Старики, женщины, дети. Тащат узлы на плечах, толкают перед собой детские коляски, в которых тоже узлы и чемоданы. Гляжу на людей, запыленных, измученных, думаю о своих - о жене, эвакуированной на восток с малыми детьми. Как-то они там?

Мои размышления прервал рев "мессершмитта". Он, словно с горы, скатился с высокого августовского неба и, строча пулеметами, низко пронесся над дорогой. Люди бросились на землю, но один молоденький лейтенант, подняв пистолет, начал стрелять в желтое брюхо истребителя. Я схватил его за плечи, свалил в кювет. Пыльный бурун пулеметной очереди пропахал дорогу рядом с нами.

Отряхиваясь, поднялись, посмотрели друг на друга.

- Жить надоело?

- Нисколько, - смеется он. Белые зубы блестят на запыленном, загорелом лице. - Здравствуйте, товарищ капитан! Не узнаете?

- Морозов?

- Он самый.

- Откуда?

- Дорога дальняя, - отвечает. - Всю Прибалтику протопал на своих двоих.

Лейтенант Дмитрий Морозов - бывший наш курсант. Вместе с ним шесть бойцов, подтянутые, бравые парни в фуражках с зеленым околышем. Хорошо вооружены: у двоих немецкие трофейные автоматы, один даже с ручным пулеметом. Глядя на них, никак не скажешь, что пешком, с трудными боями идут они от самой границы.

Морозов рассказал, что, выполняя специальное задание командования, его группа оторвалась от своего полка. Где же его теперь искать?

Я обещаю запросить через начальника училища в штабе фронта, а пока прошу помочь мне.

- Чем помочь?

- Меня назначили командиром батальона. Батальон надо сформировать. Будем задерживать отходящих бойцов.

Морозов и его красноармейцы все поняли с полуслова. Нас было восемь человек. Разбились мы по парам, получилось четыре заградительных поста. Разошлись по полевым дорогам и дорожкам, что обегали главную высоту той гряды, где я наметил занять оборону. В тылу высоты, в березовой роще, устроили сборный пункт. Час спустя здесь было сформировано первое стрелковое отделение из бойцов, которые отбились от своих подразделений. Отделение заняло оборону на центральной высоте. К вечеру мы имели уже целый взвод. Подошли и обещанные начальником училища курсанты из 2-го батальона. Их было 13 человек.

Собрав курсантов на высоте, я объяснил им ситуацию и свой план обороны 12-километрового участка. В тот момент в батальоне было около пятидесяти человек, вооруженных винтовками. Задача - по крайней мере удвоить это число к утру, чтобы занять все пять высот хотя бы небольшими отрядами; создать пять опорных пунктов, сформировать в каждом по взводу, затем, если удастся, и по стрелковой роте.

- Разрешите вопрос?

Спрашивал Максим Бабичев, тот, что был моим связным во время боевой тревоги. Вчера, как рассказали его товарищи, он отличился в рукопашном бою.

- Товарищ капитан! А где мы возьмем оружие? Кто будет командовать сформированными взводами и ротами?

- Оружие будем собирать. Так, как собираем людей. Смотрите, у Морозова уже все вооружены. Хуже с боеприпасами. Но боеприпасы подвезут из училища. А командовать взводами и

ротами придется вам, товарищи курсанты.

Как я уже говорил, среди курсантов было много младших командиров. Из них я тут же и назначил командиров будущих рот и первых взводов. Взводным предстояло выполнять и обязанности политруков. Курсанты ушли от меня часа за два до захода солнца. Надо было торопиться - и посты выставить на дорогах, и хоть немного осмотреться на местах при свете дня.

Всю ночь в расположение нашего батальона продолжали отходить мелкие группы бойцов. Курсанты, назначенные командирами рот, доносили, что формирование подразделений идет успешно. В каждом из пяти опорных пунктов насчитывалось уже от 60 до 100 бойцов, а всего в составе батальона - около 400 человек. Подавляющее большинство - с оружием. Мы располагали шестью ручными пулеметами и одним станковым. Обзавелись собственным медицинским пунктом, санитарными двуколками, а также десятком конных повозок. Организовали и конную связь, что сразу же облегчило управление батальоном.

20 августа мне пришлось трижды пройти вдоль всего района обороны, проводя с командирами рекогносцировку местности, налаживая связь и взаимодействие между опорными пунктами. Но как прикрыть огнем 1,5-2-километровые промежутки между ними? Нужна артиллерия или минометы, но где их взять?

К вечеру иссяк поток беженцев, дороги опустели. Артиллерийская канонада переместилась довольно далеко за наш левый фланг. Оттуда донесли, что к переднему краю выскочили немецкие мотоциклисты в сопровождении двух бронетранспортеров. Противник отбит огнем. Спустя час такое же донесение - с правого фланга. Стало ясно, что главные силы фашистов уже на подходе. Где они, сколько их? Нам надо активизировать свои действия, противопоставить инициативе противника собственную инициативу. Пассивная оборона никогда не приносит успеха, даже в том случае, когда обороняющийся обладает значительными силами. Это я знал из истории военного искусства, которую изучал в академии, это мы не уставали повторять курсантам на учебных занятиях. Теперь впервые в жизни это надо было осуществить практически.

Приказал лейтенанту Морозову разведать противника в направлении железной дороги. Он пошел сам с группой своих пограничников в сумерках, когда влажные туманы выползли на поля из болотистых низин. В темноте разведчики, описав примерно 15-километровую дугу, пересекли шоссейную и железную дороги западнее Гатчины. Конечно, выяснить намерения гитлеровского командования разведчики (пленных захватить не удалось) не смогли, но кое-какие важные сведения

добыли. Обнаружили в 3-4 километрах от нашего переднего края скопление войск противника - до батальона мотопехоты с артиллерией и танками. Судя по расположению фашистских подразделений, они нацеливались на левый фланг нашей обороны, ближе к центру. Здесь и разместили мы свой резерв - 50 стрелков с двумя ручными пулеметами. И сам я перешел на левый фланг.

Светало. С наблюдательного пункта, с гребня высоты, мне была видна серая, затянутая плотной пеленой тумана равнина. Кое-где над туманом торчали вершины вековых елей, а на юге ровной цепочкой тянулись верхушки телефонных столбов. Всходило желтое солнце, освещая околицу деревни. Оттуда к переднему краю морозовской роты выдвигались танки и бронетранспортеры. Ударила фашистская артиллерия. Снаряды ложились сперва в низине, всплескивая огнем сквозь туман. Потом разрывы поползли по склону высоты вверх, к гребню, ближе к нам. Гулко ударило в уши, земля посыпалась за ворот гимнастерки. В окоп спрыгнул курсант Бабичев:

- Товарищ капитан, лейтенант Морозов приказал передать: фашисты обходят роту слева...

Смотрю в бинокль. Далеко это, видно плохо. Да и туман все еще стелился вдоль лощины, по которой, судя по донесению, фашисты обходили морозовскую роту.

- Из пулемета достать не можем, - докладывает Бабичев.

Приказываю ему:

- Бери резервный взвод, веди к левому флангу морозовской роты. Действуй по обстановке. Помни главное: отсекай пехоту от танков, не пропускай ее в наши тылы вслед за танками.

Бабичев бегом увел за собой резервный взвод.

Туман постепенно рассеивался, и я увидел фашистскую подвижную группу, которая атаковала роту Морозова с фронта: два легких танка и пять бронетранспортеров с пехотой. Один из них забуксовал, застряв на болотистом лугу, остальные машины остановились, ведя огонь с места. Опасаться им было нечего - артиллерии у нас не было. Вражеские автоматчики цепью двинулись к гребню высоты, а впереди, пробивая им дорогу, бушевал над окопами морозовцев артиллерийский огонь.

Между тем группа, обходившая роту Морозова по лощине, была остановлена взводом Бабичева. И только спешенная гитлеровская мотопехота упрямо приближалась к нашему переднему краю. Когда ей оставалось преодолеть последние 30-40 метров, над окопами поднялась коренастая фигура лейтенанта Морозова. В руках - винтовка, солнце ослепительно сверкнуло на штыке. За ним из окопов выскочили красноармейцы и

устремились на врага. Начался рукопашный бой. Где наши, где фашисты - я уже не различал. Все смешалось в стремительной круговерти рукопашной, потом толпа хлынула вниз, по склону высоты, к низине. Фашисты побежали, наши гнали и кололи бегущих...

Прошло несколько часов, но немцы, обладавшие абсолютным превосходством в артиллерии и танках, даже не попытались повторить атаку. Они ограничились огневыми налетами и авиационной бомбежкой. С левого фланга мне докладывали, что множество танков и бронетранспортеров гитлеровцев двигается в сторону Гатчины, обходя наши боевые порядки. Лишь впоследствии я 'понял цель маневра оперативного маневра! - немецко-фашистского командования. Оно стремилось, используя свои подвижные соединения, обогнать отходившие из Эстонии части 8-й армии и отрезать их от Ленинграда.

К концу дня мы установили связь с одним из соединений 8-й армии - 191-й стрелковой дивизией. Оттуда нам сообщили, что в наше расположение отходит стрелковый полк дивизии. 22 августа мы передали ему часть своего района обороны, а также вернули в дивизию более сотни бойцов, отставших от нее в ходе боев. В свою очередь штаб дивизии подкинул нам боеприпасы и продовольствие.

Итак, фронт обороны батальона сократился, мы зарывались все глубже в землю. Первые, пусть небольшие, успехи подняли наш боевой дух. Выше всяких похвал действовали курсанты, поставленные на роты и взводы. Я видел, с каким уважением относились к молодым командирам подчиненные.

23 августа, когда батальон только что отбил очередную атаку фашистов, на моем наблюдательном пункте появился старший лейтенант Федор Петрович Харин. Очень обрадовался я старому другу - и что он жив-здоров, и что пришел ко мне. Неужели начальник училища вспомнил мою просьбу дать в батальон опытного начальника штаба? Но оказалось, что Харин прибыл по поручению командира 1-го батальона майора Н. А. Шорина обменяться боевой информацией, договориться о взаимодействии, о том, как обеспечить стык флангов наших батальонов. (Стык флангов в той ситуации был понятием весьма условным, так как фланги батальонов разделялись примерно километровым пространством, занятым тремя-четырьмя бойцами с ручным пулеметом.)

Вид у Харина был весьма воинственный. Кроме своего пистолета - два немецких автомата на плече, в руках кобура с офицерским вальтером и полевая сумка.

- Где добыл трофеи?

- Известно, - отвечает, - где. На большой дороге. Вышел, помахал кистенем...

- А серьезно?

- Верно говорю, на дороге.

Харин шел ко мне лесной дорогой, когда услышал впереди треск мотоцикла. Замаскировавшись в кустах на повороте, удачно подорвал гранатой выскочивший мотоцикл. У трех убитых фашистов взял оружие, сумку с документами.

Обговорили мы с ним вопросы, с которыми он прибыл от Шорина. Потом он рассказал, что 1-й батальон, возможно, скоро развернется в полк, так как Шорин сформировал из отступавших бойцов еще два полных батальона. Обзавелись они и артиллерией.

- Какие калибры? - спросил я с откровенной завистью.

- Восемнадцать орудий, гаубицы ста двадцати двух миллиметров, - ответил Федор. - Пробивались из окружения, вышли к нам. Добыли несколько полковых и батальонных пушек. Хозяйственный мужчина Николай Александрович Шорин, а?

Хозяйственный, ничего не скажешь. И командир превосходный, и хозяин настоящий. Нелегкое это дело - в такой сложной обстановке обеспечить вооружением, боеприпасами, продовольствием три батальона вместо одного. А Шорин со всем этим управился.

О делах 1-го батальона Харин рассказывал с гордостью. Я слушал его - и люди, знакомые мне уже не первый год, открывались как бы заново.

Обязанности офицера разведки в 1-м батальоне исполнял мой близкий товарищ капитан Василий Ефимович Левин. Я знал его как обаятельного человека, выдержанного, спокойного. Он преподавал тактику, был прекрасным методистом. В первом же боевом деле Василий Ефимович показал себя и отличным практиком разведки. Вместе с лейтенантом Б. А. Григорьевым он сформировал два взвода разведчиков, во главе отделений поставил курсантов-пограничников, опытных в такого рода делах. В тот же день взводы ушли в первый разведывательный поиск. Вернулись с трофеями и пленными. Следующий поиск увенчался еще более значительным успехом: была разгромлена вражеская автоколонна, захвачено 6 груженных военным имуществом машин. 21 августа, опять во вражеском тылу, Василий Ефимович с пятью бойцами напал на фашистский конвой, сопровождавший пленных. Конвойные были перебиты, пленные освобождены, вооружены трофейными автоматами и поставлены в строй.

Через несколько дней, когда вражеские танки и мотопехота обошли 1-й батальон с юга и над ним нависла угроза окружения,

комбат Шорин бросил в бой последний резерв - разведчиков во главе с Левиным. В рукопашной схватке противник был отброшен, сбит с выгодного рубежа, где пытался закрепиться. Левин подорвал гранатами вражескую самоходно-артиллерийскую установку, принудил сдаться ее экипаж.

Выполняя личные поручения начальника училища, Василий Ефимович трижды пробирался через боевые порядки вражеских войск, чтобы восстановить прерванную связь с соседями - 191-й стрелковой дивизией и ленинградской дивизией народного ополчения, а однажды - чтобы восстановить связь со штабом 8-й армии. Капитан Левин первым в нашем училище был награжден орденом Красной Звезды. Да и вообще это было первое у нас награждение. В то трудное лето ордена давались скупо...

Без начальника штаба наш батальон все-таки не остался. На эту должность начальник училища прислал старшего лейтенанта В. Г. Асриева - тоже хорошего моего товарища, начальника кафедры физической подготовки училища.

Вано Асриеву было тогда 28 лет. Черноглазый, смуглый, нос с маленькой горбинкой. Обмундирование сидело на нем как влитое, и носил он его с тем воинским щегольством, по которому легко узнаешь кадрового строевого командира.

Родом Вано был из Азербайджана. К нам в училище он пришел после окончания Института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта.

Сейчас, придя на мой НП, старший лейтенант Асриев рассказал, что по приказу начальника училища все курсанты через двое суток отзываются с передовой обратно в Петергоф на государственные экзамены. Отзывался не только старший, но и младший курс. Им тоже досрочно должны были присвоить звания политруков или младших политруков.

Конечно, с точки зрения высшего командования, это было совершенно правильное решение. Ну, а нашим наспех сформированным подразделениям придется туго без командного костяка - курсантов. Однако прежде чем они убыли, батальон выдержал еще несколько серьезных боев.

На рассвете.25 августа фашисты предприняли очередную атаку. Основные их силы были брошены против роты лейтенанта Морозова. Со своего НП я хорошо видел картину боя. Впереди ползли три немецких средних танка, за ними - цепь автоматчиков. Подходы к нашим позициям были хорошо разведаны противником. Танки аккуратно обходили заболоченные низинки, нахально подставляя нам борта. Знали, что русской артиллерии тут нет. Танковые пушки пыхали огоньками выстрелов, расстреливали позиции 2-й роты.

Дружно стучат ручные пулеметы, фашистские автоматчики группами рассредоточиваются позади танков. Однако ружейно-пулеметный Огонь достает их и там. Автоматчики мало-помалу отстают от танков, залегают. Но танки продолжают ползти к окопам. До них уже метров 150, не более. Нервы напряжены до предела. Сейчас все решится. Человек против танка - кто кого? И вдруг за спиной, совсем близко, ударил орудийный выстрел. Фашистский танк остановился, из башни повалил маслянистый дым. Люк открылся, оттуда вывалились обгоревшие танкисты. - А снаряды уже вздыбливают землю перед вторым танком. Вот прямое попадание разбита гусеница. Вот еще одно попадание. Третий танк торопливо пятится и, развернувшись, уходит. Бегут и фашистские автоматчики.

По склону высоты я пошел в морозовскую роту. В кустарнике увидел замаскированную 45-миллиметровую противотанковую пушку, несколько дальше другую такую же. Бойцы-артиллеристы оживленно переговаривались, рассматривая стоявшие от них метрах в ста подбитые танки. Лейтенант Морозов не успел мне доложить об этих орудиях - помешала немецкая атака. Оказывается, вчера вечером его разведчики обнаружили "сорокапятки" во вражеском тылу, километрах в шести от передовой, в лесу. Видимо, какая-то часть оставила их при отступлении. В роте Морозова было много артиллеристов, они вызвались привезти пушки. Взяли в ближней деревне лошадей и ночью вывезли из вражеского тыла оба орудия вместе с двумя десятками снарядных ящиков. Едва успели установить на огневые позиции, начали окапывать, как началась атака.

- Вот наш главный герой, - сказал Морозов, подозвав молодого невысокого, но складного и бравого солдата с артиллерийскими петлицами на гимнастерке.

- Рядовой Андрющенко! - весело представился он.

- Откуда родом?

- Белоруссия, Могилевская область, Шкловский район, - доложил он.

- Рад, - говорю, - что мой земляк лицом в грязь не ударил. А я из Горок.

Ну, присели мы с ним близ орудия, закурили махорку, вспомнили родные места. В это время начали бить немецкие минометы, одна мина разорвалась рядом. Андрющенко был тяжело ранен, его немедленно отправили в медпункт, а оттуда - в госпиталь. Я отделался легким ранением и после перевязки вернулся на свой наблюдательный пункт.

С этого дня интенсивность боевых действий на нашем, да и на всех соседних участках резко возросла. Противник, обходя

нашу оборону, рванулся танковыми дивизиями на Гатчину и Красное Село. Одновременно его пехота при поддержке танков и авиации атаковала нас с фронта, пытаясь оттеснить к северу, прижать к побережью Финского залива.

Батальон был подчинен теперь командиру 191-й стрелковой дивизии. Мы продолжали формироваться за счет пробивавшихся из окружения бойцов и командиров, и в моем распоряжении было уже семь стрелковых рот, или до шестисот активных штыков. С этой значительной силой можно было активно обороняться.

Однажды в ходе боя противнику удалось вклиниться в центр боевого порядка батальона и захватить важную высоту. Оборонявшая высоту рота отошла в лощину и здесь двое суток отбивала атаки фашистов. Лощина простреливалась со всех сторон гитлеровцами, а отвести роту назад не позволяла обстановка. Значит, выход был один - идти вперед и отбить у фашистов высоту. Мы разработали такой план: две роты, расположенные левее и правее этой лощины, выделили по взводу для демонстрации ночной атаки. Их дело - привлечь внимание гитлеровцев к флангам, создать видимость обхода и окружения высоты. Ну, а потом ударит по высоте рота из лощины.

И вот, когда стемнело, справа и слева ударили наши пушки, пулеметы, рассыпалась ружейная стрельба. Взводы очень активно демонстрировали атаку, а затем - и ее неудачу, и свой поспешный отход. Это продолжалось около часа, и когда стрельба стала затихать и противник начал успокаиваться, двинулась в атаку наша рота. Высокая, густая рожь и тьма безлунной ночи позволили советским пехотинцам сблизиться с противником почти вплотную. По сигналу ударили в штыки и почти без потерь оседлали высоту. Рота фашистской пехоты, занимавшая высоту, была уничтожена.

Утром гитлеровцы предприняли контратаку, затем еще и еще раз пытались отбить высоту - безуспешно. Свой район обороны близ дороги на Красное Село наш батальон удерживал в течение восьми суток. Только в последних числах августа, когда противник обошел нас с обоих флангов и батальон оказался в полуокружении, мы организованно, поддерживая связь с соседями, предпринимая контратаки, отошли. К 3 сентября батальон в составе семи стрелковых рот, взвода противотанковых орудий и ряда других подразделений закрепился на новом оборонительном рубеже (в 10-12 километрах севернее старого), восточнее поселка Гостилицы. Правее и левее нас отошли другие части, заняв оборону вдоль побережья Финского залива до предместий Ленинграда. И когда несколько дней спустя фашистам все-таки удалось прорваться к Финскому заливу в

районе Стрельны и Лигова и таким образом вбить клин между Ленинградом и войсками 8-й армии, ее части удержали образовавшийся Ораниенбаумский плацдарм. Мало то, го, этот плацдарм, прикрывавший с юга Кронштадт и занимавший 64 километра по фронту и 20-25 километров в глубину, окруженный с трех сторон врагом, с четвертой - морем, продержался еще два с половиной года, до полной ликвидации блокады Ленинграда.

Однако свидетелем этих событий мне стать не довелось. 16 сентября я получил приказ передать личный состав батальона в 191-ю стрелковую дивизию{2}, а нам с Асриевым выехать в Ленинград за новым назначением.

Невский "пятачок"

Лесными дорогами, пешком, двинулись мы с Асриевым с передовой на север, к Финскому заливу. Погода стояла превосходная, легкий дождик освежал лес, он был расцвечен солнцем и красками ранней осени. Шум боя за спиной слышался все глуше. Лишь в небе рокотали "мессершмитты", рыская над дорогами. Пройдя примерно половину пути - километров 12, - устроили привал. Сварили в котелке суп из мясных консервов со свежими грибами, пообедали и отправились дальше. Часа в два вышли на берег Финского залива, однако нужный причал был разбит бомбами. По указателям нашли другой, целый. Около. него стоял катер, до отказа загруженный ранеными. С трудом уговорили командира катера принять нас на борт.

Катер взял курс на Ленинград, мимо Кронштадта. В небе висели немецкие самолеты-разведчики, грузно гудели эскадрильи бомбардировщиков - "юнкерсов", пытавшихся прорваться к Кронштадту. Однако заградительный зенитный огонь над крепостью был плотен и точен: то один, то другой "юнкере", вывалившись из строя и оставляя за собой шлейф черного дыма, падал в море.

На траверзе Петергофа катер был атакован "мессершмиттами". С малой высоты летчики отлично видели палубу, забитую ранеными. Видели, но все равно стреляли. Двое раненых были убиты, еще один вторично ранен.

В Ленинград катер прибыл в сумерки. Над Васильевским островом догорал красный закат, на его фоне стыли темно-серые громадные "колбасы" - аэростаты воздушного заграждения. На улицах пустынно. Окна нижних этажей, особенно на перекрестках и площадях, заложены мешками с песком. В стенах - пробитые амбразуры для орудий и пулеметов, на проезжей части - противотанковые ежи. Видно, что город подготовлен к уличным боям.

Еще дней десять назад немецко-фашистские войска,

взаимодействуя с белофиннами, полностью блокировали Ленинград, окружив его плотным кольцом.

В отделе кадров Ленинградского фронта нас с Асриевым не задержали. Меня назначили начальником штаба 9-го стрелкового полка 20-й стрелковой дивизии, Асриева - вторым помощником начальника штаба в тот же- полк. Получив предписания, мы тут; же отправились в штаб дивизии - благо располагался он неподалеку, в одной из школ северной части города.

Командира дивизии полковника А. П. Иванова в штабе не было. Принял нас начальник штаба полковник И. Ф. Расторгуев, сказал, что 20-я стрелковая дивизия (7, 8, 9 и 10-й стрелковые полки) формируется на базе частей НКВД. Формирование 9-го полка далеко не закончено, дел еще много, и дела хлопотные.

- Очень скоро нам предстоит выйти из состава второго эшелона на передовую линию. Так что поторапливайтесь, - добавил он.

Потом я наведался к комиссару дивизии. Полковой комиссар Иван Архипович Костяхин оказался старым знакомым - в середине 30-х годов мы с ним служили в одной части.

- И комиссар в полку тоже старый твой знакомый, - сказал Костяхин. - А кто, не угадаешь. Старший политрук Побияхо - вот кто!

- Василий Митрофанович?

- Он самый.

- Так он же интендантской службы. Техник-лейтенант.

- Был. Все рвался на политработу. Ну, ему помогли. Хорошо зарекомендовал себя и здесь.

Уже в полночь на последнем трамвае добрались мы до северных предместий города, где расположился 9-й стрелковый полк.

- Больница имени Мечникова, конечная остановка, - объявил кондуктор.

Неподалеку от больницы расположились штаб и тылы полка. Несколько севернее, в районе Пискаревского кладбища, в траншеях и блиндажах находились стрелковые батальоны. До фронта отсюда было километров 20-22.

В мощном, с четырьмя накатами толстых бревен, блиндаже меня встретил командир полка майор Григорий Дмитриевич Киселев.

- Ждем вас, - сказал он. - Из дивизии звонили.

Расспросив меня о службе, об участии в боевых действиях, Григорий Дмитриевич сразу, как говорят, поставил все точки над "и".

- Полк я принял временно, - сказал он, - пока не подыщут

строевого командира. Видите ли, Илларион Григорьевич, я всегда служил в частях береговой обороны, по интендантству. Все, что касается хозяйственных дел, знаю назубок. Но вести в бой полторы-две тысячи бойцов и командиров - такой ответственности взять на себя не могу. К этому не готов, не имею соответствующих знаний и навыков. Так я и доложил начальству, когда получал назначение. Со мной согласились. Сказали: "Временно командуй, пока полк формируется..."

Майор Киселев подробно рассказал мне о трудностях в формировании полка. Подразделения укомплектованы людьми на 30-40 процентов. Среди бойцов многие в армии никогда не служили (до войны не призывались, потому что работали в оборонной промышленности). Следовательно, обучать их приходится с азов, а времени - в обрез.

- Вот почему я рад вашему назначению, - закончил Киселев. - У вас за плечами военная академия, стаж строевой, штабной и преподавательской работы. То, что нам нужно. Беритесь за организацию учебы. Скоро на фронт.

Обстановка обязывала меня не медлить ни минуты. Работы я никакой не боялся. С детских лет в деревне, потом на шахте в Донбассе, потом в армии привык к тому, что жизнь - это прежде всего трудная работа, что нет выше удовлетворения, чем преодолевать трудности, нет выше чести, чем слышать о себе: "Он - работяга".

Утром я познакомился с командирами штаба полка. Первым помощником начальника штаба был капитан Степан Федорович Вербицкий - отличный строевой командир, постигающий теперь тонкости штабной работы. Вместе с ним я спланировал боевую подготовку полка на ближайшую неделю, организовал постоянный контроль за соблюдением расписания занятий.

Вторым помощником начальника штаба, как я уже говорил, был назначен старший лейтенант В. Г. Асриев. Раньше он тоже понятия не имел о штабной работе и первую практику получил у меня "в батальоне, в боях на Ораниенбаумском плацдарме, где хорошо справился с делом. Справится и здесь, в этом я был уверен.

Наконец, помощником по учету был техник-интендант 1-го ранга Михаил Дмитриевич Киселев.

С Вербицким, Асриевым и Киселевым я продолжал формировать полк.

В конце сентября командир полка майор Г. Д. Киселев, как он и ожидал, получил новое назначение, и мне пришлось временно исполнять обязанности комполка. Работали мы все очень напряженно: ежедневно по шесть часов подразделения

занимались боевой подготовкой, затем еще восемь часов оборонительными работами. Однако осуществить намеченную программу обучения нам не удалось.

В ночь на 18 октября-дивизия выступила из Ленинграда. Пешим маршем осенними тяжелыми дорогами двинулись в юго-западном направлении - туда, где из Ладожского озера вытекает Нева. Там уже более месяца шли ожесточеннейшие бои. Крупная фашистская группировка, прорвавшись через Синявино к берегам Ладоги, полностью блокировала Ленинград с суши. В свою очередь командование Ленинградского фронта с целью прорвать блокаду подготовило удар на Синявино. Была создана Невская оперативная группа войск, в которую вошла и наша 20-я дивизия.

Еще на марше мы получили приказ форсировать Неву вслед за 265-й дивизией на участке Пески-Бумажный комбинат. Однако эту дивизию постигла неудача, и нас тут же перебросили на другой участок - к поселку Невская Дубровка. Здесь Нева была уже форсирована, и на левом ее берегу, на плацдарме, геройски сражались бойцы и командиры 115-й стрелковой дивизии, 4-я бригада морской пехоты. Много дней и ночей отбивали они яростные контратаки фашистской пехоты и танков.

В ночь на 26 октября 20-я стрелковая дивизия начала переправу. Наш 9-й полк остался в резерве командира дивизии, поэтому первые дни мы только наблюдали за форсированием, помогая товарищам огнем. К сожалению, огневых средств в полку было мало - два батальонных орудия, шесть минометов да четыре станковых пулемета. (Впрочем, и в дивизии, и даже в составе Невской оперативной группы орудий более солидных калибров насчитывалось единицы.)

Ширина Невы в месте форсирования - До полукилометра. Противник беспрерывно освещал реку и крохотный пятачок плацдарма ракетами, его артиллерия и минометы вели непрерывный огонь по каждой лодке и плотику. Мимо моего наблюдательного пункта к берегу, таща за собой лодки, то и дело проходили моряки. В отблесках пожара, пожирающего строения Невской Дубровки, мелькали бушлаты и полосатые тельняшки. Под низко надвинутыми на лоб бескозырками лица моряков казались медными.

Моряки спустили лодки на воду, начали грузить в них ящики с боеприпасами. Командовал погрузкой старшина 1-й статьи Александр Федорович Белоголовцев. Его взвод был, если можно так сказать, старожилом плацдарма. Не раз помогали моряки переправлять на плацдарм стрелковые части. Вот и сейчас они пошли первыми, как бы прокладывая путь 7-му стрелковому полку нашей дивизии.

На следующую ночь переправились на плацдарм 8-й стрелковый полк, штаб дивизии и дивизионные части. К этому времени фашистам снова удалось захватить деревню Арбузово. 20-я дивизия атаковала деревню уже двумя полками. Противник сопротивлялся яростно. Наши подразделения ворвались в первую траншею, но продвинуться далее, за Арбузово, к дороге на Синявино, не смогли. Не имели сколько-нибудь значительного успеха и другие соединения, дравшиеся на плацдарме, в том числе 115-я и 265-я дивизии.

Фашистское командование, создав в этом районе громадный перевес в людях и технике, непрерывно бросало свои войска в контратаки, пытаясь ликвидировать плацдарм. На него - обрушивались жесточайшие огневые налеты вражеской артиллерии, пикировали десятки "юнкерсов" и "мессершмиттов". Горели постройки в Арбузово, Ананьево, в Московской и Невской Дубровках и в других поселках и деревнях по обеим сторонам Невы. Горели осенние сады, чащобы молодого ельника, сосновый смолистый бор. Громадные снопы искр вырывались из пламени, с треском пожиравшего хвою могучих елей, взлетали над их вершинами. Дымная, едкая пелена тянулась над рекой.

Вечером 27 октября с плацдарма прибыл связной. Меня вызвал командир дивизии полковник Иванов. На рыбачьей лодке переправились через Неву, бурлившую от взрывов. Над ее поверхностью стелился холодный туман, насыщенный едким дымом.

Комдива нашел у врытого в крутой берег блиндажа. Натужно кашляя от дыма, полковник Иванов поставил мне боевую задачу:

- Начинайте готовиться к переправе. Переправившись, пройдете через боевые порядки седьмого полка в первый эшелон дивизии. Задача: захватить Арбузово, обойти с востока узел дорог "Паук", к исходу дня двадцать восьмого октября выйти на дорогу Мустолово-Синявино...

- Товарищ полковник, в полку нет переправочных средств.

- Знаю. Сейчас собираем рыбачьи лодки. Пойдете в полночь, в самую глухомань.

Собрать лодки в эту ночь не удалось: за минувшие двое суток почти все они были либо потоплены огнем противника, либо сильно повреждены и нуждались в ремонте. Пришлось переправляться следующей ночью.

К этому времени плацдарм был несколько расширен нашей дивизией и составлял по фронту около полутора километров и 800-900 метров в глубину. Словом, "пятачок". Так мы его все называли, так он и в историю вошел - Невский "пятачок". Это была ровная песчаная, с редкими кустиками местность. Вроде

пляжа. И "пятачок" и зеркало реки.насквозь просматривались' и простреливались противником. Поэтому лодки, плоты и прочие подручные переправочные средства быстро выходили из строя.

С трудом удалось нам собрать всего 21 рыбачью лодку. Каждая поднимала четыре-пять человек. За один рейс мы могли переправить 80-100 бойцов. Значит, для переправы всего личного состава, то есть 1400 человек, нам потребуется 14-18 таких рейсов. Ну, а если прибавить рейсы, необходимые для переброски боевой техники, боеприпасов и продовольствия, если учесть неизбежные потери лодок, то выходит, что за ночь полк переправиться полностью не успеет.

По телефону доложил командиру дивизии:

- Переправиться за ночь не успею. Придется вводить полк в бой по частям.

- Придется, - ответил полковник Иванов. - Плохо, но ничего не поделаешь. Противник опять усилил нажим. Особенно на правом фланге...

Еще засветло 9-й стрелковый полк закончил подготовку к переправе. Люди и техника скрытно сосредоточились в двух глубоких и длинных оврагах - высохших руслах речек, впадавших некогда в Неву.

Как только сгустились сумерки, полковой инженер Валерий Данилович Стриев со своими саперами спустил вниз по оврагу к невской воде первые лодки. Ко мне подошел командир 3-й роты лейтенант П. М. Шемелев:

- Разрешите сажать людей?

- Разрешаю.

Он пошел с первым рейсом. Противник освещал реку - ракет не жалел. Вода кипела от разрывов снарядов и мин. Уже за серединой реки огромный водяной фонтан, оседая, накрыл лодку Шемелева. Она исчезла в волнах. Неужели люди погибли? Нет, как будто видны взмахи рук. Точно: плывут к тому берегу...

Позже я узнал, что лодка стала тонуть, на помощь двум раненым красноармейцам - Алексею Трофимовичу Цыбину и Леониду Кузьмичу Миронову поспешили коммунисты лейтенант Павел Максимович Шемелев и красноармеец Василий Степанович Орлов. Одному сунули в руки бревно, другому - сиденье разбитой лодки. Помогли доплыть до берега, сдали санитарам.

Высадив на плацдарм 3-ю роту, лодки вернулись. Стриев доложил, что три лодки потоплены, две сильно повреждены. С каждым последующим рейсом лодок оставалось все меньше, штабу полка приходилось на ходу делать перерасчет людей и техники, чтобы "сохранить порядок в переправе подразделений. К позднему октябрьскому рассвету, к семи утра, удалось

переправить два неполных батальона. А лодок осталось уже штук десять. Настало время переправляться и мне.

Смотрю, саперы Стриева тащат подвесной мотор. Установили на лодку. Едва отошли от берега, попали под минометный огонь. Кое-где продырявило борта, но с мотором Неву проскочили быстро. Лодка ткнулась носом в песок, и в тот же миг рядом рванул снаряд. Упал тяжело раненный начальник химической службы полка старший лейтенант Владимир Федорович Маслов. Его на той же лодке немедленно отправили обратно.

Переправившись через Неву, роты и батальоны с ходу вступали в жестокий бой. Противник вел сильнейший артиллерийско-минометный огонь, всюду на нашем пути вставала стена разрывов. Изматывали беспрерывные контратаки. Но защитники плацдарма дрались с таким подъемом, что не только удержали его, но и расширили.

Здесь, на плацдарме, я столкнулся с проблемой, которую условно назову проблемой пренебрежения опасностью. Мне, конечно, и прежде встречались смелые люди. Но на Невском "пятачке" я стал свидетелем, когда не отдельные люди, а целые подразделения проявляли бесстрашие. Это были ленинградские рабочие, составлявшие костяк нашего полка. Они шли в атаку в полный рост, не признавая перебежек, переползаний, и политработникам во главе с комиссаром Побияхо приходилось прямо в цепях убеждать бойцов! что вовремя укрыться от огня значит уберечь подразделение от напрасных потерь.

Много атак видел я в годы Великой Отечественной войны - смелых, целеустремленных пехотных атак, которые можно по праву назвать коллективным подвигом. Но атаки ленинградских рабочих на Невском "пятачке" в октябре сорок первого особенно врезались в память. Словно наяву вижу холодный багряный закат и редкую цепочку красноармейцев, которые, не сгибаясь, идут в бушующий огонь с винтовками наперевес. Идут так, как в восемнадцатом году шли на беляков их отцы и деды - тогда веселые рабочие парни с Охты, с Васильевского острова и Выборгской стороны.

Весь день 29 октября прошел в атаках и контратаках. Мы твердо стояли на плацдарме. Ночью в тылу у противника слышен был непрерывный шум моторов: фашисты подтягивали к передовой подкрепления. Ясно, с утра они снова попытаются ликвидировать плацдарм и сбросить нас в Неву.

Готовились и мы. Установили локтевую связь с соседями - 7-м и 8-м стрелковыми полками, глубже зарылись в землю, хотя приказ прорвать оборону противника и овладеть "районом пересечения просек, что один километр восточнее Арбузово"{3},

остался в силе и был подтвержден комдивом. Переброска боеприпасов, снаряжения, продовольствия и других грузов осуществлялась саперами на плотах, так как из 21 лодки, с которыми мы начали форсирование, теперь на плаву было, всего две.

Хорошо поработал в эту ночь комиссар Побияхо и его партийно-политический аппарат. Боевую задачу коммунисты разъяснили каждому бойцу. Были выпущены боевые листки с короткими, но запоминавшимися заголовками: "Хочешь в бою иметь удачу - крепко усвой свою задачу", "В бою хорошо окопался - жив остался", "Как фронт ни велик, судьба его решается и на твоем участке".

За первую половину ночи я обошел все батальонные районы. В 1-м батальоне не задержался. Им командовал майор Яков Андреевич Монахтин - кадровый командир, очень грамотный в военном отношении человек, дисциплинированный, волевой, а уж насчет боевого опыта и говорить нечего: дважды орденоносец - за гражданскую и финскую войны. Таких тогда было мало. Я у него многому научился.

Монахтин очень дружно работал с комиссаром батальона старшим политруком А. И. Большаковым. Они хорошо дополняли друг друга. Александр Иванович Большаков доложил мне, что" уже побывал во всех ротах, беседовал с секретарями партийных и комсомольских организаций, политруками рот. Вместо выбывших из строя были назначены новые товарищи, налажены сбор и эвакуация раненых. К сожалению, полевые кухни были разбиты во время переправы, и, бойцам приходилось пока довольствоваться сухим пайком.

Во 2-м батальоне мне пришлось задержаться, здесь был ранен комиссар, а комбат майор А. А. Басиков нуждался в практической помощи. Старый коммунист, участник гражданской войны, Басиков, уйдя в запас, после ее окончания, на переподготовку не привлекался. Конечно же, отстал в военном деле. Да и годы давали себя знать.: ему было за пятьдесят.

- Ругайте меня, Илларион Григорьевич. Крепко проберите старика, - с горечью говорил он мне. -Ведь сколькими производственными коллективами руководил. План всегда перевыполняли. Грамоты, благодарности... Думал, и в армии смогу так же. А оказался вроде приготовишки...

Андрей Александрович в запальчивости несколько преувеличивал свою "немоготу". Организатором он был превосходным, умел сплотить и сдружить людей. Но управлять боем батальона на первых порах ему действительно было трудно, не хватало специальных знаний и навыков. И сейчас ему нужна

была постоянная квалифицированная помощь.

Вместе мы выработали решение на предстоящий бой, затем в моем присутствии Басиков заслушал доклады командиров рот и политруков, согласовал с ними все вопросы взаимодействия и отдал боевой приказ.

После этого я отправился в 3-й батальон. Здесь обязанности командира временно исполнял младший лейтенант Владимир Федорович Задорожный, недавно прошедший ускоренный курс военного училища. Управлять батальоном ему было очень трудно. Ни боевого, ни жизненного опыта у него не было. В помощь Задорожному я оставил капитана С. Ф. Вербицкого и парторга полка старшего политрука Захария Сидоровича Мельникова. Они помогли молодому комбату подготовить людей к завтрашнему трудному бою.

Наступил рассвет 30 октябрями сразу стало ясно, что наступать нам не придется. Противник начал мощную авиационную и артиллерийскую подготовку, которая продолжалась минут сорок. Разрывы бомб, снарядов, мин слились в сплошной гул. Я говорил уже, что весь Невский "пятачок" представлял собой как бы громадный пляж. Снаряды и бомбы, взрывая его вдоль и поперек, поднимали тучу пыли. Она засыпала глаза, набивалась в уши, в рот, засоряла оружие. Чтобы сохранить в исправности винтовки и пулеметы, бойцы обвертывали трущиеся металлические части тряпками. Окопы, вырытые в том же песке, быстро оседали и осыпались, а укрепить их было нечем - леса не было.

Пыль еще не улеглась, и с моего командного пункта местность за передним краем еще плохо просматривалась, когда начальник полковой разведки капитан Э. И. Янишевский крикнул:

- Идут!

Фашисты шли в атаку двумя длинными цепями. Стреляли из автоматов, что-то громко кричали. Видимо, были уверены, что их авиация и артиллерия не оставили здесь камня на камне.

Однако командиры батальонов доложили мне о готовности отразить атаку.

Приказываю дать сигнал к открытию огня. Серия разноцветных ракет взвивается в тусклое октябрьское небо. И сразу вступают в дело наши пулеметы, наперебой стучат сотни винтовок. В цепях фашистов происходит замешательство, падают убитые и раненые. Один отползает в поисках укрытия, другой бежит. Затем, охваченные паникой, все бегут к лесу, подхлестываемые пулеметным огнем. Атака отбита.

И опять гремит вражеская артиллерия, пикируют, заваливаясь на крыло, "юнкерсы", опять тучи песчаной пыли

застилают плацдарм. Значит, противник повторит атаку. Где? На каком участке? Дело в том, что 9-й полк занимает всю западную часть Невского "пятачка" - от берега Невы к поселку Арбузово (снова захваченного фашистами) и далее на восток через узкоколейную железную дорогу к песчаному карьеру. Там стык нашего левофлангового 3-го батальона с соседом 8-м стрелковым полком. Оттуда только что вернулся старший лейтенант Асриев и доложил мне, что 3-й батальон успешно отбил атаку.

- "Сова"! "Сова"! Я - "Ястреб"... - кричит в трубку телефонист.

Но "Сова" - 2-й батальон - не отвечает. Опять порвана связь. Телефонист выскакивает из окопа, бежит, пригибаясь, вдоль проврда, а я стараюсь рассмотреть в бинокль, что происходит во 2-м батальоне.

Фашисты снова атакуют. Под прикрытием орудийно-минометного огня они пытаются пробить брешь в обороне полка. Нашли слабое место - стык флангов 1-го и 2-го батальонов, и бьют в этом направлении. Мощный артналет сменяется вражеской атакой. Она отбита, и снова артналет. Видно, как редеет наш ответный огонь на стыке.

Противник вклинился в боевые порядки полка. Это уже опасно: может рассечь полк надвое. Ведь от стыка батальонов, от вершины плацдарма до его основания реки, не более километра. По телефону я доложил обстановку командиру дивизии, попросил помочь огоньком. Затем вызвал лейтенанта Шемелева (его 3-я рота находилась в моем резерве, неподалеку от командного пункта), поставил ему задачу ударить фашистам во фланг, не допустить к реке. Сказал на прощание:

- Весь полк на тебя смотрит, Павел Максимович. Вся надежда на третью роту. Так и передай своим хлопцам.

- Передам, - ответил он.

Не знаю, как он говорил с бойцами, но поработали они на славу. Комдив дал обещанный огонек, 3-я рота дружно ударила в штыки. Фашисты остановились, попятились. Поддерживая 3-ю роту, перешли в контратаку подразделения 1-го и 2-го батальонов.

Тем временем 3-я рота продолжала стремительно продвигаться. В сложной обстановке, когда зачастую не ясно, ты ли зашел в тыл врага, или он к тебе, Павел Максимович Шемелев действовал исключительно четко и грамотно. Группу бойцов-пулеметчиков с политруком Ефимовым он выделил в прикрытие, а сам с 14 бойцами атаковал противника в поселке Арбузово, выбил оттуда фашистов. Лейтенант Шемелев доносил мне, что удерживает Арбузово, что отбил несколько ожесточенных контратак, но у него осталось только семь бойцов, а сам он

тяжело ранен и вынужден передать командование младшему политруку Гоголеву. Иван Семенович Гоголев, только что окончивший училище и попавший сразу в такое пекло, нуждался в помощи. Политрук роты Ефимов оказать ему поддержку не мог, так как с пулеметчиками отбивал сильные контратаки противника.

- Разрешите мне сходить в третью роту? - об ратился ко мне старший лейтенант Асриев.

Я разрешил. Уже после боя Гоголев сказал мне, что не приди вовремя Асриев, была бы беда. Честно признался, что видел один выход - оставить Арбузово и "три сосны" (так назывался известный всем на плацдарме ориентир - бугор с тремя соснами, обрубленными осколками).

- Как обстановка? - спросил подползший к Гоголеву Асриев.

- Плохо. Боеприпасов нет. Надо отходить, а куда девать раненых? Что делать?

- Во-первых, зажать нервы в кулак, - ответил Асриев. - Во-вторых, собрать всех раненых в траншею, успокоить. Если у кого из них остались боеприпасы, забрать. В-третьих, немедля пошли в тыл за боеприпасами.

- Да где он, тыл-то? Как к нему пробраться?

- Я же оттуда пробрался, - ответил Асриев. - Назначь красноармейцев порасторопнее, я им объясню, как пройти.

Короче говоря, час спустя и боеприпасы были доставлены, и раненые эвакуированы в безопасное место. Асриев оставался в роте, пока не прибыл ее политрук Ефимов со своими пулеметчиками. Он и возглавил роту, которая продолжала стойко отражать атаки фашистов.

Во второй половине дня натиск гитлеровцев стал ослабевать, они понесли слишком большие потери. Однако обозначившийся успех надо было еще развить и полностью ликвидировать опасное вклинение на стыке 1-го и 2-го батальонов. Я с группой разведчиков и связистов пошел, точнее, пополз к этому участку. Спрыгнул в попавшийся на дороге окоп, нашел комиссара Побияхо. Сквозь грохот разрывов Василий Митрофанович кричал:

- Готовим контратаку! Асриев с Клебановым там!...

Впереди, метрах в 50-ти, в окопах 2-го батальона мелькали немецкие каски. А еще ближе к нам на изрытом воронками песке залегли наши бойцы. Вот двое вскочили, что-то крича, бросились вперед, а за ними к занятым фашистами окопам двинулись со штыками наперевес остальные. Это Вано Асриев и старший политрук Аркадий Клебанов - инструктор по партполитработе 20-й дивизии, находившийся в нашем полку, - повели солдат в контратаку. Вот они. ворвались в траншею, закипел рукопашный

бой.

Мы с Василием Митрофановичем Побияхо и группой разведчиков и связистов короткими перебежками двинулись вслед за атакующими. Справа продвигались подразделения 2-го батальона, слева - 1-го. Отдавая распоряжения, я невольно следил за старшим лейтенантом Асриевым. Его ловкая спортивная фигура то исчезала в траншее, то появлялась на бруствере. Он расстреливал фашистов из нагана, забрасывал их ручными гранатами.

Мы медленно продвигались вперед, в жестоких рукопашных схватках выбивая гитлеровцев из окопов, захваченных ими час назад. Снова я увидел Асриева. Вот он ударил рукояткой нагана вражеского офицера, тот упал ему под ноги. Но из-за поворота траншеи выскочил еще один фашист. Что было мочи я закричал:

- Ваня, фриц!

Автоматная очередь - Асриев успел выстрелить - и фашист рухнул навзничь. Но и Вано, видимо, ранен. Сначала стал на колени, потом сел в окопе. Подбежал к нему... Грудь, правое плечо в крови. Хочу перевязать -героя, говорю ему:

- Потерпи, Ваня, потерпи, дружище. Все обойдется.

Он посмотрел на меня умными, добрыми глазами, с трудом разжал губы:

- Прощай, Илларион... Скажи Юле... Пусть помнит...

Это были последние слова отважного командира Вано Асриева...

А несколько часов спустя мне доложили, что погиб старший политрук Клебанов. Два дня подряд появлялся он на самых опасных участках боя, личным примером и словом коммуниста увлекая за собой бойцов и командиров на подвиги. Накануне был контужен, но остался в строю. И вот его нет с нами. За один короткий осенний день погиб второй близкий мне человек. Я понимал, что в борьбе с врагом жертвы неминуемы. Особенно на таком малом плацдарме, где потерян был счет рукопашным схваткам с врагом, где мы то и дело сходились с фашистами, бились штыками, прикладами, гранатами и даже остро отточенными лопатами и ножами. Но потерять близкого друга тяжело было вдвойне. В сердце оставалась незаживающая рана.

Еще во время войны и после я пытался разыскать кого-нибудь из родных Аркадия Теодоровича, но не смог. Время шло. И вдруг в канун 35-й годовщины победы над фашистской Германией получил письмо. Вскрыл конверт - вместе с письмом фотография. Долго я смотрел и своим глазам не верил. Аркадий Теодорович? Неужели живой?

В письме он напомнил кратко о том захватывающем эпизоде.

Отделение коммуниста, ленинградского рабочего-железнодорожника, сержанта П. М. Михайлова прикрывало фланг третьего батальона близ песчаного карьера. Там, на огневой позиции отделения Михайлова, находился и Аркадий Клебанов. Михайлов обнаружил группу немецких пехотинцев, которые готовились перейти в контратаку, а неподалеку от них, на опушке леса, стояло орудие на прямой наводке и вело огонь по нашим траншеям. Михайлов решил незаметно подобраться к вражескому орудию и подорвать его гранатами. Клебанов одобрил решение. Михайлову с двумя ленинградцами - М. С. Вороновым и А. А. Рубиным - удалось подобраться к пушке и подорвать ее. Теперь надо было уходить. Немецкие пехотинцы заметили советских солдат и бросились наперерез. Наши воины вынуждены были принять неравный бой. Им грозило окружение. Клебанов, внимательно наблюдавший за действиями отважных бойцов, с группой солдат бросился на помощь. Враг оставил на поле боя более двадцати трупов и отошел на исходные позиции. С нашей стороны были тяжело ранены Михайлов, Рубин и Клебанов. Пуля ударилась о ствол автомата Клебанова, разбила ложе автомата. По необыкновенно счастливой случайности Клебанов не пострадал, но, когда попытался отползти в укрытие, рядом разорвалась вражеская мина. Аркадий Теодорович был контужен и ранен. Санитары соседней дивизии отвезли его в госпиталь.

Лечили Клебанова долго. Вернувшись в строй, он до конца войны воевал в разных соединениях на многих участках фронта, за совершенные подвиги в боях был награжден четырьмя боевыми орденами. Аркадий Теодорович и по сей день в строю. Он кандидат исторических наук, доцент, его жизненная история - одна из многих, характерных для тех, кто прошел через огонь Невского "пятачка", через множество других тяжелых военных испытаний, выдержав этот суровейший для нашего поколения экзамен.

Ожесточенные бои на Невском "пятачке" продолжались.

Утро 31 октября опять началось с авиационно-артиллерийской подготовки фашистов. Потом - атаки и контратаки. Кровопролитные бои на Невском "пятачке" продолжались день за днем, и хотя прорваться, с плацдарма к Синявино нам и нашим соседям не удалось, эти бои сыграли в обороне Ленинграда заметную роль: вражеское командование было вынуждено бросать к плацдарму одну дивизию за другой, фашистские соединения уничтожались нашими войсками, на их место вводились новые и снова уничтожались. Таким образом, Невский "пятачок" поглощал резервы группы армий "Север" в самые напряженные дни гигантского сражения в центре страны -

Московской битвы.

6 ноября я был тяжело контужен разорвавшейся близ наблюдательного пункта миной. Очнулся уже в Ленинграде, в гостинице "Англетер", где размещался госпиталь. Из окна палаты увидел знакомые места - Исаакиевский собор, разукрашенный громадными маскировочными пятнами; разрушенный угол дома на улице Союза связи, где я жил с семьей незадолго до войны. А вечером того же дня весь госпиталь слушал по радио доклад И. В. Сталина, сделанный им в Москве, на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. И когда, заканчивая выступление, Сталин сказал о грядущей победе, все зааплодировали. Мы верили, что час нашего торжества недалек.

Бои местного значения

Выписавшись в начале декабря из госпиталя, я нашел свой полк уже на Карельском перешейке, близ Белоострова, в поселке Оселки. Товарищи встретили меня очень тепло. Командир полка майор Федоров и комиссар Побияхо сразу же ознакомили с боевой обстановкой, охарактеризовали новых командиров, назначенных на вакантные должности. В составе штаба изменения произошли небольшие. Моим помощником по тылу стал старший лейтенант В. К. Клепиков; обязанности начальника связи временно исполнял командир роты связи старший политрук Иван Алексеевич Спиридонов; командиром взвода разведки полка был назначен лейтенант Иван Иванович Журов, которого я знал еще курсантом военно-политического пограничного училища. Прислали нам и переводчика техника-интенданта 3-го ранга Петра Матвеевича Ломинкина. К сожалению, он владел только немецким языком, а нам предстояло воевать против финских войск.

Вскоре 20-я стрелковая дивизия заняла оборону на выборгском направлении во втором эшелоне 23-й армии, на рубеже Агалатово, Черная речка, Дибуны. Здесь мы простояли всю зиму, до марта 1942 года. Наш 9-й стрелковый полк, расположенный в районе железнодорожной станции Дибуны, пополнился людьми и боевой техникой. Теперь в полку имелся уже целый дивизион 120-миллиметровых минометов- 12 стволов. А кроме того, появилась и батальонная артиллерия - по взводу 45-миллиметровых пушек на стрелковый батальон. Получили мы и противотанковые ружья, и значительное число станковых и ручных пулеметов. Таким образом, огневая мощь полка в начале сорок второго года, если сравнивать ее с октябрем сорок первого, когда мы дрались под Невской Дубровкой, возросла в 5-6 раз. Людьми полк был укомплектован на 75 процентов, то есть почти

так же, как перед первым боем на Невском "пятачке".

В конце марта мы получили приказ выдвинуться на передовые позиции. Предстояло сменить 245-й стрелковый полк 123-й стрелковой дивизии. Передний край обороны этого полка проходил от Елизаветинки через лес, находившийся в двух километрах севернее озера Сарженского, к высоте 98,0{4}. Штаб полка находился восточнее поселка Медный Завод и одноименного озера. Фланги полка упирались в дороги, идущие через линию фронта к Ленинграду. Слева шоссе - от Выборга, справа - с побережья Ладожского озера.

Морозной мартовской ночью наша часть быстро и без всяких происшествий сменила 245-й полк в указанном районе. Началась жизнь на передовой. В первые же дни мы составили план усиления и усовершенствования оборонительных позиций, приступили к земляным работам. Работы велись вручную, так как инженерно-технических средств полк не имел. Малоснежная зима сделала грунт мерзлым, жестким. Чтобы не переутомлять людей, окопные работы спланировали делать в несколько смен. Конечно, трудились только по ночам, когда противник не мог вести прицельный огонь.

За три месяца полком была проделана колоссальная работа: было отрыто траншей, окопов и ходов сообщения полного профиля более 12 погонных километров; построено более 40 деревоземляных огневых точек, около 40 командных и наблюдательных пунктов, до 30 различных хозяйственных построек; установлено 8 с лишним километров проволочных заграждений и несколько обширных минных полей.

Совершенствуя оборону, мы одновременно вели бои местного значения, стремясь улучшить свои позиции, сковать силы противника, нанести ему возможно большие потери.

Эти боевые действия на участке 9-го стрелкового полка имели одну характерную именно для Карельского перешейка особенность: фронт здесь пролегал вдоль старой советско-финляндской границы. Наша оборона опиралась на доты и дзоты своего пограничного укрепленного района, финская - на бывшую линию Маннергейма, которую они спешно восстанавливали и модернизировали. Между этими двумя укрепленными, насыщенными инженерными долговременными сооружениями полосами, между двумя огромными лесными массивами простиралась открытая местность - каменистое, занесенное снегом поле почти двухкилометровой ширины, с буграми и высотками, с чахлым ельником и сосновыми рощицами, с множеством замерзших ручьев, речушек, болот и озер. Своего рода ничейная земля, куда и мы и противник выдвигали боевое

охранение и где непрерывно шла "малая война" за каждую более или менее удобную позицию.

Особенно досаждал финнам наш пушечно-пулеметный дот, который в силу сложившейся боевой обстановки оказался на этой самой ничейной земле, метрах в 800 впереди боевых порядков 3-го батальона. Дот стоял на высотке и контролировал огнем развилку дорог в тылу противника. Мне довелось побывать в доте и увидеть отличную боевую работу его гарнизона, состоявшего из двух десятков артиллеристов и пулеметчиков. Обзор из дота отличный, точно пристреляны все ориентиры, данные пристрелки занесены в особые карточки. Так что дать огонь на поражение по любой цели - дело считанных секунд.

Когда я впервые к ним пришел, командир орудия указал мне на дальнюю опушку леса во вражеском тылу, где среди деревьев мелькали фигурки солдат, а дорога и перекресток были пустынны.

- Так и лазят лесом да болотом - то на передовую, то с передовой, - сказал он. - А развилку мы прикрыли наглухо.

Вскоре я в этом убедился сам, когда из лесу на дорогу выскочила крытая брезентом грузовая машина и на полной скорости помчалась к перекрестку. Сержант подал команду, лязгнул затвор орудия, грянул выстрел. Снаряд ударил под задние колеса грузовика, он завалился в кювет, и долго еще рвались на дороге ящики с боеприпасами.

Финны часто обстреливали дот из тяжелых орудий, но пробить или повредить его железобетонное покрытие так и не смогли. Тогда они послали к доту взвод саперов с взрывчаткой. Гарнизон встретил их метким пулеметным огнем, и саперы, потеряв человек 10 убитыми и унося раненых, убрались восвояси.

В начале апреля противник предпринял более серьезную попытку уничтожить дот. Вечером с переднего края, из 3-го батальона, в штаб полка доложили, что финны - усиленная пехотная рота с артиллерией и минометами, - обойдя наше боевое охранение, блокировали дот и атакуют его с тыла.

Майор Федоров приказал мне срочно отправиться в 3-й батальон и принять меры к деблокированию дота. Командир батальона капитан Н. И. Саблин сообщил, что уже пытался своими силами помочь гарнизону дота, но пробиться к нему не удалось. Да я и сам видел это. Шквальный артиллерийский огонь бушевал над передним краем саблинского батальона. Противник, как говорится, носа не давал высунуть. Отсекал дорогу к доту, причем бил и тяжелыми орудиями, и легкими, и минометами.

Доложил командиру полка:

- Своими силами не обойдемся. Нужны подкрепления.

- Высылаю две роты из своего резерва, - ответил майор Федоров. Артиллерия поддержит. Ваш план?

Доложил план деблокирования дота. Противник ждет, что мы предпримем контратаку по кратчайшему направлению, здесь он сосредоточил все свои огневые средства. Не будем его разубеждать - продемонстрируем лобовую атаку. А тем временем две стрелковые роты с флангов выйдут в нейтралку и окружат врага, блокировавшего дот. Маневр проведем ночью, благо уже темнеет.

Командир план одобрил, и в десятом часу вечера мы приступили к его выполнению. Артиллерия открыла огонь, роты, назначенные в обход, выдвинулись за передний край, впереди шли самые опытные полковые разведчики, излазившие нейтралку вдоль и поперек. Демонстрацию атаки, устроенную капитаном Саблиным, противник принял за настоящую атаку. Завязался сильный огневой бой. Наблюдая вспышки разрывов в ночной тьме, мы с Саблиным думали, наверное, об одном и том же - о гарнизоне дота, который уже семь часов подряд сражался в окружении. Продержитесь, хлопцы, еще час!

Наконец, где-то в районе дота взлетели и рассыпались красные ракеты сигнал для нас, что роты установили между собой связь и изготовились к атаке. Приказываем артиллерии прекратить огонь, чтобы не попасть по своим, даем ответную ракету. Вдали гремит громкое "ура", огонь противника сразу слабеет.

Ночной бой увенчался успехом. Пехотная рота противника была окружена и разгромлена, дот деблокирован. Мы с Саблиным пошли поблагодарить его гарнизон за стойкость. Девять долгих часов дрались герои в окружении. Вражеские артиллеристы били по амбразурам прямой наводкой, саперы пытались подорвать дот взрывчаткой, ослепляли дымовыми шашками, но советские воины продолжали бой. На подступах к доту лежало множество вражеских трупов.

Из дота в сопровождении нескольких красноармейцев мы прошли к позиции боевого охранения и здесь стали свидетелями такого случая.

Идем, луна выглянула, морозно, снег скрипит.

- Там взвод Горчакова, - указал комбат на темнеющий впереди бугор.

В этот момент противник нас заметил и ударил из пулемета. Пришлось залечь и добираться до окопов боевого охранения ползком. Слышим, кричит кто-то с нерусским акцентом:

- Ива-ан! Начальство идет!

Значит, предупреждает о нас лейтенанта Горчакова Ивана

Андреевича. Я его хорошо знаю, он ведь тоже был курсантом нашего пограничного училища. Спрыгнул к нему в окоп, спрашиваю:

- Кто это у тебя, лейтенант, такой бдительный - на весь фронт крик поднял?

Горчаков смеется:

- Не у меня - у финнов. Разрешите им ответить? Гранатой.

- До вражеских окопов метров восемьдесят. Гранатой не достанешь.

- А смекалка на что нам дана? - отвечает Горчаков.

Подозвал он двух красноармейцев, сказал им что-то, смотрим - колдуют они над гранатами (гранаты были старого образца, с рычажком и зажимным кольцом), привязывают к ним нехитрое приспособление из веревки и шпагата. Потом, отойдя друг от друга, высунулись из окопа, раскрутили над собой гранаты на веревках, запустили в финскую сторону. Там рванул взрыв, послышалась ругань, застрочил пулемет...

Примерно неделю спустя после неудачной попытки противника захватить наш дот уже в штабе полка мы обсуждали план ликвидации финского дзота, который тоже находился на ничейной земле, на высоте Блин. Подавить его артиллерийским огнем никак не удавалось, а установленные в нем два пулемета мешали роте лейтенанта П. М. Шемелева проводить оборонительные работы. Шемелев - тот самый, что отважно дрался на Невском "пятачке", - предложил комбату капитану Н. И. Саблину смелый план атаки дзота. Командир полка план утвердил.

Перед рассветом 10 бойцов во главе с сержантом Павленко вышли из траншеи шемелевской роты и по-пластунски двинулись к высоте Блин. Было тихо, туманно, падал мокрый снежок. Час спустя, когда контуры высоты уже стали просматриваться с нашего наблюдательного пункта, на ее вершине мелькнула вспышка огня, следом еще, донеслись негромкие разрывы ручных гранат, и опять все стихло. Шемелев немедленно двинул к высоте стрелковый взвод, связисты потянули телефонный провод, и вскоре оттуда поступило сообщение, что высота Блин в наших руках.

Отделение сержанта Павленко взяло высоту, как говорится, "на штык". Противник, прикрыв к ней подступы проволочным заграждением, был готов встретить настоящую атаку - с артподготовкой, с наступающей по открытой местности пехотой - и никак не ожидал, что в предутренней мгле перед его окопами вырастут фигуры красноармейцев со штыками наперевес. Трофейные пулеметы были тотчас развернуты в сторону врага, и

последовавшая контратака захлебнулась еще на дальних подступах к высоте: Так благодаря инициативным действиям Шемелева и его - подчиненных удалось значительно улучшить не только позиции роты, но и всего 3-го батальона.

Да и вообще надо сказать, что этот батальон проявлял наибольшую активность в период обороны на Карельском перешейке. Затишье на фронте невольно несколько расслабляет людей, притупляет их бдительность, что, естественно, сказывается на боеспособности. Хороший командир никогда не допустит этого. Заботясь об отдыхе своих солдат, думая о том, как с наибольшей выгодой для дела использовать любую передышку, он в то же время всегда помнит и напоминает подчиненным, что война есть война, что завтра может поступить приказ идти в наступление, а всякая расслабленность чревата тяжелыми последствиями. Именно таким командиром был комбат-3 Николай Иванович Саблин, в таком духе он воспитывал своих красноармейцев, сержантов и командиров, и боевые действия на участке батальона были тому практическим подтверждением. Добавлю, что после войны генерал-майор Саблин преподавал в военной академии.

Одним из воспитанников Саблина, хорошо освоивших стиль боевой работы комбата, был Павел Максимович Шемелев. Паренек из мордовского села Ананьево, с юных лет посвятивший себя военной службе, он вырос буквально у нас на глазах. Жаль, что с ним и с другими старыми боевыми товарищами по 9-му полку мне вскоре пришлось расстаться до конца войны. Уже много лет спустя, интересуясь судьбами однополчан, я узнал, что Шемелев за отличия в прорыве обороны противника на Карельском перешейке и в боях по освобождению Прибалтики неоднократно был награжден. Закончил войну Шемелев командиром батальона, остался служить в кадрах.

* * *

Поздняя северная весна наконец-то вступила в свои права. Бесчисленные озера, болота, ручьи и речки вышли из берегов, талые воды затопили двухкилометровую полосу, что между нашими и финскими укреплениями. К позициям боевого охранения приходилось добираться вброд - иной раз по пояс, а иногда и по горло. Днем трудно, потому что весь ты на виду у финских пулеметчиков, ночью не легче, так как нахоженные тропинки скрыты под водой: чуть оступись нырнешь с головой вместе с оружием и боеприпасами.

Да и противник не жалел осветительных ракет. В эти дни особенно активно действовал один вражеский пулеметный дзот перед правым флангом полка. Он простреливал и позицию

нашего боевого охранения и подступы к ней. Дзот был устроен в громадных валунах, поэтому наша артиллерия не могла подавить его. План ликвидации дзота предложил инициативный офицер - командир взвода полковой разведки лейтенант Мельников. Как-то увидел я Мельникова в тылу, близ дзота, построенного для учебных занятий. Он держал на поводке двух собак. Обычные дворняги, но к их спинам приторочены мешки с песком.

- Перенимаю опыт, товарищ майор! - ответил он на мой вопрос. - Приучаю собачек к боевой работе. В дзоте для них приготовлен корм. Хотите посмотреть?

Он спустил собак с поводка. Скомандовал, и они, как заправские пластуны, поползли вперед, обогнули дзот и скрылись в нем. Да, это были собаки-минеры. Мельников, узнав об успешном использовании собак в битве под Москвой и на Ленинградском фронте, решил сам заняться их дрессировкой. Ему это удалось. Вскоре он вывел собак к финскому дзоту, пустил вперед с минами на спине. Одна из собак была сражена пулеметной очередью, но вторая ворвалась в дзот и подорвала его вместе с гарнизоном.

Много беспокойства причиняли нам финские кочующие пулеметы. Метод этот не нов, кочуют и орудия, и минометы, и пулеметы, но бороться с ними всегда нелегко, поскольку они не имеют постоянных позиций. Особенно трудно с пулеметами, которые кочуют в непосредственной близости от нашего боевого охранения: стрелять по ним из орудий - значит рисковать задеть своих.

Командир полка майор Федоров обратил внимание на потери в 4-й стрелковой роте: за последние дни - двое убитых, трое раненых. Я отправился в роту для выяснения причин. Командир роты лейтенант Федор Иосифович Марюшко повел меня на высотку, с которой хорошо просматривалась опушка леса и траншея противника. Маскируясь в кустах, наблюдаем. Марюшко ориентирует меня: финский пулемет открыл огонь вчера утром из-за черной скалы, час спустя бил уже из молодого сосняка, вчера весь день пулеметчики кочевали по своей траншее, метрах в 50-60-ти от нашего боевого охранения.

Подумали мы с лейтенантом, решили так: разбить ротный район на секторы, за каждым закрепить наблюдателей и ротных снайперов. Надо определить систему действий кочующих пулеметов. Ведь это только на первый взгляд кажется, что ее нет, - то оттуда постреляют, то отсюда. На самом же деле ничто на фронте не делается без системы, и разгадать ее - значит разрушить.

Уже на следующий день пришел первый успех. Снайперы 4-й

роты Алексей Солдатов и Николай Рагулин, наблюдая на рассвете в своем секторе за вражеской траншеей, заметили в ней движение - высунулась и быстро исчезла голова. Красноармейцы не спешили стрелять. У противника ведь тоже есть снайперы, и весьма меткие. Голова высунулась опять. Унтер-офицер! Он осмелел и вместе с двумя солдатами стал устанавливать тяжелый пулемет. Снайперы открыли огонь. Три выстрела - трое уничтоженных врагов.

В дальнейшем мы усовершенствовали систему наблюдения и снайперского поиска. Противник был вынужден прекратить пулеметные кочевки близ позиций нашего боевого охранения.

В мае меня перевели в штаб дивизии на должность начальника разведки. Едва успел осмотреться, пришлось взяться за спешную работу. Разведчики докладывали, что в тылу противника наблюдаются какие-то передвижения: усиленно курсирует конный и автомобильный транспорт, перебрасывается пехота и военная техника. Что задумал противник? Возможно, его активность ложная и он пытается ввести нас в заблуждение, демонстрируя подготовку наступления. Но возможно и другое. Ведь вражеская блокада Ленинграда и войск, его обороняющих, по-прежнему плотна. Единственная зимняя дорога из Ленинграда к Большой земле через Ладожское озеро, та самая Дорога жизни, растаяла под весенним солнцем. Приток военных грузов и продовольствия к нам из центральных районов во время ледохода резко сократился. Уж не готовит ли противник, пользуясь этими обстоятельствами, новое наступление на Ленинград?

В дивизионной полосе обороны мы тоже стремились выяснить намерения врага. Надо было взять пленного. Дважды провели разведку боем, дважды назначенные для боевого поиска стрелковые подразделения врывались на передний край противника, но пленных захватить не удавалось. Траншея была пуста, даже раненые и убитые унесены в тыл. Надо сказать, что разведка у врага, в том числе наблюдение, была хорошо организована. Поэтому наши действия не заставали врасплох финское командование, и оно своевременно отводило пехоту с переднего края.

Однако как бы там ни было, а пленный был нам необходим. В землянке у командира дивизии полковника А. П. Иванова втроем - комдив, начальник штаба полковник И. Ф. Расторгуев и я - обсудили наши неудачи, продумали разные варианты захвата пленного.

- А что, если произвести "тихую" вылазку? - предложил Александр Павлович. - Помните, как сержант Павленко взял высоту? Без артиллерийской подготовки, без всякого шума...

Обговорили мы это дело и решили посоветоваться с личным составом разведроты дивизии. Оборону противника разведчики знали как свои пять пальцев. Конечно, пройти передний край незаметно - задача нелегкая. Бывшая граница, каждый камень на примете, а кроме того, фронт уже почти год стоит здесь практически без движения. Оброс он всеми видами инженерных заграждений так, что, кажется, мышь не проскользнет.

Пришел я к разведчикам, объяснил им задачу и попросил подумать, как легче и скорей ее выполнить. Задумались ребята. Потом стали высказывать свои предложения. Поднял руку молоденький крепыш с комсомольским значком на груди:

- Разрешите? Рядовой Чугунов.

- Говорите, товарищ Чугунов.

- Предлагаю брать пленного днем, когда финны обедают и нас в гости никак не ждут. А проберемся к ним в тыл еще ночью. Если разрешите, сделаем это вдвоем с Яковлевым.

Поднялся такой же молодой красноармеец Борис Яковлев, тоже ленинградский комсомолец. Он дополнил и развил предложение друга, и я дал им "добро".

- Сколько просите времени на подготовку поиска?

- Двое суток, - ответил Николай Чугунов.

- Не мало ли?

- Нет. Мы давно одно место приметили. Изучили все подходы к переднему краю. Нужно только уточнить кое-какие детали.

Вместе с командиром роты мы еще и еще раз подробно обсудили этот план. Чугунов и Яковлев пробрались совсем близко к переднему краю противника, за линию нашего боевого охранения, и двое суток изучали распорядок дня врага. Уточнили время смены боевого охранения, часовых в траншее и у землянок, время завтрака и обеда. Дважды на ничейной земле, на наблюдательном пункте разведчиков, пришлось побывать и мне.

С песчаного бугра, где они засели, хорошо просматривалась опушка леса. В этом лесу, прямо перед бугром, у противника два замаскированных пулеметных дзота. Несколько ближе к нам, метрах в двухстах, тянется вдоль опушки вражеская траншея, прикрытая проволочным заграждением. Справа поблескивает в камышовой оправе озеро. От нас к нему и далее, за передний край врага, идет хорошая шоссейная дорога. Это и есть место, облюбованное разведчиками для вылазки во вражеский тыл. Там, за траншеей и дзотами, в глубине леса должны быть землянки. Там надо взять "языка" и вытащить его сюда, к нашему боевому охранению.

Вечером, накануне поиска, я еще раз побывал в 4-й роте лейтенанта Марюшко, которая несла здесь службу боевого

охранения. Проверил взаимодействие стрелков и пулеметчиков с артиллерией и минометами, выделенными для обеспечения действий разведчиков.

Настала ночь. Тучи заволокли небо. Николай Чугунов и Борис Яковлев попрощались с нами, выбрались из окопа и сразу же растворились в темноте. Сидим, ждем, слушаем звуки летней ночи. Квакают лягушки, временами плачет сова. Больше ничего. Проходит час, другой. Тишина. Значит, прошли "передок". Нервное напряжение несколько спадает, возвращаюсь в штаб дивизии.

Почти до трех часов дня у противника было тихо. Потом поднялась беспорядочная стрельба, ударили и наши пулеметы, их поддержала артиллерия. Первое сообщение от лейтенанта Марюшко обрадовало: разведчики возвратились с пленным. Потом узнали подробности.

Разведчики удачно пробрались во вражеский тыл, наметили объект вместительную землянку, притаились. Ждали до двух часов дня. Финны, человек 20, собрались к этому времени в землянку обедать. Около нее поставили часового. Тот постоял, походил, наконец сел. Чугунов подобрался к нему, оглушил прикладом. Заткнули часовому рот, связали. Яковлев отворил дверь в землянку, швырнул туда противотанковую гранату. Подхватили пленного, стали отходить. Противник немного замешкался, потом открыл сильный минометный и ружейно-пулеметный огонь. Когда разведчики были уже рядом с окопами нашего боевого охранения, осколками разорвавшейся мины один из героев этого смелого поиска, рядовой Б. К. Яковлев, был смертельно ранен. Легкое ранение получил и пленный. Рядовой Н. И. Чугунов доставил его в штаб дивизии. После перевязки в медсанбате пленного допросили. Выяснилось, что активные передвижения финских частей не были связаны с сосредоточением на этом участке новых сил и средств. Это подтвердили потом и другие источники информации.

- Так, в постоянных стычках с противником, в боях местного значения, в непрерывной работе по усовершенствованию оборонительных позиций протекали боевые дни и ночи полка на Карельском перешейке на переломе весны и лета второго года войны.

В должности начальника разведки 20-й стрелковой дивизии я пробыл недолго. Уже в конце июня 1942 года получил новое назначение - старшим помощником начальника оперативного отдела нашей же 23-й армии. Войска армии прикрывали Ленинград с севера, обороняясь на Карельском перешейке, от западного побережья Ладожского озера до Финского залива.

Командовал армией генерал-майор Александр Иванович Черепанов. С ним вместе мне теперь приходилось бывать и в штабе фронта, на заседаниях Военного совета, видеть в деловой обстановке руководителей обороны Ленинграда - членов Политбюро ЦК ВКП(б) Климента Ефремовича Ворошилова и Андрея Александровича Жданова. Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов был представителем Ставки на нашем фронте, генерал-лейтенант А. А. Жданов - членом Военного совета фронта. Фронтом командовал генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров.

На всю жизнь запомнил я один урок, преподанный нам Андреем Александровичем Ждановым. Военный совет обсуждал доклад нашего командарма. Жданов обратился к ведущему заседание К. Е. Ворошилову:

- У меня вопрос к командующему двадцать третьей армией.

- Пожалуйста, - ответил маршал.

- Товарищ Черепанов, почему армия сидит в обороне? Почему не наступает?

- Не позволяет соотношение сил, - ответил командарм. - Вы же знаете это, товарищ член Военного совета.

- Да, знаю, - продолжал Жданов. - Из вашего доклада следует, что снайперы двадцать третьей армии уничтожили примерно пятнадцать процентов солдат и офицеров противостоящих нам финских войск. Так что же: должны мы принять эту цифру как достоверную? Можно опираться на нее в дальнейших расчетах и планах? Или она требует проверки и уточнения? Короче говоря, не является ли эта цифра плодом бурной фантазии ваших подчиненных? Стремлением заработать чины и ордена бумажными победами?

От этих слов меня бросило в жар. Как будто лично я давал эти цифры, хотя занимался я совсем другими вопросами. Нет, командарм не может, да и не должен проверять каждую цифру своего доклада. Для этого у него имеется штабной аппарат, в том числе мы, работники оперативного отдела. А мы-то и оплошали. Собрали дивизионные сводки, произвели одно из простейших арифметических действий - сложение, передали для доклада и на том успокоились. А ведь полученная сумма вражеских потерь должна была и нас насторожить - слишком она велика. Грубо говоря, дутая цифра.

Урок, преподанный нам Андреем Александровичем Ждановым, стал предметом большого разговора в штабе армии - и на служебных совещаниях и на партийных собраниях. Выяснилось, что такого рода преувеличениями грешат не одни только сводки снайперской боевой работы. По указанию генерала

А. И. Черепанова, штаб армии разработал целый ряд мероприятий, резко повысивших действенность контроля над донесениями из соединений и частей. Ну, а для себя я сделал вывод, который народная мудрость давно и четко сформулировала в поговорке: "Лучше горькая правда, чем сладкая ложь".

6 сентября, когда по заданию Военного совета армии я проверял организацию противотанковой обороны в районе Васкелево, Лемболово, меня догнала телефонограмма. В ней был приказ немедленно вернуться в штаб армии. Там от начальника штаба генерал-майора В. А. Крылова я узнал, что получен приказ откомандировать меня в штаб Ленинградского фронта. Получил предписание и, попрощавшись с товарищами, выехал в Ленинград.

Гвардейцы на Ловати

И вот я опять в Ленинграде, в старинном здании Главного штаба, где разместился штаб Ленинградского фронта. Принявший меня в отделе кадров командир сообщил:

- Приказано направить вас в Москву, в Главное управление кадров Красной Армии. Причина вызова нам неизвестна. Полетите самолетом. Машину на аэродром найдете внизу, у подъезда.

Он вручил мне необходимые документы, поздравил с присвоением очередного воинского звания "подполковник". У подъезда я увидел грузовичок-полуторку, в нем - трех офицеров. Спрашиваю шофера:

- На аэродром?

Из кузова отвечают:

- Садись, Илларион Григорьевич. Тебя ждем.

Гляжу: так это же подполковник Иван Никитович Кожушко, сослуживец по 23-й армии. Да и лица других товарищей мне знакомы.

- Тоже в Москву?

- Туда, - отвечают.

- В. Главное управление кадров?

- Точно.

- Значит, вместе...

Мы отправились на аэродром. Там переночевали и транспортным самолетом Ли-2 вылетели в Москву. Всю дорогу гадали о причине вызова. Вскоре приземлились в столице. Нас, привыкших к сурово-аскетическому, фронтовому Ленинграду, ошеломила московская живая суета. И только общий ритм этой жизни - энергичный, деловой, жесткий - напоминал, что линия фронта не так далека и от Москвы.

Из Главного управления кадров нас направили в штаб воздушно-десантных войск на прием к командующему генерал-лейтенанту А. В. Глазунову. Беседа с ним заняла около часа. Генерал сообщил, что все мы будем служить в 20-й воздушно-десантной бригаде, которую нам предстоит сформировать. Подполковник И. Н. Кожушко назначен командиром бригады, я - начальником штаба.

После беседы с командующим в тот же день мы выехали к месту формирования бригады - в старинный подмосковный зеленый город. Формироваться начали, как говорится, с нуля. Однако, благодаря постоянному вниманию и помощи командования, дело у нас продвигалось быстро. Прибыл личный состав: почти все комсомольцы, ребята физически сильные, ловкие. Принимая пополнение, вооружение, боевую технику, строя землянки, учебные и подсобные помещения, мы одновременно начали интенсивные занятия с вновь прибывшими людьми, чтобы как можно быстрее подготовить десантников к боевым действиям в тылу врага. Пригодился здесь не только наш фронтовой опыт. Мне, например, пришлось вспомнить и свою службу на пограничных заставах в довоенные времена. Делился с молодежью теми знаниями и навыками, которые равно нужны и в пограничном дозоре, и при действиях во вражеском тылу. Весь личный состав бригады совершил по четыре парашютных прыжка с самолета.

Так в напряженной работе прошла осень, наступила зима. Мы заканчивали формирование бригады, когда 8 декабря получили новый приказ: 20-я воздушно-десантная бригада переформировывалась в 1-й гвардейский воздушно-десантный полк{5}. Вместе с другими гвардейскими полками - 11-м и 16-м, а также с 6-м гвардейским артполком 1-й полк вошел в состав 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Подполковник И. Н. Кожушко был назначен начальником штаба дивизии, а я - командиром 1-го полка.

Переформирование 20-й бригады в полк мы завершили в течение нескольких дней, так как их штаты не очень отличались. Три стрелковых батальона и артиллерия бригады целиком перешли в 1-й полк. Из 4-го батальона сформировали две роты автоматчиков, две роты противотанковых ружей, взводы конной и пешей разведки. Сильно сократился штабной аппарат. Во главе штаба полка был поставлен майор Гуторов Сергей Михайлович - отлично подготовленный офицер.

Моим заместителем по политической части был назначен майор П. Д. Терехин. Мы с ним сразу сработались. Петр Дмитриевич был человек спокойный, немногословный, внутренне

собранный. Едва прибыв в полк, он сумел сколотить вокруг себя крепкий актив. Во всех подразделениях создавались партийные и комсомольские организации, партийно-политическая работа закипела.

Не было пока в полку заместителя по тылу, и я решил временно назначить на эту должность старшего лейтенанта В. И. Крайнева. Василий Иванович., старый коммунист, до войны директор крупного совхоза, много и хорошо потрудился, чтобы обеспечить формирующийся полк всеми видами материального снабжения. Давая ему то или иное поручение, я знал, что оно будет выполнено в срок. Любил Крайнев свое дело и вскоре был утвержден в занимаемой должности.

Однажды в штабную землянку вошел незнакомый мне майор. Представился:

- Майор Сологуб. Назначен вашим заместителем по строевой части.

Немногословен, взгляд открытый. Одет строго по уставу: никакого фронтового форса. На фронте с первого дня войны. Дрался с фашистами и под Москвой. Словом, кадровый командир с богатым боевым опытом.

Я рассказал Сергею Егоровичу Сологубу о наших делах и трудностях. Беспокоило нас основное командное звено - комбаты. К Виктору Григорьевичу Мыльникову, командиру 1-го батальона, у меня претензий не было. Наоборот, я имел в его лице надежную опору. Кадровый офицер, лет 30-ти, коренастый, круглолицый, загорелый, он все делал основательно. Внешне медлительный, в боевых делах, как я имел возможность убедиться, он был быстр и умел. И недаром только за один сорок третий год Виктор Григорьевич был трижды награжден орденом Красного Знамени.

2-м батальоном командовал старший лейтенант Чистяков Василий Сергеевич. Было ему 22 года, военное образование - ускоренные командирские курсы. Конечно, молодость не беда. Под Ленинградом в августе сорок первого куда более юные, 18-летние курсанты вели в бой подразделения, наспех собранные из отступавших бойцов, дрались с врагом отважно и умело, и спрашивали мы с них без скидок на молодость, неопытность и т.д. А вот старший лейтенант Чистяков был не в меру говорлив, тороплив и всеми силами стремился убедить окружающих в своих отменных деловых качествах. Такое сложилось у меня о нем первое впечатление, которое, к сожалению, подтвердилось. Чистяков часто принимал решения и отдавал распоряжения, не продумав их как следует. Бывало, увидит непорядок в подразделении, вызовет командира и, не выслушав его, принимается отчитывать. Суетился много, мелькал тут и там,

видимость работы была, а настоящей отдачи не чувствовалось. И еще заметил я в нем крайне опасную для командира черту - неправдивость. Иногда из-за поверхностного знания дела он вводил в заблуждение штаб полка.

Обо всем этом я рассказал майору Сологубу и просил его взять комбата-2 под жесткий контроль. Сологуб, со своей стороны, предложил, не откладывая в долгий ящик, провести с командным составом беседу на тему "Правдивая информация в бою и ее влияние на ход и исход боя". Он кратко перечислил мне факты, на которых намеревался построить беседу. Когда мы заканчивали разговор, вошел замполит майор Терехин.

Он сказал, что подобрал во 2-й батальон, к Чистякову, заместителя по политчасти - старшего лейтенанта Новика Александра Антоновича, человека прямого, искреннего. Неправдивости он не терпит и в случае необходимости одернет комбата-2, да и вообще поможет ему выработать правильный стиль работы.

В 3-м батальоне командира еще не было. Но вот прибыла в полк из резерва группа офицеров. Беседую с каждым в отдельности. Лейтенант Грязнов, красивый брюнет с манерами заправского кавалериста - валкая походка, фуражка чуть набекрень, - произвел на меня двойственное впечатление. Внешне лих, чересчур лих. А стал с ним говорить - каждое слово у него обдумано, чувствуется сдержанность, ум, сильная воля.

Павлу Ивановичу Грязнову 22 года. С детства мечтал стать командиром Красной Армии. К мечте шел упорно. Еще мальчишкой занимался, в кружках Осоавиахима. Стал отличным стрелком и парашютистом. Закончил военное училище, четвертый год служит в армии. Прибыл к нам в полк на должность командира учебной роты. Ну что ж, думаю, с делом обучения и воспитания сержантов он вполне справится. Мало того: Грязнов - подходящая кандидатура и для выдвижения на батальон.

Посоветовался я со своими заместителями, говорю лейтенанту Грязнову:

- Командование полка решило назначить вас командиром 3-го батальона. Справитесь?

- Справлюсь, - просто ответил он. - Но прошу мне помочь...

Грязнов быстро освоился с новой должностью, стал отличным командиром батальона. Авторитет у своих бойцов завоевал непререкаемый.

Если двум из трех наших командиров батальонов было немногим более 20 лет, то командиры рот и взводные были еще моложе. Прибыла к нам, например, группа командиров-

артиллеристов с краткосрочных курсов при 1-м Ленинградском артиллерийском училище. Всем им по 19 лет. Первым делом укомплектовали полковую батарею: младших лейтенантов Виктора Левченко и Ивана Коровина назначили на огневые взводы, младшего лейтенанта Михаила Сало - на взвод управления. А на другой день, раненько утром, явился ко мне командир полковой батареи старший лейтенант А. Ю. Киримов. Доложил о разных делах, потом вдруг выпалил:

- Не дело это, Илларион Григорьевич...

- Что такое?

- Детский сад дали в батарею. Их еще самих учить и учить. Дайте хоть одного солидного взводного.

- Нету, - говорю. - И вряд ли будут. Ты командир опытный, учи их, пока есть время.

Пошли мы с Киримовым в его батарею, в артиллерийский парк, решили посмотреть на юных командиров в деле. И стали свидетелями любопытной сцены. Младший лейтенант Левченко занимался со своим взводом прямо в парке, возле орудий. Мы подошли в момент, когда командир 1-го орудия сержант Скобелев пытался закрыть орудийный затвор. А он не закрывался. Подняв на младшего лейтенанта задумчивый взгляд, Скобелев изрек:

- Не поддается. Должно быть, неисправен. Сбегать за артмастером?

Скобелев - отличный артиллерист, фронтовик, пушку знал досконально. Мы с Киримовым переглянулись: "Проверяют Левченко?" Да, они проверяли своего нового командира взвода. И он, не поведя бровью, с ходу включился в предложенный ему экзамен.

- Смотрите внимательно, - обратился Левченко к окружавшим орудие красноармейцам и сержантам. - Давайте-ка поможем товарищу Скобелеву. Кто покажет ему деталь, которая называется гребенкой рукоятки затвора? Правильно! А где находится стопор гребенки? Тоже верно. Теперь товарищ Скобелев нажмет стопор, и затвор легко и плавно закроется. Ясно?

- Ясно! - несколько смутившись, ответил сержант.

Мы стояли позади зарядных ящиков, и артиллеристы нас не видели.

- Ну, что скажешь, Агабалей Юзбекович? - спросил я Киримова. - Как ведет себя "детский сад"? Старший лейтенант утвердительно кивнул:

- Хорошо ведет. Выйдет из него дельный командир.

Киримов был человек требовательный и строгий. Он много занимался с молодыми командирами, и они вскоре с честью выдержали фронтовые испытания. А младший лейтенант Виктор

Семенович Левченко два месяца спустя уже сам командовал батареей.

Но тогда, в январе сорок третьего, мы заканчивали курс обучения и сколачивание подразделений. Провели по три учения с каждым батальоном, затем два полковых, а 3 февраля полк в составе 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии срочно выступил на фронт. В пешем строю пройдя за двое суток около 100 километров, полк сосредоточился в Подмосковье, северо-восточнее Мытищ. Здесь мы простояли пять суток. Получили боеприпасы, продовольствие, дополнительное зимнее обмундирование и снаряжение, лыжи. Нам предстоял еще более длительный комбинированный марш на Северо-Западный фронт: стрелковые батальоны перевозились по грунтовым и шоссейным дорогам на автомашинах, артиллерия, весь конный состав, санный обоз и тылы - по железной дороге.

Штаб полка составил расчет на автомобильные перевозки, однако его пришлось на ходу переделывать, так как вместо обещанных нам 2,5-тонных грузовиков прибыли 1,5-тонные. 9 февраля наша 5 гвардейская воздушно-десантная дивизия в сумерках прошла Москву и двинулась по Ленинградскому шоссе к Калинину.

Шли мы днем и ночью, с короткими остановками. Стоял двадцатиградусный мороз с сильным ветром, с метелями. Снежные заносы затрудняли движение, сложно было с заправкой горючим - не хватало заправочных пунктов для одновременного обеспечения всей массы автотранспорта, ведь в этом марше участвовало десять стрелковых дивизий. Резервными машинами ни наш полк, ни другие полки не располагали. Весь резерв автотранспорта продвигался в хвосте общей колонны. Поэтому, если какая-то машина выходила из строя, ее убирали с проезжей части, а люди, ехавшие в ней, ждали, пока подойдет хвост общей колонны. Снова догнать свою часть они не могли - обгон при таком плотном, интенсивном движении исключался. В нашем полку из-за неисправности машины отстал комбат-2 старший лейтенант Чистяков со своим штабом и взводом связи. Догнали они полк лишь на четвертые сутки, в конце марша.

Несмотря на препятствия, которые ставила войскам суровая снежная зима, и организационные трудности, связанные с переброской такой массы войск по одной дороге, марш был проведен успешно. С воздуха нас хорошо прикрывала авиация.

12 февраля наша дивизия, пройдя за трое суток 460 километров, сосредоточилась юго-западнее озера Селигер, в районе станций Соблаго и Пено. Здесь к нам присоединились прибывшие по железной дороге тыловые подразделения, обозы и

артиллерия. От места разгрузки полки дивизии двинулись на север. 15 февраля мы были уже в населенном пункте Конищево, где вошли в состав 68-й армии Северо-Западного фронта{6}. В этот день войска фронта начали наступление с целью ликвидировать главные силы 16-й немецкой армии, оборонявшие Демянский плацдарм.

Наступление развивалось медленно, противник оказывал яростное сопротивление на заранее подготовленных оборонительных рубежах. 5-я гвардейская воздушно-десантная дивизия находилась во втором эшелоне армии и в течение 25 дней не имела боевого соприкосновения с фашистами. Лишь 12 марта дивизию выдвинули в первый эшелон. Мы вышли на южную сторону пресловутого рамушевского коридора, который фашистским войскам удалось пробить от Старой Руссы через село Рамушево к своей группировке, зажатой в мешок под Демянском.

На рассвете 12 марта командир взвода пешей разведки лейтенант В. В. Китаев прислал мне донесение: "Вышли к реке Ловать напротив села Черенчицы. Обстреляны минометным огнем противника". С авангардным батальоном я выдвинулся к реке. Стояло сырое мартовское утро, была изморось. Впереди, за Ловатью, круто подымался западный берег. С нашего низкого берега ничего не было видно, кроме обгоревших остовов избушек в северной части Черенчиц. Мост через Ловать взорван, ранние оттепели уже частично разрушили ледяной покров на реке, полая вода вышла на лед.

Стоял я в ольшанике, рассматривал в бинокль высокий берёг за рекой, подступающий к нему вплотную лес, в котором противник, скрытый от нашего наблюдения, мог спокойно маневрировать резервами, оглядывал и нашу сторону плоскую, как блин, лишь кое-где покрытую кустарником. Все преимущества местности у обороняющихся, у фашистов. Подбежал связной:

- Товарищ подполковник, вас вызывает командир дивизии.

В полукилометре от реки нашел генерала Травникова и полковника Кожушко. Комдив, расстелив карту, поставил мне боевую задачу:

- Завтра, тринадцатого марта, в пятнадцать тридцать твой полк атакует Черенчицы. Овладеешь селом, двинешься дальше, на Онуфриево, оседлаешь дорогу от Старой Руссы на Холм.

Генерал Травников назвал огневые средства, которыми усиливался полк. Назвал и номера тяжелых артполков и дивизионов армейского подчинения.

- Этому бою уделяет особое внимание сам командарм генерал Толбухин, подчеркнул комдив. - Федор Иванович приказал довести артиллерийские плотности на участке прорыва до ста

пятидесяти стволов на километр. А всего получишь триста стволов, считая и "катюши". Надеюсь, доволен?

Разумеется, я был доволен. Даже если не считать пушки, и минометы малого калибра, то есть "сорокапятки" и 82-миллиметровые минометы, то. и в этом случае атакующий полк получал мощное огневое прикрытие. Тревожило меня другое, а именно, что мы поздно, в 15.30, начнем атаку. В нашем распоряжении будет лишь 2,5-3 часа светлого времени.

- Зато и у фашистов не останется времени на организацию контратак, ответил Травников. - А ты за ночь перетянешь на западный берег артиллерию, поставишь орудия на прямую наводку...

Потом с начальником штаба дивизии Иваном Никитовичем Кожушко и его офицерами - разведчиками и операторами - мы уточнили некоторые детали, в том числе силы и средства противника. Кое-что, правда, надо было еще раз разведать, но в целом фашистская оборона под Черенчицами вскрыта весьма подробно. Село оборонял 38-й егерский полк 8-й немецкой легкопехотной дивизии. Егерей поддерживали 11 артиллерийских и минометных батарей. Опорный пункт составляли 22 орудийных и пулеметных дзота и 8 зарытых в землю танков. Село опоясано траншеями с множеством ходов сообщения, подступы к нему прикрыты проволочными заграждениями и минными полями. Противник хорошо использовал тактически выгодную для обороны местность. Из тех данных, которыми мы располагали, было ясно, что опорный пункт в Черенчицах - крепкий орешек. Тем не менее я считал, что у нас есть все основания быстро его расколоть.

На чем основывались эти расчеты? Прежде всего на уверенности в больших боевых возможностям "1-го гвардейского воздушно-десантного полка. В самом деле, если в памятном октябре сорок первого под Невской Дубровкой 9-й стрелковый полк, вступая в бой, имел около 1400 человек, то теперь, под Черенчицами 1-й полк насчитывал 2700 человек. Тогда мы располагали только двумя пушками, шестью минометами четырьмя станковыми пулеметами; теперь в полку 18 орудий, 36 минометов, 54 станковых пулемета. А противотанковые ружья, которых у нас под Невской Дубровкой совсем не было? Сейчас в каждом стрелковом батальоне - рота ПТР, 27 ружей да еще две роты ПТР в непосредственном подчинении командире полка.

При форсировании Невы и в боях на плацдарме 9-й полк поддерживали самое большее две-три батареи дивизионной или армейской артиллерии. Ныне, на Ловати, на 1-й полк будут "работать" около 300 стволов.

Ну, а помимо резко возросшей огневой мощи полка мне, его командиру, было ясно, что несколько месяцев напряженной учебы в тылу помогли нам превратить вчерашних новобранцев в хорошо подготовленных для боя солдат. Подразделения сколочены, штабы батальонов и штаб полка работают четко.

Вернувшись из штаба дивизии в полк, я сразу же занялся вопросами разведки. Надо было обеспечить получение свежей информации о противнике в ходе предстоящего боя. Как я уже говорил, дорог здесь мало. Из Черенчиц на запад, в тыл фашистов, идет одна расчищенная дорога. Только по ней они могут подбрасывать резервы из села Онуфриево и с рокадного шоссе Старая Русса Холм. Перед самым Онуфриево эта дорога пересекает по мосту реку Редья.

Район моста - самое удобное место для наблюдения за передвижениями гитлеровских резервов в направлении Черенчиц. Сюда мы и решили заранее направить наших разведчиков.

Собравшись вчетвером - начальник штаба майор С. М. Гуторов, его помощник по разведке, старший лейтенант В. П. Бобриков, командир взвода пешей разведки лейтенант В. В. Китаев и я, - мы детально обсудили этот вопрос. Китаев получил задачу: как только, стемнеет, двинуться со взводом за Ловать, в обход Черенчиц, пробраться в тыл противника, установить наблюдение за дорогой и мостом на реке Редья, захватить в плен одиночных гитлеровцев, - но так, чтобы не обнаружить себя раньше времени.

В дальнейшем мост на Редье мог сыграть весьма важную роль не только для нашего полка. Если в ходе наступления нам удастся захватить мост неповрежденным, это во многом облегчит создание плацдарма за Редьей и для всей дивизии, и для других соединений 68-й армии. Конечно, группа лейтенанта Китаева, десять бойцов, вряд ли справится с такой задачей. Но я надеялся, что в ходе боя за Черенчицы смогу бросить к мосту, в обход села, еще и роту автоматчиков. Вместе с разведчиками они должны овладеть мостом и удержать его до подхода главных сил полка.

Получив задание, лейтенант Китаев вместе со старшим лейтенантом Бобриковым отправился к разведчикам. Надо было подготовить группу, подыскать место, где в сумерках без лишнего шума можно перейти по льду Ловать, и углубиться в расположение противника.

Между тем. подразделения полка уже выдвинулись в назначенные им районы: батальоны Мыльникова и Грязнова - в первый эшелон боевых порядков, батальон Чистякова - во второй. Подходила и приданная нам артиллерия.

На открытой этой местности, с редким и низкорослым

кустарником, даже наша пехота разместилась с трудом. Хорошо еще, что ближе к полудню повалил густой мокрый снег, скрывший передвижение войск от наблюдателей противника.

Труднее было с артиллерией, предназначенной для стрельбы прямой наводкой. Чем ближе придвинешь ее к обороне противника, тем более эффективным будет ее огонь. Но, с другой стороны, и противнику легче будет с ней бороться. Тут успех или неуспех действий артиллеристов во многом предопределяет удачный выбор огневых позиций, их маскировка. А выбирать нам практически было не из чего. Огромная, с редкими кустиками и слабым снежным покровом луговина - вот и все, чем мы располагали для размещения артиллерии, предназначенной для использования на прямой наводке: 578-го истребительно-противотанкового полка, 13-го гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона, 1-го дивизиона 6-го гвардейского артполка. Поэтому артиллеристам пришлось приложить все силы и умение, чтобы более или менее скрытно разместиться на этой луговине. Правда, в тылу у нас находился лесной массив, но он отстоял на 2-2,5 километра от переднего края противника, то есть был уже вне пределов дальности стрельбы прямой наводкой. Там размещались поддерживающая нас тяжелая артиллерия и два дивизиона реактивных минометов - "катюш".

Низменная местность не давала сколько-нибудь приличного обзора ни артиллерийским, ни стрелковым командным и наблюдательным пунктам. Мне, например, пришлось свой НП оборудовать на отлете, на правом фланге полка, так как только отсюда можно было наблюдать за полем боя.

Во второй половине дня я уже прочно обосновался на этом наблюдательном пункте и отсюда ставил боевые задачи вновь прибывшим артиллерийским командирам. С одним из них произошел казус. Он доложил мне, что его армейский артполк на подходе, просил указать район огневых позиций и поставить задачу на артподготовку.

- Сколько у вас снарядов?

- По три-пять снарядов на орудие.

- И все?

- Все.

- А когда подвезут? Он пожал плечами:

- Не знаю.

Такое равнодушие меня покоробило.

- Как же я поставлю вам задачу, если ваш полк не имеет боеприпасов, чтобы ее выполнить?

- Должно быть, подвезут, - ответил он.

Стараясь остаться сдержанным, я сказал ему, что лишнее

"железо" в полосе наступления мне ни к чему, что, когда он получит боеприпасы, тогда и поговорим о конкретной боевой задаче. Он ушел, а вскоре мне позвонил командарм генерал Ф. И. Толбухин.

- Не любите артиллерию, товарищ Попов? - спросил он.

Сперва я несколько опешил, потом вспомнил давешний инцидент.

- Говорят, гоните прочь артиллерийских командиров? - продолжал он. - В чем дело?

Я доложил Федору Ивановичу о наших трудностях с размещением артиллерии на огневых позициях, о том, что армейский полк прибыл практически без боеприпасов.

- Ладно, разберемся. А вообще вы правильно сделали, - закончил разговор командарм.

Час спустя по его распоряжению прибыл к нам другой армейский пушечный полк, хорошо снабженный боеприпасами. Его командир тут же получил задачу.

Подготовка к штурму Черенчиц шла полным ходом. Вслед за нами, вторым эшелоном, должен был наступать 16-й полк майора Ф. М. Орехова, за ним, третьим эшелоном дивизии, - 11-й полк майора Н. В. Оленина.

В ночь на 13 марта саперы приданного нам 3-го гвардейского саперного батальона приступили к устройству проходов в проволочных заграждениях и минных полях, прикрывавших вражеские укрепления в Черенчицах. Руководил этой опасной работой полковой инженер старший лейтенант В. М. Ваганов, - который в темноте с первой группой саперов прополз по льду через Ловать. У него имелись полные и точные данные об инженерных заграждениях в Черенчицах. Данные эти, как и сведения о силах и средствах врага, были получены совокупными действиями всех видов разведки и всех разведывательных инстанций, в том числе дивизионной и армейской.

Уже в сумерках мы собрались в штабе полка. Заслушали доклады командиров, ответственных за различные вопросы подготовки к бою. Майор Терехин доложил, что коммунисты и комсомольский актив в подразделениях нацеливают личный состав на стремительный, как говорится, - на едином дыхании, бросок через Ловать, разъясняют, что задержка на открытом льду, покрытом полыньями от снарядов и мин, грозит срывом нашей атаки. Много внимания уделяется взаимной помощи при преодолении реки, заранее заготавливаются жердевые настилы и другие подручные материалы. После этого короткого совещания я отправился в батальоны, где уточнил с их командирами различные вопросы организации боя.

Наступило утро, восток посерел. Северо-западный ветер гнал по небу низкие тучи, снег все валил и валил. Возвращаясь на свой наблюдательный пункт, мы в снежной круговерти наткнулись на группу двигающихся цепочкой людей. Впереди шагал маленький автоматчик в белом маскхалате, за ним - три фигуры в немецких шинелях и шапках. Замыкал шествие еще один автоматчик. Им оказался разведчик рядовой Виктор Семенович Нужин, а первым автоматчиком был Володя Синев, пятнадцатилетний мальчик, усыновленный нашим полком. Оба они действовали в группе лейтенанта Китаева, которая еще вечером ушла во вражеский тыл.

Лесами и болотами разведчики вышли в район моста, что на реке Редье. На опушке леса, близ дороги из Черенчиц на Онуфриево, устроили засаду. Вскоре, на дороге появились трое фашистов. Разведчики внезапно предстали перед ними, скомандовали: "Руки вверх". Немцы и не пытались сопротивляться. Отправив Нужина и Синева с пленными в расположение полка, Китаев с оставшимися восьмью разведчиками остался в засаде. Пленные гитлеровцы помогли нам уточнить данные о группировке противника.

Часам к девяти метель стихла. В 12.30 грянула наша артиллерия. Фашистские батареи попытались было ответить, но вскоре замолчали. Шквал огня бушевал над вражеским опорным пунктом. В 15.30 я подал сигнал атаки. Взвились разноцветные ракеты, ударили "катюши", громкое "ура" разнеслось над полем боя. Батальоны Мыльникова и Грязнова бросились через Ловать. Первой выскочила из окопа на лед 9-я рота. Со своего НП я хорошо видел ее командира лейтенанта Н. П. Грибанова. Он смело вел бойцов к левому берегу. Рядом бежал младший лейтенант М. А. Сало - командир взвода управления полковой батареи. За ним едва поспевали связисты, на ходу сбрасывая с тяжелых железных катушек телефонный провод - связь с батареей.

А еще левее другие роты 3-го и 1-го батальонов, скользя, падая и снова подымаясь, упрямо двигались к дальнему крутому берегу, к Черенчицам. Вздымая воду и битый лед, рвались немецкие снаряды и мины, непрерывно стучали вражеские пулеметы. Я весь напрягся и лишь потом заметил, что делаю машинальные движения руками, как бы подталкивая подразделения: "Скорей!" Скорей! Нажмите, гвардейцы! Еще малость!..."

И гвардейцы 100-150 метров замерзшей Ловати преодолели одним броском. Однако под самым берегом, под крутизной, произошла какая-то заминка. Кричу в телефон Грязнову:

- Зачем стал? Вперед!

Сквозь грохот боя прорывается его баритон:

- Битый лед, полыньи. Грибанов идет вброд.

И верно, по грудь в воде пошли к берегу герои 3-го батальона. Высоко поднимая над собой тяжелые станковые пулеметы и коробки с боеприпасами, они передавали их по цепочке на берег. С нашей стороны их прикрыла огнем полковая батарея. Корректировал стрельбу младший лейтенант Михаил Сало. В первом своем бою, сразу попав в такую переделку, он смело шел в атаку вместе с пехотой, хладнокровно и точно направлял огонь орудий. Я для себя заметил: представить к награде.

Комбат-3 Грязнов доложил по рации:

- Все роты вышли на берег. Атакуем противника. Дайте огоньку.

Дали туда "огоньку" гаубичным дивизионом 6-го артполка. Вскоре 3-й батальон захватил часть первой траншеи на высоте севернее Черенчиц.

Первыми к вражеской траншее подошли бойцы отделения старшего сержанта П. Д. Ивчика - комсорга роты. Забросав противника гранатами, уничтожив в ближнем бою десяток гитлеровцев и двух захватив в плен, отделение овладело фасом траншеи. Успех Ивчика сразу же был использован командиром взвода лейтенантом П. К. Пупыниным. Он поднял бойцов в атаку, и вскоре комбат-3 уже докладывал мне, что эта ключевая позиция полностью очищена от фашистов, захвачены два пулеметных дзота. Кроме того, рота лейтенанта Грибанова захватила два закопанных в землю танка и, ворвавшись на позиции вражеской зенитной батареи, уничтожила ее расчеты.

Обходя Черенчицы с северо-запада, 3-й батальон выдвинулся к опушке леса, вдоль которой проходила вторая траншея фашистов. С этих позиций по роте Грибанова вели сильный орудийно-пулеметный огонь четыре дзота.

Так обстояли дела на правом фланге полка, когда солнце уже низко стояло над западным краем горизонта. На левом фланге 1-й батальон Мыльникова, успешно и почти без потерь преодолев Ловать, ворвался на северную окраину Черенчиц и стал продвигаться вдоль главной улицы села на запад, а также на юг, вдоль Ловати. Этим фланговым маневром он стремился как бы "смотать" оборону фашистов в южной части Черенчиц. Однако сделать это было непросто.

Дело в том, что гитлеровское командование, создавая в Черенчицах мощный опорный пункт - здесь находился целый пехотный полк, - основную массу огневых средств, орудий, минометов, пулеметов, сосредоточило в южной части сёла

наиболее возвышенной, с крутым речным берегом и господствующими высотами в глубине.

Поэтому и мы, заранее выбирая направление удара, стремились развить наступление полка через северную часть опорного пункта, как менее насыщенную огневыми точками и естественными препятствиями. Поэтому и для атаки Черенчиц с севера я назначил 1-й батальон капитана Мыльникова - самого опытного из наших комбатов. Задача ему выпала наиболее трудная, как показали ближайшие же часы, именно здесь сосредоточились усилия и наши и противника.

Ворвавшись на северную окраину села, 1-й батальон втянулся в тяжелый уличный бой. Правда, определение "уличный бой" не совсем точно, ибо ни самого села, ни улиц не было. Еще в боях 1942 года Черенчицы сгорели дотла, а остатки изб, бревна и даже печные кирпичи фашисты использовали для оборудования своих дзотов, блиндажей и землянок. Короче говоря, в марте 1943 года Черенчицы представляли собой гористую, занесенную снегом, с едва приметными следами пожарищ местность. И каждый клочок земли, каждый склон оврага, каждый огород вдоль и поперек, прямо и косоприцельно - все простреливалось из фашистских дзотов и других огневых точек.

Когда Мыльников доложил по телефону, что батальон углубился в Черенчицы, что захвачено уже семь дзотов и три отдельных орудия, я решил перенести свой наблюдательный пункт к нему поближе, так как с восточного берега Ловати не было видно поля боя. Со штабными офицерами, разведчиками и телефонистами мы вышли на лед реки. Он был сильно поколот, чернел множеством воронок, трещин, разводьев. Вместе с нами, несколько правее, двигались через Ловать конные упряжки с орудиями полковой батареи. Старший лейтенант Киримов поторапливал батарейцев, они быстро и ловко перебрасывали сооруженные из подручных материалов настилы через битый лед и осторожно под уздцы проводили косящих глазами на воду коней. Артиллеристы спешили к западному берегу, чтобы поддержать наступающую пехоту огнем прямой наводки.

Выбравшись по крутому откосу к Черенчицам, мы нашли возвышенность с хорошим обзором поля боя, связались по телефону с батальонами. Капитан Мыльников доложил, что артиллерийско-минометный огонь противника прижимает подразделение к земле. Фашисты контратакуют 2-ю роту, угрожая расчленить батальон и выйти к берегу Ловати.

- Командир второй роты лейтенант Бондаренко тяжело ранен, я направил в роту своего замполита старшего лейтенанта Гнездова, - закончил Мыльников свой доклад.

Картина боя на участке 1-го батальона была хорошо видна с моего нового НП. Вражеская пехота перебежками накапливалась в Черенчицах, в овражках и лощинах, нацеливаясь на левый фланг мыльниковского батальона, на 2-ю роту. Если они ее сомнут и прорвутся к Ловати, пропадут все наши усилия.

Я приказал командиру артиллерийской группы майору И. Т. Пономареву немедленно сосредоточить огонь по контратакующему противнику. Приданная нам артиллерия ударила по скоплению пехоты. В бинокль хорошо было видно, как заметались на снегу гитлеровцы.

Уже после боя выяснилось, что, когда во 2-ю роту пришли, вернее, приползли под жесточайшим огнем противника старший лейтенант П. Г. Гнездов и наш контрразведчик капитан А. В. Антропов, положение здесь было критическим: лейтенант Бондаренко, как уже говорилось, был ранен, противник из трех дзотов вел сильнейший пулеметный огонь, его пехота, обходя роту с фланга, прижимала ее к крутому берегу Ловати.

Гнездов и Антропов, перебегая от одной группы бойцов к другой, собрали роту в кулак, организовали дружный ответный огонь. Фашистская атака была отбита, и замполит, не давая врагу опомниться, поднял людей в контратаку. Немецкий дзот преградил дорогу, пулеметные очереди запылили по снегу. Рота залегла. Тогда Гнездов со связкой гранат пополз к дзоту. Он был уже совсем рядом с амбразурой, когда получил сразу два тяжелых ранения. Собрав последние силы, герой швырнул связку гранат в амбразуру. Дзот смолк. Подоспевшие бойцы уже не могли ничем помочь своему отважному замполиту - он умер у них на руках. А в разрушенном дзоте лежало двенадцать трупов, среди них - командир батальона 38-го немецкого егерского полка и два штабных офицера.

После гибели Павла Григорьевича Гнездова командование ротой принял капитан Антропов. Он руководил боем до прибытия заместителя комбата по строевой капитана М. И. Сиротина. Положение стабилизировалось, но противник, опираясь на два пулеметных дзота и закопанные в землю танки, продолжал удерживать за собой ключевую позицию на высотах. Я направил к комбату Мыльникову две трети своего резерва - роту автоматчиков старшего лейтенанта Ф. Ф. Кузьмина и роту противотанковых ружей капитана Л. К. Ильина. Кузьмин и Ильин увели своих людей в глубь села, и скоро оттуда послышались резкие хлопки выстрелов - это били противотанковые ружья, потом - дружное "ура".

Лейтенант Строганов повел в атаку на дзот взвод автоматчиков, но упал, сраженный пулеметной очередью. К нему

подполз сержант Швец, разорвал пакет с бинтом.

- Не надо. Оставь меня, веди взвод! - приказал лейтенант.

Это были его последние слова. Швец громко скомандовал:

- Первому и второму отделениям - огонь по амбразуре! Третье отделение - за мной! Вперед, ура-а!

Выдернув на бегу чеку из гранаты, Швец прыгнул во вражескую траншею, за ним последовали автоматчики. В рукопашной схватке рядовой Хубайдулин саперной лопаткой убил одного фашистского солдата, Бобров прикладом уничтожил другого. Швец ловко швырнул гранату внутрь дзота. В соседний дзот ворвались бойцы во главе со старшим сержантом Козловым, и вскоре командир роты Кузьмин доложил комбату Мыльникову, а Мыльников мне, что ключевая высота с тремя дзотами полностью в наших руках.

Наступил вечер. Темнота окутала захваченный нами плацдарм за Ловатью, однако бой продолжался. Орудийные зарницы выхватывали из тьмы рваные края низких туч. Звездочки ракет, рассыпаясь, падали на снег. Теперь канонада была особенно интенсивна на правом фланге, на участке 3-го батальона. Комбат Грязнов доложил, что штурмовые группы продолжали пробиваться в глубину обороны противника.

В трудном положении оказалась рота лейтенанта Н. П. Грибанова. Под сильным огнем врага она залегла на открытой поляне, в снегу. Бойцы замерзали в обледеневших после форсирования Ловати шинелях и сапогах. Грибанов понимал: надо немедленно что-то предпринимать, иначе люди обморозятся. А поднять их в атаку не давал фланкирующий пулеметный огонь дзота с опушки леса. Лейтенант вызвал добровольцев. Первыми к нему подползли комсорг роты старший сержант Варганов и помкомвзвода сержант Пятнышин, за ними еще несколько бойцов. Командир роты поставил им задачу незаметно подобраться к дзотам и подорвать их гранатами.

При свете вражеских ракет, зарываясь в глубокий снег, воины двумя группами подползли к дзотам, забросали их гранатами, ворвались в траншею. Огонь врага ослабел, 9-я рота бросилась в атаку, с ходу преодолела первую траншею и ворвалась во вторую. В глубине леса, во тьме, начался ближний бой. Подразделения ликвидировали последние очаги сопротивления севернее Черенчиц.

Многие подробности боя рассказали мне вернувшиеся из 3-го батальона майор Терехин и секретарь дивизионной парткомиссии майор А. А. Лукьянов. Они на поле боя вручали партийные билеты молодым коммунистам батальона и поддерживавшей стрелков полковой батареи. В числе других кандидатскую

карточку получил и знакомый читателю артиллерист младший лейтенант Виктор Левченко. Хорошо дрался он в своем первом бою.

Спросил я у Терехина, как перенесли боевое крещение наши комсомолки радистки Аня Некрасова и Тамара Астафьева, посланные для связи к комбату-3. Петр Дмитриевич ответил, что девчата держались хорошо, комбат Грязнов сначала даже рассердился на них, но сейчас все в порядке.

- А чего сердился?

- Пошли они в атаку с ним вместе, попали под сильный огонь, командует он: "Ложись!" Сам - плашмя в снег, в грязь, а они стоят. Глаза зажмурили, но стоят. Он им опять кричит: "Ложись!" А они: "Товарищ командир, грязно..." Рассердился комбат и говорит: "Себя можете не беречь, но за государственное имущество я с вас, извините, шкуру спущу". Они, конечно, обиделись, но зато уж выполняют приказы Грязнова беспрекословно.

Я попросил замполита назвать всех, достойных награждения за сегодняшний бой. Тут же набросали предварительный список. В нем значились и пулеметчик из 1-го батальона С. В. Владимиров, и капитан А. В. Антропов, и лейтенант Н. П. Грибанов, и многие другие товарищи. А самым первым стоял в списке отважный политработник старший лейтенант Павел Григорьевич Гнездов - для посмертного награждения. Впоследствии его подвиг был отмечен орденом Красного Знамени.

Поздно вечером, собрав последние сведения из батальонов, я доложил генералу Травникову о положении полка и наших планах на сегодняшнюю ночь. Вкратце они сводились к следующему. Во время дневного боя все внимание фашистов было сосредоточено на северной и северо-западной части Черенчиц здесь их оборону прорывали батальоны Мыльникова и Грязнова, стремившиеся вырваться к дороге на Онуфриево и к мосту на реке Редья. В южной части Черенчиц весь день было сравнительно тихо. Разведчики докладывали, что вражеское командование сильно оголило этот участок, видимо, надеялось на высокие, крутые и обледеневшие берега Ловати и на дзоты с их мощной системой артиллерийско-пулеметного огня. Значит, нашу атаку в этом направлении противник считает маловероятной. Этим мы и воспользуемся, ударим туда своим резервом - ротой автоматчиков старшего лейтенанта В. П. Меркушева.

- Подбрасывают ли фашисты подкрепления из Онуфриево? - спросил генерал.

- Да. Пленные подтвердили, что это подразделения тридцать восьмого егерского полка. Я выдвинул к Черенчицам и частично

ввел в бой второй эшелон и переданный в мое подчинение первый батальон шестнадцатого полка.

- Хорошо, - сказал комдив. - Напоминаю: при первой возможности бросайте все имеющиеся силы к Онуфриево. Мост через Редью необходимо захватить исправным.

Между тем ночной бой в Черенчицах продолжался, стрелковые батальоны, рассекая гитлеровскую оборону надвое, продвигались одновременно на юг и северо-запад. В 00 часов 15 минут майор Сологуб доложил о готовности отряда Меркушева - роты автоматчиков, саперного взвода лейтенанта К. В. Петрова и взвода противотанковых ружей лейтенанта И. И. Степченко.

Старший лейтенант Меркушев повел отряд через Ловать к южной части Черенчиц. Бойцы в белых маскхалатах, с лыжами на плечах, обходя засыпанные снегом полыньи и воронки, в метельной мгле бесшумно перешли Ловать. Помогая друг другу, выбрались на крутой берег. Когда до вражеской траншеи было уже рукой подать, Меркушев поднял ракетницу. Взвилась и рассыпалась ракета, бойцы забросали траншею гранатами и, не останавливаясь, двинулись в глубину фашистской обороны. Ворвались на позицию минометной батареи, разгромили еще шесть пулеметных точек. Стрелковые батальоны, воспользовавшись паникой в расположении врага, ударили навстречу меркушевскому отряду, соединились с ним и довершили разгром врага в Черенчицах. К рассвету весь этот мощный опорный пункт - 22 орудийных и пулеметных дзота, 8 закопанных в землю танков, несколько артиллерийских и минометных батарей - был полностью в наших руках. Остатки немецкого егерского полка поспешно отступали по дороге на Онуфриево.

Противник искал спасения за рекой Редья, не зная еще, что путь на запад ему отрезан. В ходе ночного боя за Черенчицы, когда успех наш уже явно обозначился, я принял меры к тому, чтобы обеспечить полку выполнение дальнейшей задачи: прорваться к реке Редья, захватить мост и оседлать рокадную дорогу Старая Русса-Холм. С этой целью я вызвал на свой наблюдательный пункт командира 1-й роты автоматчиков старшего лейтенанта В. П. Меркушева и командира 4-й стрелковой роты старшего лейтенанта С. И. Коновалова. Меркушева назначил командиром группы, выделил ему в проводники разведчиков, уже побывавших на Редье.

Меркушев поставил своих людей на лыжи и стремительно лесными просеками двинулся к Редье. Здесь его встретили разведчики лейтенанта Китаева, которые, наблюдая за мостом уже двое суток, установили все, что необходимо было для

быстрого и бесшумного его захвата. Группа Меркушева сразу же пошла вперед. Без единого выстрела они овладели мостом.

Автоматчики и стрелки заняли круговую оборону по обоим берегам Редьи, прочно перекрыв дорогу из Черенчиц на Онуфриево. Ждать пришлось недолго. Сначала из леса, со стороны Черенчиц, появились мелкие группки бегущих егерей. Во тьме и снегопаде они ничего не замечали, пока не попадали в руки меркушевцев. Потом показалась пехотная колонна. Подпустив ее поближе, Меркушев скомандовал: "Огонь!"

А мы в этот час спешили к Редье по лесной дороге, вслед за отступавшими егерями 38-го полка. Я шел со 2-м батальоном. Темень, снег по пояс, метель. Кони останавливаются, люди, помогая им, впрягаются в лямки, вытаскивают пушки и сани с боеприпасами. А впереди гремит бой. Когда мы вышли к Редье, здесь уже все было кончено. У моста, на льду реки и вдоль опушки лежали трупы гитлеровцев. Сотни полторы-две. Старший лейтенант В. П. Меркушев коротко доложил, что его группа в составе роты автоматчиков, 4-й стрелковой роты и взвода разведки приказ выполнила - остатки 38-го егерского полка уничтожены. За этот бой Василий Прокопьевич Меркушев был награжден орденом Красного Знамени, Степан Иванович Коновалов и Владимир Васильевич Китаев - орденом Красной Звезды.

На следующий день, 15 марта, в полосе наступления нашего полка командир дивизии ввел в бой сначала свой второй, а затем и третий эшелоны - 16-й гвардейский воздушно-десантный полк майора Ф. М. Орехова и 11-й гвардейский воздушно-десантный полк майора Н. В. Оленина. Таким образом, наш 1-й гвардейский воздушно-десантный полк оказался во втором эшелоне дивизии.

В последующие восемь суток 5-я гвардейская воздушно-десантная дивизия продолжала вести сначала наступательные, а затем и оборонительные бои. Противник, сосредоточив крупные силы, яростно контратаковал захваченные нами за Редьей плацдармы. Однако мало-помалу бои стихли. Этому сильно способствовала дружная весенняя распутица. На реках начался ледоход, немногочисленные дороги раскисли, заболоченные здешние леса и вовсе стали непроходимыми.

23 марта 1943 года наша дивизия была выведена во второй эшелон 68-й армии. Люди получили заслуженный отдых.

Встречный бой

19 апреля 1943 года 5-я гвардейская воздушно-десантная дивизия была выведена в резерв Ставки{7}. Мы совершили пеший 200-километровый марш к городу Осташков, погрузились в эшелоны и через Калинин двинулись к Москве. Нам сообщили,

что едем на юг, к Воронежу. Двигались медленно, по нескольку часов стояли на разъездах, пропуская многочисленные эшелоны с людьми, боевой техникой, боеприпасами. Бывало, зайдешь во время такой остановки в какой-нибудь вагон и не успеваешь отвечать на вопросы бойцов:

- Куда нас везут?
- Почему так медленно?
- Почему все нас обгоняют?
- Когда союзники откроют второй фронт?

Конечно, тогда я не знал и знать не мог, что в районе Курского выступа скоро начнется грандиозная битва; что нам, как и многим другим воинским соединениям, предназначена роль глубоких резервов и что в сражение мы вступим уже на его исходе.

По пути на юг наш хозяйственник капитан В. В. Крайнев сумел получить на подмосковной базе летнее обмундирование, и теперь полк был одет, как говорится, с иголочки. Отдохнувшие, в новых гимнастерках, на которых сверкали ордена и медали (за бои на Ловати большая группа гвардейцев была награждена), люди выглядели прекрасно, рвались в бой, и это не могло меня не радовать.

4 мая полк выгрузился из эшелонов и сосредоточился в лесу, в 15 километрах западнее Усмани. Дивизия вошла в состав 20-го гвардейского стрелкового корпуса 4-й гвардейской армии Степного фронта. Здесь мы простояли более месяца, получили пополнение людьми, техникой, вооружением. Очень интенсивно занимались боевой подготовкой. Батальонные, полковые, штабные учения, показные тактические учения с боевой стрельбой, дневные и ночные, следовали одно за другим.

Командир корпуса генерал-лейтенант А. В. Горбатов был человеком громадной энергии, дотошным и въедливым. Не признавал он в военном быту слова "мелочь", не переносил равнодушно-сонных физиономий. Весь порядок нашей жизни в Усмани был насыщен до предела большими и малыми делами, и комкор успевал везде и всюду.

А в лице заместителя комдива генерал-майора М. А. Богданова 5-я гвардейская воздушно-десантная дивизия получила отличного методиста, офицера исключительно широкого военного кругозора и больших знаний. Он лично руководил многими тактическими учениями, в частности учением на тему "Встречный бой". Учение это прошло живо, увлекательно, а уроки, преподанные в ходе занятий Богдановым, скоро всем нам очень пригодились.

10 июня дивизии 4-й гвардейской армии начали марш на

север. Задачу получали на один-два ночных перехода. Движение сочетали опять-таки с учебой. В течение 25 дней прошли из района Воронежа до Тулы, то есть около 600 километров. Марш был трудным, но зато личный состав втянулся в походную жизнь.

В Туле стояли до начала Курской битвы. В ночь на 8 июля погрузились в эшелоны и вскоре прибыли в Новый Оскол. Дни уходили за днями, недели за неделями, сражение на Курской дуге из оборонительного переросло в наступательное, а нас пока держали в резерве. Убыл на другой фронт командовать армией генерал А. В. Горбатов, а 20-й гвардейский стрелковый корпус принял генерал-майор Н. И. Бирюков; позже вместо генерала Травникова 5-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию возглавил полковник В. И. Калинин. Произошли перемены и в личном составе нашего полка. Уехали с новыми назначениями П. Д. Терехин и С. М. Гуторов. Моим замполитом был назначен майор Н. М. Гридюшко, а начальником штаба - майор С. К. Аветисов.

В конце июля дивизию перебросили под Прохоровку, и мы несколько дней простояли поблизости от поля, на котором произошло знаменитое крупное танковое сражение.

Из-под Прохоровки нас перебросили на юго-запад, ближе к линии фронта, а затем, в середине августа, - к Ахтырке. Здесь противник нанес танковый контрудар по войскам 27-й армии. Она вынуждена была оставить Ахтырку.

Полдень 20 августа застал 5-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию на марше. Наш полк следовал в авангарде на юго-запад, к линии фронта. Над горизонтом, в жаркой синеве небес, бугрились и медленно росли дымные столбы. Это горела Ахтырка. И к северу от нее, и к югу, и совсем близко от нас дымили пожарища поменьше. Приглушенная расстоянием гудела орудийная канонада. Там дрались с фашистскими танковыми дивизиями части 27-й армии. Туда же сутки назад была выдвинута 8-я гвардейская воздушно-десантная дивизия нашего корпуса. Пока что мы шли за ней уступом слева, и теоретически она отделяла нас от противника. А практически мы каждую минуту ждали столкновения с гитлеровскими танками и мотопехотой.

Шли проселочной дорогой, петлявшей в полях. Вокруг стеной стоят спелая пшеница и подсолнухи. Местность открытая, безлесная, слегка всхолмленная, с явным понижением от Ахтырки на юг.

Приподнимаюсь в седле, вижу всю растянувшуюся километра на три полковую колонну. В плотных облаках дорожной пыли маршируют стрелки, автоматчики, бронебойщики. Конные упряжки тянут орудия. Это главные силы полка: 3-й батальон Грязнова, полковая батарея, приданный нам пушечный дивизион 6-го артполка. Замыкал колонну 2-й батальон Чистякова. Справа параллельной дорогой шел 1-й батальон Мыльникова. Такой

походный порядок при необходимости позволял быстро развернуться и вступить в бой.

Над нами барражировала тройка краснозвездных истребителей. Они прикрывали полк с воздуха.

Около часу дня, когда мы прошли деревню Полковую, меня вызвал к себе командир дивизии полковник В. И. Калинин. Его машину я нашел восточнее деревни, близ саманного сарая. Василий Иванович что-то объяснял по карте командирам 11-го и 16-го. гвардейских воздушно-десантных полков Николаю Бенедиктовичу Оленину и Федору Михайловичу Орехову. Едва успел я доложить о прибытии, как подъехала еще машина. Из нее стремительно вышел молодой генерал - заместитель командующего 4-й гвардейской армией Г. Ф. Тарасов.

- Все командиры полков здесь? - спросил он.

- Все, - ответил комдив.

Генерал Тарасов поставил перед дивизией боевую задачу. В самом общем виде ее можно сформулировать так: совместно с другими частями 4-й гвардейской армии нанести контрудар по танковым дивизиям противника, разгромить их на рубеже совхоз "Ударник", Чемодановка, Каплуновка, Пархомовка и наступать далее на крупное село - районный центр Котельву.

Таким образом, если до сегодняшнего дня боевые действия вела лишь одна дивизия из нашего корпуса - 8-я, то теперь вступали в дело и остальные две дивизии - 7-я и 5-я. "Семерка" выдвигалась правее 8-й дивизии, наша "пятерка" - левее.

- Кто у вас в авангарде? - спросил у комдива Тарасов.

- Подполковник Попов, - кивнул тот в мою сторону.

- Значит, вам первому и начинать, - сказал мне генерал. - Встречный бой вести приходилось?

- Нет, товарищ генерал. Изучал в академии. А недавно - на тактических занятиях.

- Это уже немало, - улыбнулся он. - Так что же главное во встречном бою?

- Упредить противника в развертывании на выгодном рубеже.

- Правильно! - сказал генерал. - Желаю удачи, товарищ Попов.

Начальник штаба дивизии полковник Кожушко выдал мне несколько экземпляров крупномасштабных карт, я вскочил на коня, поехал догонять полк. По пути, не утерпев, развернул карту. На ней, ближе к западному срезу, - большое село Каплуновка, севернее ее - Чемодановка, глубже и южнее - Мойка и Пархомовка. А вот и дорога, по которой я еду, она тянется к Каплуновке с северо-востока. Близ села, в километре от него, есть роща, перекресток дорог и высота. Судя по отметкам на карте,

высота господствует над окружающей местностью. Значит, надо как можно скорее оседлать ее, выдвинуть туда артиллерию. Тогда-то мы и опередим противника в развертывании на выгодном рубеже.

Штаб полка я догнал в поселке Новая Одесса. Домов тут не было - только печные трубы торчали среди опаленных огнем, почерневших яблонь и груш. Начальник штаба майор С. К. Аветисов доложил:

- От конной разведки донесений пока нет. От офицера связи, направленного в восьмую дивизию, - ничего.

- Вызовите всех комбатов!...

Аветисов тотчас послал за ними. Самое неприятное то, что нет никаких сведений о противнике. Мы идем пешком. Навстречу же нам движутся немецкие танки и бронетранспортеры. Таким образом противник значительно опережает нас в скорости и маневренности. И чтобы как-то выровнять положение, мы обязаны знать его группировку и ближайшие намерения. То есть дело за разведчиками. А они молчат. Почему?

Вызвал помначштаба по разведке старшего лейтенанта С. И. Бобрикова. Он отвечает неуверенно.

Вот оно - пятимесячное пребывание в тылу. Благодушествует. Приходится говорить с ним резко:

- Очнитесь, Бобриков. Приказываю немедленно связаться с конной разведкой. Добыть пленного. Выяснить, есть ли у фашистов "тигры" и "фердинанды".

Начальник связи старший лейтенант В. А. Галиев вроде бы неплохо подготовился к бою. Телефонисты знают свои задачи и по первому сигналу потянут проводную связь к батальонам и батареям. Экипажи радиостанций уже посланы в штабы батальонов, но работать в эфире до начала боя им запрещено: у противника широко развита система радиоперехвата.

- Но почему не предусмотрена связь с тыловыми подразделениями?

- Сейчас же организуем, - отвечает Галиев. - Резерв связи у меня есть.

Связь с тыловыми подразделениями - далеко не мелочь. В скоротечном встречном бою отсутствие связи может больно хлестнуть полк, оторвать от него тылы и даже оставить их в руках противника. Это я и напомнил Галиеву.

Между тем к штабу полка, лихо осадив коня, подскакал комбат-3 Грязное. Подъехал комбат-1 Мыльников. Он и коня-то подобрал себе по нраву - широкой кости, сильного, спокойного. Появился и комбат-2 Чистяков, на этот раз без опоздания и сопутствующих оправданий. Вообще он стал более собранным.

Почти одновременно с комбатами подъехал начальник штаба дивизии. Беспокойный он человек, полковник Кожушко. Случая побывать на передовой не пропустит. И вот сейчас Иван Никитович развернул карту, уточнил границы полосы, в которой должен наступать полк. Она несколько сместилась к югу, поэтому батальон Мыльникова наступал уже в полосе соседа - 8-й дивизии. Необходимо немедленно перевести батальон с правого фланга походного порядка полка на левый.

Комбаты делают пометки на картах. Говорю Грязнову:

- Дело за твоим батальоном. Захватишь господствующую высоту - считай, что задача овладеть Каплуновкой наполовину выполнена.

- Артиллерию даете? - деловито осведомился он.

- Вся артиллерия на тебя будет работать...

Комбаты уехали, полк продолжал движение на Каплуновку.

Вернулся наконец из 8-й дивизии наш офицер связи лейтенант Е. С. Демиховский, доложил обстановку: соседний 25-й полк своим левофланговым батальоном уже более суток ведет трудный бой на северных подступах Каплуновки. Село превращено фашистами в мощный опорный пункт. Много тяжелых танков и самоходных орудий поставлено гитлеровцами в засады.

Только отпустил Демиховского, прискакал красноармеец с донесением от командира взвода конных разведчиков лейтенанта В. В. Дудкина. Лейтенант сообщал: из Каплуновки на юг, юго-восток и восток вышли три подвижные группы противника. В каждой - три-четыре бронетранспортера с пехотой, видимо, разведка. С одной группой уже завязало бой наше походное охранение - усиленная 8-я рота старшего лейтенанта А. С. Чиркова.

- Наконец-то! - с облегчением вздохнул майор Аветисов.

Я очень хорошо понял начальника штаба, как и он, почувствовал, что спало нервное напряжение: наконец-то мы видим противника, вступаем с ним в боевое соприкосновение.

Четверть часа спустя поступило донесение из авангардного батальона. Грязнов сообщал результаты стычки походного охранения с разведкой противника.

Видимо, вражеское командование в Каплуновке имело о наших силах весьма смутное представление. Выехавшая из села на восток разведгруппа - три бронетранспортера с автоматчиками - продвигалась очень осторожно: останавливались перед каждым бугром и кустиком, всаживали пулеметные очереди в заросли подсолнуха, в стога необмолоченной пшеницы. Осторожен, очень осторожен стал фашист в сорок третьем году, порастерял былой

гонор.

Разведчики Дудкина предупредили наше охранение, что приближаются бронетранспортеры противника. Старший лейтенант Чирков оставил у дороги засаду - отделение автоматчиков и расчет противотанкового ружья. Взвод полковых пушек младшего лейтенанта Левченко замаскировался в ста метрах позади, в стогах пшеницы, а главные силы роты Чирков повел в стороне от дороги, полем, чтобы обойти фашистов и отрезать им путь отхода. Однако с бронетранспортеров заметили этот маневр, остановились. Тогда пушки Левченко открыли огонь. Был подбит один бронетранспортер, два других умчались в Каплуновку.

- Атакую Каплуновку, - закончил свое донесение комбат Грязнов.

С бугра я вижу дорогу, которая, петляя, огибает с юга господствующую высоту. Занял ли ее Грязное?

С группой штабных офицеров скачу к Каплуновке. Надо поторопить Грязнова. Батальон должен как можно скорее овладеть высотой, укрепиться на ней, подтянуть артиллерию. Эта позиция станет опорной для всего полка, если противник предпримет танковую контратаку.

Подталкивать Грязнова мне не пришлось, он действовал со свойственной ему энергией. Сразу же после стычки развернул батальон в боевой порядок - 8-я рота Чиркова в центре - и занял этот выгодный рубеж. До окраинных садов Каплуновки оставалось не более 400-500 метров, но преодолеть их с ходу батальон не смог. Бойцы залегли под сильным огнем.

С высоты нам открылся вид на северо-восточную окраину Каплуновки. Местность абсолютно открытая - пашня, потом огороды. Земля буквально кипит от разрывов мин и снарядов, густо пылят пулеметные строчки.

Конечно, обидно так вот залечь, когда до цели рукой подать. Очень хотелось поднять людей, провести сквозь огонь, схватиться с врагом в штыковой, опрокинуть фашистов. Однако разум охладил мой первый порыв, ибо из горького опыта знал я цену необдуманным действиям. Даже перед своей совестью потом не оправдаешься, если бросишь бойцов в лоб на пулеметы, не попытавшись найти наиболее уязвимые места в обороне противника. И я направил связного к комбату Грязнову с приказом прекратить атаку и немедленно прийти ко мне.

Наблюдательный пункт на высоте еще не был готов. Полковой инженер старший лейтенант В. И. Ваганов с саперами только что начал его оборудовать в захваченной немецкой траншее. Мы с начальником артиллерии полка старшим

лейтенантом И. К. Мрыхиным и моим адъютантом старшиной Т. И. Локтевым расположились неподалеку.

Оторвавшись от стереотрубы, Мрыхин вдруг воскликнул:

- Товарищ подполковник! Слева, в траншее, - немцы.

Я поглядел туда. Метрах в 50-70 мелькали головы в пилотках. Может, это Грязнов со своими?

- Нет, немцы! - повторил Мрыхин. - Поглядите в бинокль.

Но глядеть было уже некогда. Гитлеровцы открыли огонь из автоматов, стали швырять в нас гранаты с длинными ручками. Бинокль мой тихо звякнул, пробитый пулей. Лежавшая на бруствере планшетка была распорота автоматной очередью. Все схватились за оружие. Завязалась перестрелка. Тут подоспели наши связисты, и мы, пустив в ход гранаты, пошли на сближение с фашистами. Троих взяли в плен, остальные сбежали. В траншее обнаружили еще семь трупов.

Возвращаемся на НП и видим: Ваганов сидит на дне траншеи. Полковой врач капитан Ващенко и санитары хлопочут возле.

- Что с тобой, Василий Иванович?

- Пустяки. Осколком задело. Перевяжут - и встану.

- Не шевелись! - прикрикнул на него Ващенко и тихо мне: - Его надо немедленно на операционный стол.

Санитары уложили Ваганова на носилки, отнесли в кустарник, к санитарной повозке. Вечером я узнал, что ему сделали сложную операцию. Василий Иванович остался жив, но на фронт уже не вернулся.

Вскоре на НП пришли оба заместителя - Е. С. Сологуб и Н. М. Гридюшко. Посовещались. Обстановка подсказывала: фашисты связаны боем на северной окраине Каплуновки с батальоном 25-го полка и на северо-восточной с батальоном Грязнова. Они не ожидают удара с юга. Значит, есть резон обойти Каплуновку с тыла.

Эти соображения легли в основу приказа, который я тотчас и отдал. Батальон Грязнова продолжал атаковать Каплуновку с фронта; батальон Чистякова разворачивался на юго-запад, прикрывая полк от возможных контратак; батальон Мыльникова выдвигался для глубокого обхода Каплуновки и удара в тыл обороняющему ее противнику. Маневр сложный и рискованный. Мыльникову придется наступать с открытыми флангами, не оглядываясь на них, иначе он потеряет время, а значит и фактор неожиданности.

Получив задание, Мыльников и Чистяков прямо с марша развернули свои батальоны. Я следил за ними с высоты, пока они не скрылись в высокой кукурузе и подсолнечнике, подступавших к Каплуновке.

Между тем у подножия высоты продолжал вести огневой бой батальон Грязнова. Поддерживая его, била полковая артиллерия, ударили гаубицы 6-го артполка майора Пономарева.

- Воздух! - вдруг крикнул старшина Локтев.

Солнце уже низко спустилось к горизонту, его лучи били прямо в глаза, поэтому я не сразу разглядел фашистские бомбардировщики. Они приближались с запада медленно и грозно.

- Девять, двенадцать, восемнадцать... - вслух считал Локтев.

Из Каплуновки, из траншеи вражеского переднего края, взлетели три желтые ракеты, потом три красные. Они повисли над залегшим 3-м батальоном. Фашисты с земли направляли удар своих бомбардировщиков. Самолеты уже построились в круг для атаки, когда над полем опять вспыхнули ракеты - сперва желтые, за ними красные. Только теперь они летели с нашей стороны.

После бомбежки я узнал, что автором этой военной хитрости был сам Грязной. Он заметил, сколько ракет, какого цвета и в каком порядке пускали гитлеровцы, и быстро сообразил, как уберечь своих бойцов от бомбежки. Первый же заходивший на бомбежку "юнкере" проскочил над целью. За ним последовали и другие самолеты. Вражеские летчики колебались: куда же сбросить бомбы? Сделали второй заход, а Грязнов ракет не жалел, словно убеждал стервятников: "Туда бросайте! Туда!"

И "юнкерсы" послушались. Они тщательно пробомбили свой передний край. Дым, пыль густой пеленой окутали траншеи фашистов на восточной окраине Каплуновки. Поддал жару и 6-й артполк. Слышно, как майор Пономарев кричит в телефон, командует своим батареям:

- Шесть снарядов, беглый - огонь!

По рации связался с Грязновым. Он докладывает:

- У противника замешательство, огонь ослаб. Разрешите атаковать?

Очень хотелось мне крикнуть ему: "Молодчина ты, Павел Иванович!" Но сдержался и только сказал:

- Добро! Атакуйте!

С НП хорошо было видно, как над залегшей цепью поднялась ладная фигура командира 9-й роты Николая Петровича Грибанова. Он бросился вперед, за ним бойцы. Несколько правее повел в атаку 8-ю роту Андрей Степанович Чирков, левее - 7-ю роту - Василий Маркович Алексеев. Почти без потерь они преодолели пашню и скрылись в огородах и садах. Туда же поспешила небольшая группа штаба. По валкой походке узнал комбата-3. Рядом - девушки-радистки. У Ани Некрасовой за плечами ящик с радиостанцией. Телефонисты, не отставая от

Грязнова, быстро разматывают провод. Скоро все они исчезли из поля моего зрения, но радио и телефон помогли мне следить за перипетиями уличного боя.

Узнаю о подвигах наших гвардейцев. Парторг 9-й роты старший сержант Николай Филиппович Воронов первым ворвался во вражескую траншею, увлек за собой бойцов, пробился с ними к центру села, но дальнейшему продвижению мешали фашистские пулеметчики, засевшие в кирпичном здании школы. Они простреливали перекресток улиц. Комсорг батальона младший лейтенант Александр Сергеевич Правдин взял связки гранат, пополз к школе. Добрался до окна, швырнул туда гранаты и, ухватив пулемет за ствол, выдернул его из окна. Гвардейцы ворвались в дом, в рукопашной схватке уничтожили оставшихся в живых гитлеровцев. Отличился и еще один Воронов из 3-го батальона - Валентин Николаевич, младший лейтенант, командир взвода. Так же, как Н. Ф. Воронов и А. С. Правдин, он умело командовал штурмовой группой.

Итак, успех здесь обозначился. 3-й батальон упорно вгрызался в оборону противника с востока. С севера, поддерживая с нами связь, атаковал Каплуновку батальон 25-го полка 8-й дивизии. Однако решающее слово сейчас было за обходящим Каплуновку 1-м батальоном Мыльникова. Выполнит задачу - судьба сильного вражеского опорного пункта будет решена.

Связываюсь с Мыльниковым по радио.

- Обошел Каплуновку с юга, - доложил он кодом. - Сожгли три бронетранспортера, разгромили автоколонну с горючим. Взяли пленных из 7-й немецкой танковой дивизии...

Час спустя принял новый доклад:

- Вышел в район скотного двора. Роту Бондаренко повернул на Каплуновку, главными силами продвигаюсь на север...

Отметил положение батальона на карте, познакомил с обстановкой майора-летчика, представителя поддерживающей нас бомбардировочной авиации, который недавно появился на нашем НП со своей рацией и радистом. Он тщательно нанес новые данные на карту, доложил:

- Авиаразведка обнаружила танки и мотопехоту противника, выдвигающиеся к Каплуновке с запада вот этой дорогой. Они примерно здесь. Наши уже пошли на бомбежку...

Снова вызвал Мыльникова, предупредил, что в трех-четырех километрах от его батальона появились вражеские танки и мотопехота противника. Напомнил ему сигналы взаимодействия с авиацией.

Напряжение на нашем наблюдательном пункте все возрастало. Мыльников сообщил, что рота старшего лейтенанта

В. Н. Бондаренко атакует западную окраину Каплуновки, колхозный скотный двор, где держит оборону вражеская мотопехота. Две другие роты спешно занимают оборону в открытом поле. Готовятся встретить удар подходящих танков. Если авиации не удастся разгромить вражескую колонну, маневр мыльниковского батальона сорвется. Комбату придется думать не о том, как окружить фашистов в Каплуновке, а о том, как самому избежать окружения.

Минуты казались часами. Где же наши самолеты? Наконец, услышали по рации долгожданную весть. Мыльников, как всегда, лаконично доложил:

- Слышу сильные взрывы, вижу черный дым на северо-западе. Ориентирую по карте: квадрат шестнадцать - семь, перекресток полевых дорог. Примерно тут.

Через несколько минут и майор-летчик оторвался от своей радиостанции:

- Отбомбились отлично. Колонна растрепана. Танки горят...

Батальон Мыльникова продолжал наступать, перерезая дороги, идущие из Каплуновки на запад и северо-запад, перекрывая их сильными заслонами. Батальон так далеко оторвался от основных сил полка, что его продвижение напоминало сейчас рейд по вражеским тылам. Однако маневр этот совершался в полном тактическом взаимодействии с нашими силами, атакующими Каплуновку с востока и северо-востока.

- Рота Бондарёнко вынуждена залечь у скотного двора, - доложил вскоре Мыльников.

Двор этот был застроен добротными каменными сараями. Фашисты поставили за ними бронетранспортеры, которые периодически меняли позиции, сосредоточивая пулеметный огонь то в одном, то в другом направлении.

Артиллерии у Мыльникова нет. Как выкурить фашистов из-за каменных стен? Сделать это вызвался сержант В. П. Севчук со своим отделением. Пулеметчик рядовой Е. П. Замятин отвлек на себя огонь фашистов. Севчук с тремя бойцами пополз в скотному двору, был ранен, но все же вместе с рядовым Т. К. Кулаевым (остальные выбыли из строя) добрался до кирпичной стенки сарая.

Кулаев быстро перевязал Севчука. Сержант обследовал стену и обнаружил в ней пролом. Поставив Кулаева в засаду у ворот, сам пролез через пролом на скотный двор.

Это была отчаянная схватка двух комсомольцев с четырьмя десятками гитлеровцев, засевших с пулеметами под броней восьми бронетранспортеров. Севчук метнул гранату в ближайший из них, поджег его, а выскочивший экипаж уничтожил из

автомата. Почти одновременно Кулаев взорвал бронетранспортер, стоявший у ворот. Фашисты открыли по смельчакам сильный огонь, и плохо бы им пришлось, если бы вовремя не подоспели товарищи. Старший лейтенант Бондарёнко, услышав взрывы противотанковых гранат на скотном дворе и заметив, что огонь противника ослаб, немедленно направил на помощь Севчуку группу автоматчиков и расчет противотанкового ружья во главе с сержантом И. Г. Зотовым. Они и завершили разгром гитлеровцев, захватили пленных, а также все восемь бронетранспортеров, причем шесть из них были в полной исправности.

Владимир Павлович Севчук эвакуироваться в госпиталь отказался, остался лечиться в полку и десять дней спустя вернулся в строй. Вскоре я по рекомендации комбата Мыльникова направил Севчука в числе лучших сержантов на армейские курсы младших лейтенантов. Став офицером, он воевал отлично, командовал взводом, потом ротой, был удостоен четырех правительственных наград. Уже после войны я узнал, что в 1944 году Владимир Павлович героически погиб в Венгрии.

Рота Василия Никифоровича Бондаренко овладела западной окраиной Каплуновки уже поздним вечером 20 августа. Ей навстречу, с востока, через центр села успешно пробивался, батальон Грязнова. С севера нажимал батальон 25-го полка. Фашисты все еще держались в Каплуновке, предпринимая последние отчаянные попытки отстоять этот сильный опорный пункт.

Вечером, когда я докладывал командиру дивизии обстановку, тот спросил:

- Когда возьмешь Каплуновку?

- К утру.

- Уверен?

- Уверен.

Уверенность моя основывалась не только на том, что половина этого громадного села уже наша, что большинство танков и самоходок, составлявших костяк вражеской обороны, сожжены или подбиты в своих засадах. Главное в том, что вражеское командование не могло подбросить подкрепления здешнему гарнизону. Все дороги прочно перекрыты: с юго-запада - батальоном капитана Чистякова, с запада и северо-запада - батальоном майора Мыльникова. Маневр удался, и Каплуновка должна была пасть в считанные часы. Так оно и вышло. На рассвете 21 августа я доложил полковнику Калинину, что 1-й полк во взаимодействии с 25-м полком 8-й дивизии полностью очистил Каплуновку от противника.

Утро принесло новые заботы. Гитлеровцы предприняли

сильную контратаку в стыке флангов мыльниковского и чистяковского батальонов, западнее совхоза "Мойка". Сначала, как обычно, налетели бомбардировщики. Песчаная пыль, поднятая рвущимися бомбами, скрыла от меня поле боя.

- В первой роте значительные потери, - доложил по телефону Мыльников. Ранен Михаил Павлович Чеченев.

- Кто принял командование ротой? Мыльников назвал фамилию молодого командира взвода и тут же добавил:

- В роту ушел парторг батальона.

Парторгом у него был Георгий Константинович Протопопов, старший лейтенант, замечательный политработник. Большую часть времени проводил он с людьми - в окопах, в стрелковой цепи, на огневых позициях артиллеристов и минометчиков. Вот и сейчас, узнав, что Чеченев ранен, он тотчас отправился в 1-ю роту, потому что туда был направлен удар противника, там нависла грозная опасность.

Отбомбившись, "юнкерсы" ушли. Пыль осела, и со своего НП я опять увидел вдали зеркало пруда в окружении зелени старых ив, обгоревшие столбы - все, что осталось от совхоза "Мойка" и одноименного села. Оттуда выползли на пшеничное поле два средних танка и самоходное орудие "фердинанд" - этакая приземистая громадина с длинной и мощной пушкой. Боевые машины двинулись на позиции 1-й роты. За ними, прижимаясь к броне, бежала густая цепь автоматчиков.

Обе полковые батареи действовали далеко на флангах, и перебросить их оттуда не было времени. Приходилось рассчитывать только на батальонные "сорока-пятки", на бронебойщиков да на противотанковые гранаты. Я решил выдвинуть к стыку флангов полковой резерв - 2-ю роту автоматчиков старшего лейтенанта Федора Федоровича Кузьмина.

Между тем фашистские танки и пехота приблизились к нашим окопам. Рота Чеченева встретила противника дружным ружейно-пулеметным огнем. Ударили бронебойки. Автоматчики начали постепенно отставать от танков, их цепи поредели. Вот залегла одна группа, другая... Но танки и идущая чуть позади танков тяжелая самоходка продолжали наступать. Видно было, как на лобовой броне "фердинанда" разорвались два снаряда батальонной "сорокапятки". Никакого эффекта. Машина двигалась, ее пушка с характерным дульным тормозом на конце ствола изрыгала снопы пламени. Куст разрывов стал над окопом, в котором засели сорокопятчики.

И вдруг снаряды крупного калибра стали рваться рядом с бронированными машинами. Наша артиллерия? Но откуда она

взялась?... Один из танков круто, почти на 180 градусов, развернулся и, стреляя, пошел в свой тыл. Теперь я увидел его цель - немецкая пушка, замаскированная в кустарнике. Танк ударил по ней, она - по танку. Вот одно попадание, второе. Танк загорелся! Пушка перенесла огонь на залегших автоматчиков. Явно стреляют по своим! В чем же дело?

Почти одновременно перед окопами 1-й роты был подбит второй танк, а потом и "фердинанд". Это сделали бронебойщики рядовые, Лев Александрович Красавчиков и Николай Кузьмич Никитин, а также гранатометчики Владимир Васильевич Сахаров и Федор Егорович Егоров.

Рота поднялась в контратаку и, преследуя гитлеровских автоматчиков, с ходу ворвалась на окраину села Мойка. Докладывая об этом, комбат Мыльников коротко рассказал о подвиге парторга Протопопова. Оказалось, именно Протопопов имел прямое отношение к немецкой пушке, стрелявшей по немецким танкам. Пробираясь в сопровождении рядового М. И. Шевченко в окопы 1-й роты, он заметил на опушке рощи вражеское 75-миллиметровое орудие. Приказав Максиму Шевченко быть готовым отвлечь огнем внимание орудийного расчета, офицер пополз к орудию. Он был уже в двадцати шагах, когда его заметил один из гитлеровцев. "Рус!..." - крикнул он и упал, скошенный автоматной очередью. Протопопов метнул две гранаты "Ф-1", уничтожил орудийный расчет и с помощью подоспевшего рядового Шевченко из захваченной пушки открыл огонь, подбил танк. Уже в самом конце боя, когда 1-я рота ворвалась в Мойку, отважный комсомолец Максим Иванович Шевченко был смертельно ранен.

В этот день фашисты предприняли еще несколько контратак, но успеха нигде не добились. Правда, и нам пришлось ввести в бой свой второй эшелон - батальон Грязнова и резерв - обе роты автоматчиков. К вечеру 21 августа бой затих и на нашем участке, и на участках соседей - 25-го полка 8-й дивизии и 16-го полка нашей дивизии. Теперь фронт полка растянулся от Чемодановки на севере до Пархомовки на юге, причем он петлял, как капризная речка: то вильнет вправо, то влево, то сделает сразу две крутые петли, то повернет обратно. Были участки, где ни мы, ни противник не имели твердой уверенности: кто же и у кого повис над флангом? Кому надо окружать, а кому опасаться окружения?

Особенно напряженная обстановка сложилась в 1-м батальоне. Захватив половину села Мойка, он глубоко вклинился во вражескую оборону и вынужден был держать фронт, образно говоря, на три стороны света. К тому же серьезную контузию

получил его командир Виктор Григорьевич Мыльников. С передовой комбат не ушел, отлеживался в блиндаже. Командование временно принял на себя его заместитель по строевой капитан Максим Иванович Сиротин.

Готовясь к завтрашнему бою, полк продолжал закапываться в землю. До рассвета я обошел все подразделения. Противник тоже не спал, бросал ракеты, вел редкий, так называемый беспокоящий огонь. Из его расположения доносился к нам непрерывный гул танковых и автомобильных двигателей.

Встречный бой, который наша дивизия вела уже двое суток, не принес еще ощутимого перевеса ни той ни другой стороне. Пока что шла ожесточеннейшая борьба за инициативу, и завтра с утра она, конечно, будет продолжена.

И действительно, едва рассвело, канонада загремела на всем участке полка. Опять десятки "юнкерсов" повисли над нашей обороной. В небе завязались ожесточенные воздушные схватки, на земле - не менее напряженные бои с танками и мотопехотой противника.

Утром, часов около восьми, несколько фашистских танков и сотни полторы автоматчиков вышли восточнее Мойки к опушке рощи, где размещался штаб полка. В это время я находился в штабе. Мы быстро организовали оборону, все находившиеся в штабе залегли на опушке. По моему приказу старший лейтенант Кузьмин повел свою роту автоматчиков краем рощи, с тем чтобы выйти во фланг атакующим гитлеровцам.

"Юнкерсы" нещадно бомбили рощу, старые сосны и березы с треском валились наземь. Потери у нас были незначительные, так как еще накануне вечером, едва прибыв сюда, начальник штаба майор Сергей Каракосович Аветисов позаботился о подготовке укрытий для личного состава. Поэтому грохот массированной бомбежки, сопровождавшийся треском валившегося леса, действовал главным образом на нервы.

Вместе с тем атака танков и мотопехоты противника развивалась как-то вяло, с оглядкой. Гитлеровцы, найдя щель в обороне полка и просочившись в нее, видимо, не очень-то верили в возможность развить успех. Дружный огонь, встретивший их с опушки, контратака автоматчиков Кузьмина во фланг сорвали и эту попытку гитлеровцев перехватить инициативу.

День 22 августа принес нам тактический успех. Полк наконец сломил сопротивление противника и в центре и на флангах. Батальон Мыльникова во взаимодействии с батальоном 25-го полка выбил фашистов из Чемодановки и ночью выдвинулся к хутору Бугреватый. Батальон Грязнова, поддерживая локтевую связь с 16-м полком, с боем выходил к совхозу "Пархомовка".

Батальон Чистякова я вывел в свой резерв.

Только в полосе наступления 1-го гвардейского воздушно-десантного полка противник потерял 14 танков и б самоходных артиллерийских установок, более 40 орудий и минометов. Мы захватили 3 танка, 10 бронетранспортеров, более 30-ти автомашин. Среди танков, уничтоженных нашими артиллеристами, бронебойщиками и гранатометчиками, было 8 тяжелых T-VI - "тигров".

Итак, в ночь на 23 августа полк правофланговым 1-м батальоном Мыльникова вышел к хутору Бугреватому, а левофланговым 3-м батальоном Грязнова - к совхозу "Пархомовка". Оба этих населенных пункта, как, впрочем, и все другие, разбросанные юго-западнее Ахтырки, были заранее подготовлены фашистами К обороне.

Капитан Грязнов, подведя батальон к Пархомовке, прежде всего решил, пользуясь ночной темнотой, нащупать слабые места противника. Выслал разведку из состава 9-й роты. Разведчиков повел командир взвода, он же парторг роты, старший сержант Воронов. Тот самый Николай Филиппович Воронов, который первым ворвался в Каплуновку.

Разведчики благополучно прошли через передний край фашистов. Близ второй траншеи обнаружили большую землянку, рядом с ней - подбитый "тигр". Стали наблюдать. Судя по проводам, которые тянулись и в землянку и в люк танка, а также судя по паре часовых автоматчиков, здесь расположилось какое-то начальство. Объект подходящий для атаки. И Воронов принял решение.

Разведчики перерезали провода, бесшумно сняли часовых, вошли в землянку, внутрь танка бросили гранату. Забрав документы и двоих пленных, группа Воронова вернулась в расположение батальона. Из документов штаба моторизованного батальона и из показаний пленных нам стали известны ценные сведения о системе обороны войск противника северо-восточнее Пархомовки.

Часов в б утра комбат-3 доложил, что слышит сильный бой южнее Пархомовки, а вскоре я получил по радио подробную информацию от левого соседа - командира 16-го гвардейского воздушно-десантного полка майора Ф. М. Орехова. Федор Михайлович попросил помочь овладеть Пархомовкой. Ведь батальон Грязнова, вырвавшийся далеко вперед, как бы навис над этим селом с севера. Я приказал Грязнову одной ротой ударить на Пархомовку. Эту задачу отлично выполнил командир 8-й роты старший лейтенант А. С. Чирков, ворвавшийся в Пархомовку с северо-запада.

От Пархомовки батальон Грязнова двинулся на запад, к Михайловке. Там, по данным разведки, гитлеровцы имели сильную оборону.

Почти весь день 23 августа я провел под хутором Бугреватым в батальоне Мыльникова. Да и вообще правый фланг полка (он же правый фланг дивизии) с момента нашего вступления в бой, еще под Каплуновкой, требовал неослабного внимания. И полковые резервы я держал поблизости, да и сам находился здесь большую часть времени.

Дело в том, что главное направление контрудара фашистской танковой группировки проходило правее полосы наступления нашей дивизии, вдоль шоссе Ахтырка - Богодухов. Там, близ шоссе, 7-я гвардейская воздушно-десантная дивизия была вынуждена вести очень тяжелые бои, а ее 29-й полк даже попал в окружение в районе совхоза "Ударник" и около суток дрался, отрезанный от своих главных сил.

8-я гвардейская воздушно-десантная дивизия - наш непосредственный сосед справа - также продвигалась медленно. Поэтому 5-я гвардейская воздушно-десантная дивизия вообще и наш полк в частности, вырвавшись примерно на 10-12 километров западнее, наступали с открытым правым флангом.

Когда мы с майором Гридюшко отправились к Мыльникову, солнце стояло в зените, жара была страшная. С холма увидели хутор Бугреватый. Его плетни и обгоревшие дымоходы как бы струились в потоках нагретого воздуха. От хутора на север, к шоссейной дороге, насколько хватало глаз, разбросаны горящие стога на полях, застывшие громады танков, то тут, то там дымные вспышки разрывов.

Направляемся в 1-ю роту, только что захватившую фашистскую траншею перед хутором. Командир роты Михаил Павлович Чеченев - уже не молодой, но очень собранный и подтянутый - три дня назад был ранен, но после перевязки вернулся в строй. Доклад его краток, исчерпывающ. В это время низко над нашими головами проходит немецкий воздушный разведчик.

- Жди гостей, - провожая его глазами, говорит Гридюшко. - Сейчас он их приведет.

И верно, не прошло и пяти минут, как налетели бомбардировщики. Засвистели бомбы, грохот разрыва совсем рядом, взрывная волна швырнула на меня Гридюшко. Кричу:

- Живой?

Отвечает:

- В рубашке, видать, родился...

Поднимаемся и видим: Михаила Павловича Чеченева солдаты

прикрывают шинелью - убит осколком. Снимаем фуражки:

- Прощай, товарищ...

Комбата-1 Мыльникова мы нашли в неглубокой лощине. Отсюда до хутора метров 700, не больше, но попробуй пройди их! Огонь сильнейший. Особенно старались вражеские минометные батареи. Осколки сотен мин выбрили пшеничное поле, как бритвой, - наголо. До черной земли,

С батальонного НП связался со штабом полка, приказал майору Аветисову ввести в бой второй эшелон - батальон старшего лейтенанта Чистякова. Нужно было обойти хутор Бугреватый с юга. Там есть глубокие балки, рощицы, линии лесных посадок.

Чистяков умело сманеврировал. 2-й батальон, скрытно пройдя более 6 километров, сосредоточился юго-западнее Бугреватого, в тылу противника. Его атака одновременно с атакой 1-го батальона с фронта была для фашистов неожиданной. Бросая технику, оружие, боеприпасы, противник начал поспешно отходить в сторону Котельвы. Но отойти удалось не всем.

В батальоне Чистякова 4-й ротой командовал старший лейтенант Степан Иванович Коновалов - коммунист, хорошо подготовленный командир. Ему лет 35, сибиряк, заядлый охотник, коренастый, с громадными сильными руками. Отменный стрелок. Бывало, на стрельбище попросишь:

- Степан Иванович, покажи молодежи, как надо стрелять.

Берет оружие - пистолет ли, винтовку, автомат или пулемет - и все пули укладывает в центр мишени - "на отлично". Мы подумывали о назначении его на должность командира батальона.

Так вот, когда противник спешно отступал из Бугреватого, Коновалов со своей ротой вырвался вперед западнее хутора, разгромил тылы какого-то моторизованного батальона, посадил роту на трофейные автомашины и стал преследовать фашистов. Догнал колонну артиллерии, захватил шесть исправных 75-миллиметровых немецких орудий с тягачами, несколько машин с боеприпасами.

Затем Коновалов со своими бойцами оседлал господствующую высоту в трех километрах западнее Бугреватого, перерезал дорогу, по которой могли подойти вражеские подкрепления. Благодаря инициативным действиям его подразделения сопротивление гитлеровцев в опорном пункте ослабло, и главные силы полка овладели хутором.

Должен заметить, что если графически изобразить бой полка 23 августа, то картина, с тактической точки зрения, получится очень странная. Главные силы полка - два батальона - ведут бой в

северо-западном направлении; третий батальон - в юго-западном. А промежуток между ними прикрыт лишь разведчиками.

Сильно ли мы рисковали? Разумеется, риск был. Однако хорошо поставленная разведка всегда и всюду снижает риск до минимума. Ну, а кроме того, боевая инициатива к середине дня уже прочно перешла в наши руки.

Когда 1-й и 2-й батальоны вели бой за хутор Бугреватый, а рота Коновалова громила колонны отходивших гитлеровцев западнее хутора, 2-я рота автоматчиков старшего лейтенанта Кузьмина проникла еще глубже в расположение противника.

Задача у Кузьмина была простая: прикрывать открытый правый фланг полка (и дивизии). Федор Федорович Кузьмин был человеком отчаянной храбрости, инициативным, очень решительным. Однако эти его хорошие качества портила общая неуравновешенность характера. Ведь командир в одном случае обязан лично возглавить атаку или быстро принять смелое решение, не ожидая подсказки сверху, а в другом - хладнокровно и разумно взвесить все "за" и "против". Но именно это - разумная осторожность и предусмотрительность - никак не давалось Кузьмину.

Прикрывая фланг полка, его рота ворвалась в хутор Новомихайловский (4-5 километров северо-западнее Бугреватого), где уничтожила оборонявшихся гитлеровцев, захватила танк, 12 автомашин и склад с боеприпасами. Но в горячке боя Кузьмин не заметил маневр фашистов. Четыре средних танка и бронетранспортеры с пехотой под прикрытием огня минометной батареи, атаковав роту с двух направлений, отрезали пути отхода.

Автоматчики были вынуждены залечь на открытой местности и, не успев окопаться, отбивать атаку врага. А танки приближались неумолимо. Послав ко мне автоматчика с донесением, старший лейтенант Кузьмин взял несколько противотанковых гранат и пополз навстречу танкам. Один из них он подорвал, другие отошли. Автоматчики на какое-то время получили передышку.

Бой под Бугреватым был в разгаре, когда я получил записку Кузьмина. Неровные крупные буквы. Всего четыре слова: "Командир! Выручай. Давят танками".

В полковом резерве был взвод 45-миллиметровых противотанковых пушек, которыми командовал лейтенант Петр Евменович Димуро. Я послал артиллеристов выручать Кузьмина. Связной показывал им дорогу.

На подходе к Новомихайловскому взвод попал под сильный артиллерийский огонь. Одно орудие было подбито, в расчете

другого ранены наводчик и заряжающий. Лейтенант сам встал к прицелу пушки. И, когда враг снова пошел в атаку, открыл меткий огонь. С четырехсот метров произвел первый выстрел, потом - второй и третий. Над танком взвился легкий дымок, грохнул взрыв, изнутри повалил черный дым. Димуро подбил и второй танк.

По огневой позиции сорокапятчиков ударила вражеская артиллерия и минометы. Лейтенант получил осколочное ранение, но от прицела не отошел, подбил еще и самоходную артиллерийскую установку.

Эта героическая дуэль маленькой пушки с огромными бронированными машинами внесла перелом в ход боя у хутора Новомихайловский. Старший лейтенант Кузьмин, несмотря на серьезное ранение, поднял роту в контратаку. Гвардейцы выбили фашистов из хутора и погнали дальше, к Гнилосировке. Только тогда Кузьмин разрешил санитарам везти себя в тыл. В тот же день командир дивизии Василий Иванович Калинин вручил ордена и медали -участникам боев за Бугреватый и Новомихайловку. Федор Федорович Кузьмин и Петр Евменович Димуро были награждены орденами Красной Звезды.

Подводя итоги боям 19-23 августа, начальник политотдела 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полковник М. Г. Чиковани писал в донесении Военному совету армии: "В боях за Каплуновку, Мойку, Чемодановку, совхоз "Бугреватый" успешно действовал весь личный состав 1-го гвардейского воздушно-десантного полка (командир полка подполковник Попов, заместитель по политической части майор Гридюшко). Особенно следует отметить батальон, которым командует майор Мыльников"{8}.

Полковник Чиковани подчеркивал большую- роль, которую сыграли в успешных боевых действиях полка его политработники и партийно-комсомольский актив. И недаром среди первых воинов полка, награжденных орденом В. И. Ленина, были парторг 1-го батальона старший лейтенант Георгий Константинович Протопопов и парторг 9-й роты старший сержант Николай Филиппович Воронов...

* * *

В ночь на 24 августа, поспав часа полтора-два, все командование полка собралось в штабе. Обсуждали план завтрашнего боя. На участке полка ситуация резко изменилась. С 20 августа полк, если считать строго по прямой, продвинулся на 25-30 километров. Все предыдущие дни мы, чтобы преодолеть сопротивление гитлеровцев и выиграть у них встречный бой, должны были сосредоточивать максимум усилий на правом

фланге. Завтра будет иначе. Завтра все внимание на центр и левый фланг полосы наступления полка: на возвышенность, которая занимает площадь более 20 квадратных километров (6-7 километров по фронту и 3-4 километра в глубину) и тянется от села Михайловка до хутора Сидорячий. Здесь противник оборудовал мощный опорный пункт. Его передний край проходит подковой по высотам, обрамляющим эту обширную возвышенность. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы понять выгоду этих позиций. С них наше расположение просматривается на многие километры. У нас же, наоборот, - весь западный край горизонта закрыт цепью высот.

Скажем сразу, что овладеть этим опорным пунктом было не по силам одному полку. Здесь постепенно втянулись в бой не только вся наша дивизия, но и дивизии 21-го гвардейского корпуса 4-й гвардейской армии. Так что 1-й полк выполнял частную задачу, о которой я и расскажу.

На рассвете 24 августа 3-й батальон Грязнова уже вел бой на подступах к Михайловке, недалеко от высот, занятых противником. А главные силы полка продвигались из района хутора Бугреватый на запад и юго-запад, к этим же высотам.

Майор Аветисов доложил мне по телефону:

- Вернулись разведчики. Они установили: в квадрате ноль один - ноль два (севернее Михайловки) скопление вражеской пехоты - до двух батальонов. Видимо, готовят контратаку во фланг Грязнова.

Со мной на наблюдательном пункте находился командир артиллерийской подгруппы, он же командир 13-го истребительно-противотанкового дивизиона, капитан М. Ф. Литвиненко. Я показал ему район сосредоточения пехоты противника.

- Твои пушки достанут?

- Достанут, - отвечает. - Но дальность предельная, рассеивание снарядов очень большое. Нет смысла вести огонь.

- Что же делать?

- По этому квадрату в плане командующего артиллерией дивизии предусмотрено дальнее огневое нападение. Разрешите, я ему позвоню?

Он связался с дивизией. В течение считанных минут все было обговорено, и тяжелые гаубицы открыли огонь. Мы слышали лишь гул далеких разрывов. Но позже, проезжая опушкой рощи, по которой били гаубицы, я видел результаты огневого нападения. Стрельба меткая.

Пока артиллеристы обстреливали скопление вражеской пехоты, я связался с батальоном Грязнова.

- Где комбат?

- Уехал, - ответила мне радистка Некрасова.

- Куда? На чем?

- На трофейных машинах. В тыл к фашистам.

Это серьезное нарушение устава, когда, не доложив старшему начальнику, младший оставляет свое подразделение или часть. Даже если у него самые благие намерения.

Я приказал отыскать офицера, замещающего комбата. От него узнал следующее: батальонные разведчики, так же как и полковые, обнаружили скопление фашистской пехоты. Доложили Грязнову. Он тут же посадил на трофейные автомашины 8-ю стрелковую роту старшего лейтенанта А. С. Чиркова и пулеметную роту старшего лейтенанта Ф. Е. Чумака и сам повел отряд к квадрату 01 - 02, по которому уже била наша артиллерия.

Надо полагать, Грязнов, как всегда, стремился упредить противника и первым нанести удар. Что ж, решение правильное, надо ему помочь. Я приказал Чистякову выдвинуть свой батальон к этому же району, установить связь с Грязновым. Да и сам - на коня и верхами с адъютантом и радистом поспешил туда.

Так, довольно неожиданно, основные усилия боевой работы полка на несколько часов переместились в квадрат 01 - 02. Подразделения Грязнова с юго-востока, батальон Чистякова с северо-запада сомкнули кольцо вокруг двух фашистских пехотных батальонов. Понесшие значительные потери от артиллерийского огня, ошеломленные неожиданной атакой вражеские подразделения были смяты и разгромлены. Этот успех не только полка, но и дивизии начался с инициативных действий Павла Ивановича Грязнова. Я представил его к очередному ордену, но сделал строгое внушение: инициативу проявляй, но и устав соблюдай.

25 августа батальон Чистякова атаковал противника, оборонявшегося у Михайловки. Говоря о Михайловке, я опять-таки имею в виду не сам населенный пункт (маленький и к тому же сожженный дотла), но окружающую его возвышенность, преграждавшую нам дорогу на Котельву.

Бой развивался трудно и довольно сумбурно. Со своего наблюдательного пункта я видел впереди только цепь зеленых холмов, крутые рыжие откосы которых тянулись и к северо-западу и к юго-востоку. Отсюда, из долины, оборона фашистов в глубину не просматривалась. Мы же были у них как на ладони. Жесточайший артиллерийский огонь обрушился на 2-й батальон. Налетели "юнкерсы" - около 40 машин. Боевые порядки батальона заволокло клубами пыли. Чистяков передал мне по телефону, что рота Коновалова захватила было командную высоту, но сейчас

вынуждена отходить: противник контратакует батальон с фронта и с тыла.

- Откуда? Повтори координаты! - требую я.

Он повторил, и тут же связь с ним прервалась. Да, противник зашел к нему в тыл. Только что штаб дивизии информировал меня, что левый сосед - 16-й полк опередил нас флангом, но как раз с этого направления фашистские танки и бронетранспортеры двинулись на чистяковский батальон. Попытался связаться с 16-м полком, с Федором Михайловичем Ореховым, - не удалось. Не ответил ни по телефону, ни по радио. Однако я и так, по звукам боя, чувствовал, где дрался мой сосед: позади моего наблюдательного пункта, в двух-трех километрах от места, указанного штабом дивизии.

Вышел на связь с комдивом, доложил обстановку. Василия Ивановича Калинина я знал как человека хладнокровного. Обычно он прислушивался к мнению подчиненных, быстро реагировал на их просьбы, но сейчас ответил мне несколько раздраженно:

- Знаю я, где Орехов. Вы топчетесь на месте, а он далеко впереди.

Обстановка действительно была сложная. Стабильной линии фронта нет, все войска в движении, и вдруг - пробка в районе высот северо-восточнее Михайловки. Если до сего дня успех всего 20-го гвардейского корпуса определялся главным образом успешным фланговым маневром 5-й дивизии, то теперь роли резко переменились. Фашистская танковая группировка, тылы которой как бы подрезала с юга наша "пятерка", стала быстро отходить к Котельве. Наступление 8-й и 7-й дивизий перешло в преследование противника. "Восьмерка" и "семерка" выдвинулись далеко вперед, а мы топтались под Михайловкой. Так что неудовольствие, прозвучавшее в голосе комдива Калинина, можно было понять.

Как бы там ни было, но в такой обстановке, когда артиллерийско-минометная и даже ружейно-пулеметная стрельба как бы перемещается вокруг твоего наблюдательного пункта, командиру иногда необходимо самому пойти в боевые порядки, иначе трудно разобраться, что, где и почему происходит.

Майор Гридюшко, слышавший мой разговор с комдивом, предложил:

- Вам, Илларион Григорьевич, уходить с НП нельзя. Давайте-ка я схожу к Чистякову.

Он был прав - именно в ту минуту я никак не мог отлучиться с наблюдательного пункта. Полк оказался разбросанным на обширном пространстве. Надо было немедленно собрать его в

кулак.

- Ну что ж, иди к Чистякову, Николай Минович! - согласился я с Гридюшко, зная, что он придет во 2-й батальон не наблюдателем и регистратором событий.

Хотя и воевал я с Николаем Миновичем Гридюшко не более трех недель, но твердо верил в него. Что-то в характере замполита было от педагога. Очень спокойный, приветливый, с большим чувством собственного достоинства. И это чувство он всячески пробуждал и воспитывал у подчиненных. Мне не раз доводилось наблюдать, как он разговаривает с бойцами и командирами. Они уходили от него всегда с верой в свои силы. Николай Минович и под пулями оставался таким же спокойным и рассудительным. Поэтому я был уверен, что в батальоне Чистякова, как бы там ни было трудно, майор Гридюшко поможет поправить дело.

Он ушел с группой автоматчиков и с боем пробился во 2-й батальон, причем очень вовремя. Выяснилось, что комбат Чистяков сильно контужен, его заместитель ранен. Фашисты вклинились в боевые порядки батальона, и он фактически продолжал бой тремя обособленными группами. А что касается соседа 16-го полка, то и его положение было очень трудным. Группа бойцов этого полка отошла в расположение 2-го батальона, отрезанная от своих главных сил.

Майор Гридюшко принял командование батальоном. Первым делом создал небольшой резерв из автоматчиков, которые пришли с ним, и группы бойцов 16-го полка. Обнаружив, что гитлеровцы, увлекшись попыткой окружить батальон, оставили открытым свой левый фланг, он скрытно вывел резерв и повел его в контратаку. Фашисты были отброшены, положение батальона восстановлено. Гридюшко связался напрямую с комдивом, доложил ему и о 2-м батальоне и о трудном положении 16-го полка.

Полковник Калинин сразу же позвонил мне. Видимо, доклад Гридюшко его убедил. Он приказал повернуть на Михайловку и окружающие высоты весь наш полк. Я тотчас передал соответствующий приказ Мыльникову и Грязнову.

Комдив информировал меня о последних событиях в полосе наступления 4-й гвардейской армии. 8-я и 7-я дивизии, обогнав нас, выходили к Котельве. Нашу дивизию временно подчинили 21-му гвардейскому стрелковому корпусу, который несколько левее вышел к гряде высот.

Между тем полк продолжал штурмовать Михайловку. Ввели в бой 3-й, а затем и 1-й батальоны, роту автоматчиков. Сосредоточили огонь всей полковой и приданной артиллерии.

Наконец ворвались в Михайловку с юго-востока. Противник не сдавался. Более 50 самолетов ожесточенно бомбили полк, потом пошли на нас танки и пехота. Мы отбивали контратаку, как говорят, с места.

В этом бою особенно отличились пулеметчики. Расскажу о двоих из них. Комсорг пулеметной роты 1-го батальона сержант Г. И. Портной установил свой "максим" на высоте. Местность просматривалась хорошо, и пулеметчики помогли стрелкам отбить три контратаки гитлеровцев. Склон высоты был усеян их трупами. Но и наши пехотинцы теряли товарищей. Санитары вынесли из боя более 20 раненых бойцов и командиров и разместили их в сарае, что стоял на противоположном склоне высоты.

Фашисты заметили движение близ сарая, их артиллерия открыла огонь. Сарай загорелся. Сержант Портной и второй номер пулеметного расчета рядовой Н. В. Добродеев кинулись в бушующее пламя. Под артиллерийским обстрелом они вытащили из сарая всех раненых и укрыли их в старых окопах. И опять бросились к пулемету, так как фашистские автоматчики уже лезли на высоту. Портной меткими очередями заставил их попятиться. Кончились боеприпасы, сержант получил серьезное ранение, его второй номер - Николай Васильевич Добродеев - был убит. На помощь приползли двое раненых - лейтенант В. И. Архипов и рядовой П. И. Тимофеев. Они передали Портному собранные у товарищей боеприпасы. Пулемет снова заработал, кося фашистов. Архипов и Тимофеев забрасывали противника гранатами. Оба героя погибли в неравном бою, а Портной, хотя и сильно ослаб от потери крови, сумел со своим пулеметом не только надежно прикрыть фланг роты, но и спасти жизнь 20-ти раненым товарищам. Командир подоспевшего на помощь подразделения насчитал на склонах высоты около 40 убитых фашистов.

А примерно в эти же часы на участке 3-го батальона рядовой пулеметной роты комсомолец А. Ф. Бумагин, физически сильный и смелый, делал очень нужную и тяжелую работу - доставлял на передовую коробки с пулеметными лентами. Ползком, с тяжелым грузом на спине, девять раз пробирался из батальонных тылов к позициям пулеметной роты и возвращался обратно. В очередном таком "рейсе" по-пластунски он остановился, чтобы перевести дух, - солнце палило немилосердно. Оглянулся и видит: примерно 20-25 фашистских автоматчиков подбираются к наблюдательному пункту комбата капитана Грязнова. А там их, судя по всему, не замечают.

Бумагин по-пластунски быстро догнал ползущих фашистов,

швырнул три гранаты, открыл огонь из автомата. Гитлеровцы заметались. Грязнов, услышав стрельбу, послал своих разведчиков, которые вместе с Бумагиным ликвидировали просочившуюся к нам в тыл группу фашистов.

Вечером того же дня (25 августа) Александр Бумагин совершил воинский подвиг, память о котором всегда будет жить в сердцах ветеранов 1-го грардейского воздушно-десантного полка. Когда противник снова вклинился в оборону батальона, один из наших пулеметов замолк. Бумагин под жесточайшим огнем подобрался к нему. Пулеметчики были убиты, но пулемет исправен. Бумагин открыл огонь. Кончились патроны. Герой-комсомолец отбивался гранатами. И вот в руках осталась последняя. Бумагин подождал, когда гитлеровцы приблизятся вплотную, и выдернул из лимонки чеку... Так погиб замечательный комсомолец гвардии рядовой Александр Федорович Бумагин. Мы похоронили его на другой день близ хутора Сидорячий.

Конечно, рассказанные мной боевые эпизоды никак не исчерпывают картину боя на участке полка. Но все-таки они дают некоторое представление о напряженнейшей обстановке, сложившейся для нас 25 августа. С большим трудом отбивали мы настойчивые контратаки противника. Все комбаты просили, требовали, заклинали: "Дайте артиллерийскую поддержку! Вызовите авиацию!" Все они докладывали о серьезных потерях.

Я доложил комдиву, что в настоящий момент наступать полк не может, что нужна мощная артподготовка, авиационная поддержка и хотя бы рота танков. Только при таких условиях можно взломать оборону противника и выбить его с высот у Михайловки.

- Хорошо, - ответил полковник Калинин. - Доложу вашу просьбу комкору.

Спустя минут десять мне позвонил сам командир 21-го корпуса генерал-майор П. И. Фоменко.

- Разговаривал с твоим командиром дивизии, - сказал он. - Никаких средств усиления тебе не будет.

Немедленно переходи в наступление. Хватит лежать на брюхе.

Я резонно заметил, что, насколько мне известно, все другие части корпуса тоже лежат. Это окончательно рассердило комкора.

- Если через тридцать минут не возьмешь Михайловку, пеняй на себя, отрезал он.

Я, конечно, сразу же отправился на передовую, в боевые порядки, но выполнить приказ комкора не смог. Весь остаток дня и даже ночью мы с трудом отражали яростные контратаки

противника. Лишь на следующий день, когда в бой были брошены другие части нашей дивизии, а также 68-я гвардейская стрелковая дивизия 21-го корпуса, когда нас поддержали бомбардировочная авиация и батальон танков, нам удалось сломить сопротивление гитлеровцев и овладеть Михайловкой и окружающими высотами.

После короткого отдыха полк, уже в колонне, двинулся на Котельву, где к этому времени вели бой 7-я и 8-я дивизии 20-го гвардейского корпуса. Путь наш лежал через хутор Сидорячий, куда мы еще ночью послали разведку - взвод лейтенанта Г. С. Мыльникова из батальона майора В. Г. Мыльникова. Эти офицеры не были родственниками - просто однофамильцы.

Лейтенант Мыльников получил задачу выйти на дорогу севернее хутора Сидорячий и по возможности овладеть этим населенным пунктом. Ночью взвод оседлал дорогу. Выслали разведку и к Котельве и к Сидорячему. Разведчики доложили, что на хуторе гитлеровцы.

Лейтенант Мыльников немедленно повел взвод к хутору. Бесшумно, огородами вошли в Сидорячий. В большом фруктовом саду разведчики услышали немецкую речь. Бряцали котелки и фляжки, потянуло дымком костра и аппетитным запахом мясной похлебки. Гитлеровцы собирались завтракать, ведь рассвет был совсем близко.

Недалеко отсюда на улице стояло пять больших крытых грузовиков, два бронетранспортера, к одному из них была прицеплена противотанковая пушка. Судя по транспорту, фашистов прибыло человек 100, если не больше. А у Мыльникова и двух десятков не наберется. Но он решил воспользоваться помощью двух верных союзников разведчиков - ночной тьмой и неожиданностью. Облегчало дело и то, что почти все фашисты расположились большой группой на садовой поляне, кроме часовых, оставленных у машин.

Взвод Мыльникова, окружив поляну, внезапно открыл огонь. Враг понес значительные потери, среди оставшихся в живых началась паника. Сломя голову кинулись они из Сидорячего в поле. Мыльниковцы захватили в полной исправности все автомашины и бронетранспортеры с орудием. Лейтенант немедленно организовал оборону хутора и послал донесение в батальон. Майор Мыльников приказал лейтенанту В. Н. Бондаренко (Василий Никифорович был ранен под Каплуновкой, но уже вернулся в строй) выдвинуться к Сидорячему и закрепиться к нем. В этом же направлении после взятия Михайловки, как я уже говорил, двинулись и главные силы полка.

За Сидорячим противник попытался еще раз остановить нас

на пути к мощному узлу обороны, который он создал в Котельве. Случилось это так. Полк в колонне шел по проселочной дороге. Впереди, в авангарде, - 3-й батальон капитана П. И. Грязнова, с ним обе полковые батареи - 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта В. Г. Левченко и 45-миллиметровых противотанковых пушек старшего лейтенанта И. В. Рубина. В походном охранении двигалась 9-я рота старшего лейтенанта Н. П. Грибанова. Она первой и попала под огонь фашистов.

Грибанов моментально рассредоточил роту, быстро встали на прямую наводку обе батареи. Комбат развернул в боевой порядок и другие свои подразделения.

Справа, в лесу, засела гитлеровская пехота. Оттуда били по дороге пулеметы. А слева, в поле, в стогах замаскировались танки. С ними и завязали дуэль наши пушки. От прямых попаданий снарядов стога вспыхивали один за другим, танки вынуждены были либо отойти, либо атаковать артиллеристов в лоб, что они и попытались сделать. Однако дружный огонь восьми орудий и десяти противотанковых ружей остановил гитлеровцев. Все шесть машин были подбиты или сожжены. Фашистскую пехоту рассеяла рота Грибанова. Комбат Грязнов действовал в обычной своей манере - оперативно и решительно: ловушка, предназначавшаяся его батальону, в ходе скоротечного боя обратилась в ловушку для ее устроителей.

Вскоре после этой стычки, примерно в 17 часов, штаб дивизии информировал меня, что Котельва уже занята частями 8-й дивизии. Следовательно, сосед справа обогнал нас. Слева, в полосе 21-го корпуса, наступление развивалось гораздо медленнее. Части корпуса все еще топтались перед высотами, что юго-западнее Михайловки. 11-й и 16-й полки нашей дивизии также застряли, втянувшись в вязкую, изнурительную борьбу за этот же опорный пункт.

Таким образом, полк приближался к Котельве с открытым левым флангом. Оттуда, с юго-запада, из болотистых лесов вдруг зачастили пулеметы, резко захлопали противотанковые ружья, потом ударили немецкие танковые пушки. Ясно, что наше боковое охранение вступило в бой. Появление вражеских танков заставило меня частично развернуть полк. В помощь боковому охранению срочно направил стрелковую роту, усиленную взводом 45-миллиметровых противотанковых пушек и взводом противотанковых ружей.

Полчаса спустя командир роты старший лейтенант Бондаренко доложил: подвижная группа противника рассеяна, подбиты два танка, четыре бронетранспортера, взяты пленные из эсэсовской дивизии "Мертвая голова". В бою отличились

бронебойщики взвода лейтенанта Султанмурата Джапарова. Сам он, когда выбыл из строя расчет противотанкового ружья, взял это ружье и меткими выстрелами подбил "тигр".

Я приказал подразделениям свернуться в колонну, но внезапно налетела вражеская авиация. Однако охранявшие нас с воздуха истребители хорошо встретили "юнкерсов". Один из них рухнул в болото, другой, дымя, ушел за горизонт, остальные, побросав бомбы куда попало, удрали.

На подходе к Котельве полку снова пришлось развернуть авангардный батальон, чтобы отразить атаку подвижной группы противника - танков и мотопехоты. До Котельвы было рукой подать - километра два-три, и еще в ходе этой стычки я направил к селу 2-ю роту автоматчиков младшего лейтенанта Ивана Ивановича Ололенко (он заменил выбывшего по ранению Федора Федоровича Кузьмина) и взвод 45-миллиметровых противотанковых пушек лейтенанта Федора Ильича Голубенка.

С опушки леса, куда выходил полк, Котельва была хорошо видна. Большое, широко разбросанное село, все в яблоневых и вишневых садах. А над буйной зеленью садов, над соломенными крышами, верхушками телефонных столбов и шестами скворечников плыли клубы дыма. Кружились над селом десятки "юнкерсов", бомбили северную его часть. В заречной половине села - тишина.

Мы вчетвером - Гридюшко, Сологуб, Аветисов и я - тщательно рассмотрели Котельву в бинокли и пришли к выводу, что село вряд ли полностью очищено от противника. Скорее всего, он еще удерживает его южную часть. Что ж, надо подождать донесения от Ололенко. Но вот и оно. Ололенко докладывал, что рота вышла к Котельве с юго-востока. Фашисты ведут с окраины сильный пулеметный и минометный огонь. В садах, в засадах - танки. В северной части села и в центре идет уличный бой. Надо было готовиться к штурму Котельвы.

Но утром 27 августа приехал офицер связи, вручил мне приказ: полк выводится в резерв командующего 4-й гвардейской армией{9}. Почему именно один наш полк из всей дивизии? Об этом мы могли только догадываться: полк еще не втянулся в бой за Котельву и расположился сейчас как раз на стыке флангов 20-го и 21-го гвардейских корпусов, следовательно, обеспечивал этот стык.

Указанный нам командармом район находился невдалеке. Я направил туда рекогносцировочные группы, однако они были обстреляны противником и не смогли выполнить задачу. Пришлось выделять от каждого батальона до роты для очистки района от противника. Спустя 3-4 часа лес был полностью

очищен. Полк расположился на площади в 5-6 квадратных километров, бойцы сразу же приступили первоочередным инженерным работам - начали рыть щели для укрытия от авиации врага.

Оказавшись в резерве, подразделения стали приводить в порядок оружие и технику, пополнялись боеприпасами, одновременно готовились к большому торжеству - получению боевого гвардейского Красного знамени. Вручил его заместитель командующего армией генерал Г. Ф. Тарасов. Приняв из его рук алое полотнище с портретом В. И. Ленина, я от имени полка дал клятву с достоинством и честью пронести это Знамя над полями сражений с немецко-фашистскими захватчиками. Клятву повторили все воины полка. Затем я передал Знамя взводу автоматчиков из роты Ололенко. Во главе со своим командиром и со знаменосцем старшим сержантом А. И. Швецом взвод, печатая шаг, пронес Знамя перед строем полка. Генерал Тарасов поздравил нас с этим торжественным событием, а затем вручил отличившимся правительственные награды. За семь дней ожесточенного встречного боя с танковой группировкой противника в полку были награждены орденами и медалями 96 солдат, сержантов и офицеров. Георгий Федорович Тарасов поздравил и меня с награждением орденом Суворова III степени. Скажу откровенно: очень мне было приятно получить орден с чеканным портретом великого полководца. Эта награда говорила о том, что командование высоко оценило действия полка на пути к Котельве.

От Котельвы до Опошни

4 сентября полк вывели из резерва командарма и вернули в нашу родную 5-ю дивизию. А практически мы остались в том же районе, который заняли еще 27 августа - в 1,5-2 километрах юго-восточнее Котельвы.

5 сентября на окраине этого села батальоны Мыльникова и Чистякова вошли в соприкосновение с противником. Бои носили местный характер - мы выбивали фашистов из отдельных домов, улучшали позиции в предвидении скорого наступления. Южнее Котельвы, прикрывая левый фланг полка, дрался то за высотку с хорошим обзором, то за рощицу, обеспечивающую скрытые подъезды к переднему краю, батальон Грязнова. К сожалению, бои местного значения также не обходятся без потерь. В одной такой схватке был смертельно ранен любимец полка парторг 9-й роты старший сержант Николай Филиппович Воронов. В полковых документах, хранящихся ныне в архиве, есть запись: "5 сентября 1943 года в 15 часов похоронен под Котельвой скончавшийся от ран герой Воронов. Когда его тело опускали в

могилу, 3-й батальон дал залп по врагу из всех видов оружия - салют в честь и память героя"{10}. Этой чести удостаивались у нас храбрейшие из храбрых. Дальневосточник Николай Филиппович Воронов был именно таким: отважным до дерзости, умным, находчивым...

8 сентября командир дивизии полковник Калинин отдал приказ: 1-му гвардейскому воздушно-десантному полку 9 сентября утром перейти в наступление, выбить гитлеровцев с южной окраины Котельвы, затем совместно с частями, ведущими бой в северной ее части, полностью овладеть селом.

Начальник штаба полка майор Аветисов, связавшись с соседями, выяснил, что они ведут напряженнейшие уличные бои. Противник подбросил к Котельве части еще двух танковых дивизий: 7-й и "Мертвая голова".

Аветисов организовал разведывательный поиск силами взводов пешей и конной разведки, поддержанных ротой автоматчиков. Разведчики обнаружили у противника сеть траншей полного профиля, минные поля, проволочные заграждения, пулеметные огневые точки и орудия, поставленные на прямую наводку, танковые засады. С юга село было хорошо укреплено, оборона врага насыщена огневыми средствами.

Провели мы и командирскую рекогносцировку местности. С нашего переднего края видна была зеленая березовая роща, что южнее Котельвы. В роще - старое кладбище. Я подумал, что противник, несомненно, сгруппирует здесь какие-то силы. Основываясь на фронтовом опыте, я примерно так представлял себе ход мыслей фашистского командования: русские, чтобы полностью овладеть Котельвой, попытаются ударить через южную окраину; когда они втянутся в село, мы в свою очередь ударим по ним с фланга, из района кладбища.

Рассуждая за противника, я для себя заметил: району кладбища - главное внимание. План наступления, составленный нами с учетом данных, полученных из штаба дивизии, был такой: боевой порядок полка строится в один эшелон; правофланговый батальон Чистякова и батальон Мыльникова в центре нацелены на южную часть Котельвы, левофланговый батальон Грязнова - на рощу и кладбище. Отдельную задачу получила 2-я рота автоматчиков младшего лейтенанта Ололенко: наступая вдоль южной окраины Котельвы, пробиться к дороге, идущей из Котельвы на юг, на деревню Любки и далее на большое село Опошню. Надо было по возможности перехватывать дороги, чтобы лишить противника его главного козыря в борьбе с нами - маневренности. Напомню, что и здесь, под Котельвой, основу вражеской обороны составляли танковые и моторизованные части

48-го танкового корпуса.

За день до наступления артиллерийские разведчики, вернувшиеся с окраины Котельвы, привели с собой мальчика. Он назвался Колей, фамилия - Чернорук. Командиру батареи 45-миллиметровых противотанковых пушек старшему лейтенанту И. В. Губину Коля сказал, что высмотрел позиции фашистских пушек и пулеметов. Иван Васильевич воспользовался помощью смышленого мальчика, указанные им цели были засечены.

Коля Чернорук остался в полку воспитанником. Сперва был ездовым в батарее Губина, потом наводчиком орудия. Войну закончил в Австрии старшим сержантом семнадцати лет от роду. Ныне живет в Котельве, коммунист, работает шофером.

Поскольку нашей пехоте опять предстояло взламывать оборону, становой хребет которой составляли танки, мы в период подготовки наступления много времени уделяли вопросам борьбы с ними. Передавать накопленный опыт отлично помогали наши политработники. Например, выпускали боевые листки с броскими стихами, которые невольно запоминались:

""Тигр" мало подбить, надо его добить и шкуру со зверюги спустить. Хоть она у него мощная, дело это вполне возможное. Оглянись на путь пройденный сколько там "тигров" стоит, тобой угробленных!..."

"Гвардеец-сапер! Если начинишь землицу огненным фаршем, танки не пройдут форсированным маршем..."

"А вы, пушкари, еще бодрей бейте из батарей. Крикни: "Не быть России в рабах!" - и бах-ба-бах: пошел по нарезам снаряд смазанный, с тобою связанный, семидесяти шести миллиметров, гудя против ветра... Вона - танки уже горят: в точку попал снаряд..."

"Важна смелость, да нужна и умелость. Ежели ты смел, да танк подбить не сумел метким ударом - смелость твоя пропала даром..."

С точки зрения поэзии стихи эти весьма несовершенны. Однако по существу своему они были для нас тем, чем должно быть слово на войне: боевым оружием. И особенно сильными и действенными эти стихи становились потому, что звучали прямо на поле боя, потому, что за каждой их строчкой - солдатский пот и солдатская кровь, потому, что политработники, парторги, комсорги, партийные и комсомольские активисты, создавшие их, личным примером доказывали единство партийного слова и партийного дела.

Я уже рассказывал о многих партийных и комсомольских вожаках, отличившихся на ахтырском рубеже. Хочется отметить еще, что парторг полка старший лейтенант Мелик Оганесович

Мотосян в боях за Каплуновку и Мойку все время шел в боевых порядках 3-го батальона и был ранен в атаке. Сменивший его старший лейтенант Борис Сергеевич Белов работал парторгом тоже лишь несколько дней. За это время парторганизация полка пополнилась 84 членами партии и кандидатами. В бою под Михайловкой, когда мы дрались за командную высоту, была создана штурмовая группа. Возглавил ее первый помощник начальника штаба полка капитан Алексей Иванович Вдовин, а его замполитом стал Белов. Он сам вызвался пойти с этой группой. Действия ее были успешными, задачу она выполнила, но Борис Сергеевич Белов был тяжело ранен и надолго выбыл из строя. За храбрость отважный парторг был награжден орденом Красной Звезды.

Комсорг полка старший лейтенант Василий Кузьмич Белышев за мужество и личную отвагу также был награжден орденом Красной Звезды. Когда противник контратаковал с фланга 3-й батальон, Белышев лег за пулемет и отбил контратаку. Он был отличным командиром и великолепным организатором. Не случайно вся молодежь полка в первых же боях была принята в комсомол, а 64 лучших комсомольца рекомендованы в партию, в 1-м батальоне, например, отличились и были представлены к правительственным наградам все комсомольцы.

Такие боевые замполиты батальонов, как Д. Т. Супрунов, Н. С. Щеколкин, А. А. Новик и Л. С. Чичков, такие парторги и комсорги, как Мотосян, Белов, Белышев, Протопопов, Воронов, Виноградов, всегда и всюду, в любом бою были первыми в атаке. Естественно, они часто выбывали из строя. Но в том-то и сила истинного примера, что он зовет за собой, становится традицией, хотя того, кто его подал, может, давно уже нет среди нас...

* * *

На рассвете 9 сентября полк после короткой артподготовки перешел в наступление и скоро овладел юго-восточной окраиной Котельвы. 1-й и 2-й батальоны продвинулись с юга к речке Котелевке, и теперь лишь несколько сот метров отделяли нас от соединений, наступавших из северной части Котельвы.

Одновременно 3-й батальон овладел опорным пунктом в районе кладбища, а рота автоматчиков Ололенко продвинулась еще далее к западу и, как планировалось, оседлала дорогу из Котельвы на юг - на Любки и Опошню.

Противник в первые же часы боя понес значительные потери в людях и боевой технике. Бойцы батальонов Мыльникова и Чистякова уничтожили до 300 пехотинцев, шесть танков и две самоходки. Тем не менее гитлеровцы быстро оправились, подтянули резервы, и со второй половины дня полк был

вынужден отражать сильные контратаки танков и пехоты, поддержанных авиацией. Группы "юнкерсов" и "мессер-шмиттов" - по 30-40 самолетов в каждой - трижды бомбили и обстреливали наши боевые порядки. Особенно настойчиво гитлеровское командование пыталось вернуть утерянный опорный пункт в районе кладбища.

Фашистам удалось вклиниться в оборону батальона в нескольких местах, и борьба за опорный пункт стала как бы очаговой. В роще, на кладбище, в окрестных полях и лощинах - повсюду советские воины сходились с врагом грудь на грудь, штык на штык.

8-я рота старшего лейтенанта Чиркова отбила уже три атаки. Однако в последней из них вражеские пулеметчики заняли позицию слева, за бугром, и простреливали боевые порядки роты фланговым огнем. Два комсомольца - старший сержант С. А. Пожидаев и рядовой В. И. Плюскин, взяв гранаты, поползли к пулемету. Обошли его с тыла. Вражеские пулеметчики были увлечены стрельбой и онемели от неожиданности, когда к ним в окоп спрыгнули два русских солдата. Уничтожив пулеметный расчет, Пожидаев и Плюскин открыли огонь по автоматчикам, лежавшим в цепи метрах в 15-20 от окопа. Понеся потери, немцы отошли, но вскоре окружили смельчаков. Виктор Иванович Плюскин был убит, но Степан Андреевич Пожидаев, тяжело раненный, продолжал отбиваться от фашистов. В сумерках к нему в окоп пробрались бойцы 8-й роты. Они вынесли Пожидаева в медсанбат.

Проводная связь с 8-й ротой то и дело обрывалась. То осколки мины рассекут провод, то немецкий танк намотает его на гусеницу. Связисты, ползая под жесточайшим огнем с тяжелой железной катушкой и телефонным аппаратом, сращивали кабель и возвращались на НП комбата, чтобы тут же услышать: "Связисты - на линию! Порван провод". И они опять шли в огонь и мастерски делали свое трудное дело.

Отыскивая повреждение связи на линии, рядовой Петр Филиппович Руднев наткнулся на засаду. Двое гитлеровцев кинулись на него, хотели, видимо, взять живым. Одного он заколол штыком, другого взял в плен и привел в штаб батальона. Сержант Иван Матвеевич Лутин, также находясь на линии, гранатами подорвал вражеский танк.

Отличился в этот день и рядовой Петр Григорьевич Золотов... Раз десять выходил он на линию, полз от НП батальона к окопам и обратно. В очередном таком "рейсе" получил ранение в руку. Превозмогая боль, срастил порванный провод, убедился, что комбат разговаривает с командиром роты. Вдруг увидел

немецкий бронетранспортер. Приготовил гранаты. Когда машина приблизилась, он подорвал ее Одной связкой гранат, а другую швырнул внутрь. Экипаж бронетранспортера был уничтожен.

Вскоре Золотов заметил, что автоматчики противника сосредоточиваются в овраге западнее кладбища, как раз между позициями 8-й роты и наблюдательным пунктом комбата капитана Грязнова. Золотов снова включился в линию, доложил о замеченном комбату, тот сориентировал командира минометной роты. Через несколько минут в фашистов полетели пристрелочные мины. Золотов скорректировал огонь, и мины угодили точно в овраг. Атака врага была сорвана.

Под вечер фашисты предприняли последнюю контратаку, а мы в свою очередь бросили на ее отражение последний полковой резерв-1-ю роту автоматчиков и взвод пешей разведки. Они прибыли вовремя и помогли 9-й роте отразить натиск танков и мотопехоты. В этом бою разведчик рядовой Виктор Семенович Нужин, тот самый, который отличился на Ловати и Редье, подорвал два вражеских танка. В поединке со вторым танком герой-разведчик был смертельно ранен. Тяжелое ранение в грудь получил и командир 9-й роты Николай Петрович Грибанов. Более полугода пролежал он в госпитале. Выздоровев, вернулся в полк и командовал батальоном до Дня Победы. Забегая вперед, скажу, что сейчас Николай Петрович живет и трудится в Киржаче, а его старший сын занял место отца в Советской Армии, стал офицером.

После боя командир 3-го батальона капитан Грязнов доложил, что за этот день отбито девять вражеских контратак, сожжено и подбито семь тяжелых танков. Батальон не только удержал за собой район кладбища, но и несколько продвинулся вперед.

Первый день наступления подтвердил тактическую важность опорного пункта на кладбище. Овладев им, мы прочно прикрыли левый фланг полка от контратак с юга, дали возможность 1-му и 2-му батальонам, не оглядываясь на свой фланг и тыл, вести бой на окраине Котельвы.

Последующие два дня не принесли нам сколько-нибудь значительного успеха. Соседи справа также не продвинулись навстречу полку из северной части села. Я побывал во всех трех батальонах полка. Люди дрались геройски, упрекнуть их было не в чем. Но такова уж природа боя в крупном населенном пункте: продвижение здесь измеряется десятком-другим, ну иногда - сотней-другой метров. Такой бой отнимает массу времени и сил, потерю которых никак не компенсирует взятие данного населенного пункта; такой бой лишает хорошо организованные и

подготовленные войска маневренности; словом, такой бой выгоден обороняющемуся, но никак не наступающему.

В самом деле, с 20 по 26 августа стрелковые полки 5, 7 и 8-й дивизий вырвали инициативу у врага во встречном бою и отбросили его на 25-30 километров. А потом мы втянулись в уличные бои и вот уже вторую неделю выбивали фашистов из Котельвы, и каждый шаг вперед давался кровью!

Пришел я, например, во 2-й батальон. Взвод лейтенанта Белозерцева вторые сутки лежит под огнем в садах и огородах, у школы. Здание школы - старинное. Кирпичная кладка в метр толщиной. Не только снаряд "сорокапятки", но и 76-миллиметровые пушки ее не берут. Три вражеских пулемета, малокалиберная пушка, десятка полтора-два автоматчиков поливают наших бойцов из школы шквальным огнем.

- Возьмем, товарищ подполковник, - заверил меня лейтенант. - Только бы удалось...

- Что именно?

- Сержант Родкин пополз туда, к школе.

- Один?

- Один. Может, незаметно проберется.

Ждем. Но вот из здания школы донесся сильный взрыв. Потом еще и еще. Это рвались связки ручных гранат, брошенных отважным сержантом Родкиным. Лейтенант Белозерцев вскочил, звонко скомандовал:

- Взвод - вперед! За мной!

С чердака по ним ударил пулемет, но всего один - два других молчали. Бойцы броском преодолели открытое пространство. Белозерцев первый исчез в проломе. Через полчаса он доложил, что школа очищена от противника, во взводе трое раненых, сержант Александр Александрович Родкин убит в здании школы. Уничтожил два пулеметных расчета, расчистил путь товарищам, но сам погиб.

Обходя подразделения, я добрался до улицы Белинского, на чердаке разрушенного дома нашел старшего лейтенанта Губина. Здесь наблюдательный пункт его батареи. Губин показал мне, где примерно проходит передний край мыльниковского батальона. Даже сверху, с чердака, трудно сориентироваться в путанице проулков, переулков, тупичков, густо заросших зеленью. Пушки батареи Губина были разбросаны по всему фронту батальона, так как здесь, в деревянно-глинобитном селе с заборчиками и плетнями, нетанкоопасных направлений нет. Проломит танк забор, свалит дом или сарай - и вот уже рядом с тобой.

- Только за сегодняшний день, - доложил начальник артиллерии полка старший лейтенант И. К. Мрыхин, - батарея

Губина подбила пять средних танков, подавила шесть огневых точек, сбила с церковной колокольни вражеских наблюдателей. Рота противотанковых ружей капитана Леонида Константиновича Ильина, действовавшая отдельными расчетами в составе штурмовых групп, уничтожила шесть бронетранспортеров и пять тяжелых мотоциклов с пулеметными установками. Значительный урон нанесли противнику минометчики старшего лейтенанта Киримова (Агабалей Юзбекович командовал уже батареей полковых минометов) и полковая батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Левченко.

Свой доклад о действиях артиллеристов и минометчиков Мрыхин закончил довольно неожиданно:

- Крепко мы, товарищ подполковник, завязли в Котельве.

Мысль эта, как говорится, висела в воздухе. Ее в той или иной форме я уже не раз слышал от солдат и офицеров. Люди почувствовали вкус к маневренному бою. "Котельвинское сидение" никого не удовлетворяло. Да и я мысленно задавал себе вопрос: почему мы уткнулись в Котельву? Почему не обойдем ее?

В ночь на 12 сентября мы готовились к решительному штурму. Пополнили людьми штурмовые группы. В каждую кроме стрелков и автоматчиков включили бронебойщиков и саперов с взрывчаткой. Штурмовым группам определили конкретные объекты на улицах Котельвы.

Штаб полка увязал наши действия с соседями. Сам я побывал в 16-м полку Федора Михайловича Орехова и в 11-м полку Николая Бенедиктовича Оленина.

Участок 11-го полка примыкал к левому флангу грязновского батальона и оттуда тянулся на юго-восток, севернее Малой Рублевки к участку 16-го полка. И Оленин и Орехов рассказали мне, что на их участках в глубине обороны противника отмечено появление значительных групп танков. Возможно, они переброшены из Котельвы.

Утром 12 сентября мы двинулись в наступление. Снова уличные бои, снова схватки за каждый дом и двор, снова потери... Надо было что-то срочно придумать, чтобы заставить противника оглянуться на свой тыл. Решили сделать следующее...

Я отправился к лейтенанту В. В. Дудкину, во взвод конной разведки. Рассказал разведчикам, что фашисты, обороняющиеся в Котельве, располагают сейчас тыловой дорогой. Опошня - Диканька - Полтава. Это их главная коммуникация. Ее можно и должно перерезать.

- Кто пойдет добровольцем во вражеский тыл, шаг вперед! - обратился я к разведчикам в заключение.

В ответ весь взвод во главе с лейтенантом Дудкиным сделал

шаг вперед. Растроганно смотрю на них: смелые, дружные ребята. Пожелал им доброго пути и боевого успеха. С тем и расстались.

Конечно, я тогда не знал, что и штаб корпуса и штабы дивизий наметили аналогичные действия, но, разумеется, куда более значительными силами. В частности, командир 5-й дивизии приказал скрытно выдвинуть на вражеские тыловые коммуникации целый батальон 16-го полка, который шел навстречу нашим разведчикам.

Между тем взвод Дудкина, совершив в конном строю быстрый марш к Ворскле, двинулся вниз по реке, текущей здесь среди лесов и рощ почти строго с севера на юг, вдоль большой дороги на Полтаву. Вскоре разведчики Дудкина пересекли эту дорогу и, разбившись на две группы, атаковали противника. Одна группа разгромила фашистскую автоколонну с боеприпасами, другая захватила вражескую минометную батарею. Подорвав минометы, Дудкин со своими бойцами снова выскочил на дорогу. В фашистском тылу началась паника. Она еще более усилилась, когда в районе села Деревки наши разведчики" соединились с батальоном 16-го полка.

В это время я находился в 3-м батальоне. Стрельба в немецком тылу доносилась до нас очень явственно, мы чувствовали, что дудкинский взвод действует энергично. Вдруг капитан Грязнов доложил:

- В траншеях противника оживление. Огонь ослаб. Кажется, отходят.

Позвонили комбаты Мыльников и Чистяков. На их участках та же картина. По-видимому, враг отходит. Приказал немедленно поднимать роты и начинать преследование противника. Сам остался с 3-м батальоном, майор Сологуб пошел к Чистякову, майор Гридюшко - к Мыльникову. А донесения продолжали поступать одно за другим. Сомнений уже нет - отступают!

Началось преследование противника. Главные силы полка свернулись в колонны и, выслав походное охранение, двинулись из Котельвы на юг. Впереди то вспыхивала, то затихала автоматная и ружейно-пулеметная стрельба - противник отступал поспешно, сопротивлялся неорганизованно.

Связавшись со штабом полка, я приказал майору Аветисову доложить в штаб дивизии обстановку и мое решение. Минут пятнадцать спустя штаб дивизии вызвал меня по радио. Полковник Кожушко весело напутствовал:

- Донесение Аветисова получил. Молодцы и - так держать! Орехов и Оленин сейчас тоже пойдут вперед...

Настроение Ивана Никитовича я очень хорошо понимал: ведь целых две недели сидели мы в Котельве. И вот наконец вперед!...

Вскоре меня нагнал майор Гридюшко. Достал из кармана гимнастерки мятый листок, объяснил, что это - письмо из Германии, нашли его в селе Деревки, возле сожженной фашистами хаты. Прямо в седле прочел строки, написанные неровным, совсем еще детским почерком:

"Мои родненькие мамочка и братишка Павлушка! Передаю по низкому поклону. Сообщаю, что жива, но здоровье сильно подорвано на тяжелой работе. За семь месяцев, что я в Германии, рук не чую, очень болят. А кушать, мамочка, нечего. Дают утром 200 граммов хлеба, а вечером одну баланду, маленькую миску. Вот и вся еда. Хоть бы мне попасть еще домой, повидаться с вами, а тогда и помирать можно. Родные мои! Мне часто снится, что надеваю новые ботинки, а я уже не помню, какие они. Ходим здесь босые, оборванные. Хорошо еще, что мы здесь все вместе, вместе думаем и вспоминаем про наши Деревни... Ваша дочка Галя Крупицкая"{11}.

- Прочитал? - спрашивает Гридюшко.

- Прочитал, - отвечаю. И думаю про несчастную эту девчушку, про ее мать и малого брата... Может, их всех нет уже в живых и вот этот листок - все, что осталось от большой и дружной крестьянской семьи.

- Отошлю письмо сейчас в дивизию, - говорит Гридюшко. - Пусть размножат в типографии, чтобы во всех полках могли прочитать.

Примерно в полночь, когда полк прошел 7-8 километров от Котельвы, звуки боя впереди резко усилились. Комбат Грязнов прислал донесение: перед мостом, что на притоке Ворсклы, а также левее и правее моста противник оказывает организованное сопротивление.

На этом рубеже мы вынуждены были остановиться. Надо было, кроме всего прочего, дать людям отдых. С утра полк возобновил наступление, но успеха оно не принесло. В четыре часа дня я приказал Чистякову двинуть 2-й батальон в обход. Капитан Чистяков хорошо справился с задачей. Батальон зашел противнику в тыл, одновременно 8-я дивизия - наш сосед справа - также обошла фашистов. Они дрогнули и поспешно отступили к селу Опошня.

В авангарде полка опять шел 3-й батальон капитана Грязнова. Впереди была Опошня - большое село. И отметки на топографической карте и донесения полковых разведчиков, уже побывавших под Опошней, говорили, что она расположена на высотах. Высоты эти господствуют над долиной Ворсклы, с них далеко видны идущие с севера дороги - те Самые, по которым двигался к Опошне наш полк и другие части 5-й дивизии и 20-го

корпуса.

Был поздний вечер, когда на своей рыжей лошадке по кличке Ведун я нагнал Грязнова. Говорю ему:

- Павел Иванович, Опошня фашистами сильно укреплена. Стоит на высотах, подступы к ней все простреливаются. Надо воспользоваться ночной темнотой, ворваться в село. Потеряем элемент неожиданности - трудно придется полку...

- Ворвемся, - отвечает он. - Первой пойдет рота Чиркова. Андрей Степанович - мужик железный.

Я вернулся в штаб полка, а часа полтора-два спустя впереди поднялась сильная стрельба. Грязнов передал по радио:

- Вышел к Опошне. Атакую...

Двадцать минут спустя:

- Роты ворвались в первую траншею. Захватили две противотанковые пушки...

А через несколько минут:

- Дзот противника ведет сильный пулеметный огонь. Командир восьмой роты Чирков убит. Рота залегла. Иду к ним.

Бой впереди вспыхнул с новой силой. Я торопил подходящие с марша 1-й и 2-й батальоны, приказал батарее Левченко быстро выдвинуться в Опошне (батарея Губина уже поддерживала огнем 3-й батальон). Связался по радио с Грязновым. Ответила радистка Аня Некрасова. Голос ее срывался:

- Товарищ подполковник! Капитан Грязнов... Павел Иванович... Убит!

Поскакал в батальон. На опушке леса перегнал батарею Левченко. Он разворачивал 75-миллиметровые пушки для стрельбы прямой наводкой. Там, на юге, ночной горизонт загораживала темная гора, опоясанная огоньками выстрелов. Это и была Опошня.

Над ухом засвистели случайные пули. Слез с коня, дальше к залегшим ротам пошел пешком. Заместитель Грязнова по строевой части капитан В. П. Кулемин доложил, что принял командование батальоном. Я спросил его, как все произошло. Оказывается, когда пулеметный дзот закрыл огнем дорогу, когда был убит Андрей Степанович Чирков, а его рота залегла, Павел Иванович Грязнов сам пополз к вражеской огневой точке. Он подорвал дзот гранатами. Боец, видевший подвиг комбата и тщетно пытавшийся вынести в тыл тело Грязнова, уверял, что капитан получил десятка полтора пулевых ран в грудь и живот и был уже мертв. В этот момент противник предпринял контратаку, боец был вынужден отойти к своим. Он принес лишь документы и оружие комбата.

Я приказал капитану Кулемину отыскать тело Грязнова и

вынести в тыл, однако поиски результата не дали ни в этот день, ни на следующий. Не обнаружили мы его и в ближайших госпиталях. Как ни горько было, но пришлось подписать и отправить родным Павла Ивановича Грязнова извещение о его гибели. Одновременно я представил его к награждению посмертно орденом Красного Знамени. Мы тяжело переживали гибель Павла Ивановича. Полк обошло стихотворение, написанное Анной Некрасовой. Помню его последние строки:

Слава о нем никогда не умрет.
Хоть сердце ему перестало служить,
Комбат наш останется жив...
Грязновцы, вперед!...

Месяца полтора спустя, уже на Заднепровском плацдарме, я получил письмо. Почерк знакомый. Подпись: "Грязнов". Писал Павел Иванович из госпиталя, передавал приветы и поклоны однополчанам. В письме он подробно рассказал и про поединок с вражеским дзотом. Грязнов видел, что несколько бойцов и сержантов 8-й роты пытались подобраться к дзоту и подорвать его, но были убиты. С гранатами пополз к дзоту старший лейтенант Чирков, но и он не вернулся. А дзот все грохотал очередями двух тяжелых пулеметов, их трассеры низко проносились над залегшей ротой.

Капитан Грязнов взял гранаты и двинулся к дзоту. До него оставалось метров 30, когда пулеметная очередь прошила тело комбата. Боли он не почувствовал только сильные толчки в руку, грудь, плечо. Грязнов швырнул гранату. Она взорвалась у амбразуры, но дзот продолжал изрыгать огонь. Павел Иванович почувствовал, как слабеют ноги, перед глазами поплыли цветные круги. Стиснув зубы, с неимоверным трудом преодолел он эти последние метры. Из последних сил приподнялся и метнул последнюю гранату в пляшущий пулеметный огонек. Что-то сильно ударило в грудь, в голову, в шею. Павел Иванович потерял сознание.

Очнулся он, видимо, вскоре. Было еще темно. Впереди смутно чернел знакомый контур дзота, но теперь он молчал. Значит, все в порядке.

Где батальон? Он прислушался. Бой гремел севернее дзота. Грязнов пополз туда, на север, к батальону. И вдруг навалилась тяжелая, неподвижная тьма...

Кто и когда вынес Павла Ивановича с поля боя, он так и не узнал. Надо полагать, сделали это наши санитары, и в ту же ночь. А поскольку состояние его было исключительно тяжелым, немедленно отправили в госпиталь. Документов при нем не было, поэтому из госпиталя нам ничего не сообщили.

Сейчас Павел Иванович Грязнов, как и некоторые другие наши ветераны, живет в городе Киржаче. Несмотря на потерю руки, продолжает трудиться.

* * *

Однако вернусь к боям за Опошню. Ночь на 15 сентября прошла в подготовке к новой атаке. Заняли огневые позиции пушки и минометы, подошел гаубичный дивизион 6-го артполка, подвезли боеприпасы. Личному составу дали возможность отдохнуть несколько часов. Штаб дивизии информировал нас, что части 8-й дивизии ворвались в Опошню с северо-запада.

На рассвете полк возобновил атаки на северовосточной окраине Опошни. Овладели несколькими кварталами. Фашисты бросили против нас пикирующие бомбардировщики, открыли сильный артиллерийско-минометный огонь. Потом перешли в контратаку 14 танков, за которыми двинулось два батальона пехоты. Пытались выбить наш полк из Опошни. Контратаку мы отразили, однако дальше не продвинулись. Не решила своих боевых задач и соседняя, 8-я дивизия. И лишь когда 11-й и 16-й полки нашей дивизии при поддержке танков обошли Опошню с тыла, противник дрогнул и начал поспешно отступать.

На участке полка обходный маневр совершил 2-й батальон. Капитан Чистяков за полгода боевых действий вырос в хорошего командира - исчезли былая суетливость, боязнь ответственности. Конечно, внимание и помощь штаба и политорганов были нужны ему и впредь, однако не в такой мере, как прежде.

Получив приказ, 2-й батальон форсировал Ворсклу, скрытно проник в тыл противника и неожиданно для него вышел к мосту у деревни Горовские Млины. Саперная рота фашистов, разбиравшая мост, была разгромлена, ее транспортные машины с имуществом захвачены. Прикрыв одной ротой фланг, Чистяков двумя другими атаковал Опошню с юга, навстречу главным силам полка. Четыре часа спустя село было полностью очищено от противника.

Большая группа воинов полка за этот бой была удостоена высоких правительственных наград. Властью, предоставленной мне как командиру полка Указом Президиума Верховного Совета СССР, я тут же, на поле боя, наградил медалями "За отвагу" и "За боевые заслуги" более 30 солдат и сержантов.

В списках для награждения, составленных нами в тот же день, были и наши медики. Они это заслужили. Старший врач полка капитан И. А. Ващенко в трудных условиях встречного боя между Каплуновкой и Котельвой, когда батальоны были в непрерывном движении, а понятия "фронт", "фланг" и "тыл" сделались для нас весьма относительными, сумел четко наладить работу медиков на поле боя. Иван Аввакумович Ващенко, тогда

молодой офицер, 27 лет от роду, стройный, подтянутый брюнет, внешне больше походил на строевого командира. Дело свое знал отменно. Под стать ему был командир полковой медсанроты старший лейтенант Владимир Ахмедович Вали-ев. В боях на ахтырском рубеже они проявили хорошую инициативу: полковой медицинский пункт построили в два эшелона. Первый эшелон во главе с самим Ващенко обычно разбивал свои палатки неподалеку от моего командного пункта. Поэтому Ващенко имел со мной постоянную связь, был в курсе всех событий, знал, где какие потери, мог обеспечить своевременный сбор и прием раненых и оказание им первой врачебной помощи. Затем раненых отправляли либо во второй эшелон полкового медпункта, либо прямо в медсанбат дивизии.

Конечно, выдвижение части медперсонала во главе со старшим врачом так близко к передовым позициям было чревато опасностью попасть даже под ружейно-пулеметный, не говоря уже об орудийном, обстрел. Зато куда более оперативной стала медицинская помощь раненым. А ведь это на войне - одно из главных.

Как сейчас, помню серенький день 14 сентября севернее Опошни. Низкая облачность, но дождя нет, видимость с наблюдательного пункта комбата-2, где я находился, - приличная. Батальон атакует высоту. Среди перебегающих бойцов и дымных разрывов мелькает тоненькая девичья фигурка с красным крестом на сумке. Вот подхватила раненого, тащит на себе в нашу сторону. Я узнал Надежду Ивановну Чечуеву, нашу Надю, как звали ее бойцы. Она в полку со дня его формирования.

Надя сдает раненого. Я подошел, поздоровался с ней. Она замотала коротко стриженной головкой, кричит мне:

- Что? Не слышу! Да, оглушил снаряд. Ну, я пойду...

И опять, легкая, проворная, перебежками туда - в огонь. В этот день Надя была дважды контужена, но осталась в строю и вынесла с поля боя 12 раненых. Забегая вперед, скажу, что сержант Надежда Ивановна Чечуева прошла с полком всю войну - от Ловати на Северо-Западном фронте до Вены. Вынесла из-под огня и оказала первую помощь более 200 бойцам и командирам. Хочется поблагодарить Надю Чечуеву и всех ее подруг за храбрость и самоотверженность. Да и не надо слов. В памяти ветеранов 1-го полка наши дорогие девчата навсегда остались такими, какими были 30 лет назад, - веселыми, ласковыми и отчаянно смелыми солдатами.

Преследуя врага

Командир 4-й стрелковой роты Степан Иванович Коновалов обладал ценным качеством - учить подчиненных без лишних слов.

Это был Воин с большой буквы, и естественно, что молодежь роты - рядовые, сержанты и офицеры, - перенимая воинское мастерство командира, невольно подражала и его скупой образной речи, где каждое слово - в строку; и неторопливой, твердой походке; и умению думать без спешки, но действовать быстро. По примеру Коновалова все они, даже новобранцы, стремились хорошо овладеть не только своим личным, но и другими видами стрелкового оружия, в том числе трофейным. Оба взводных - лейтенанты Алексей Тимофеевич Яковлев и Иван Степанович Майоров - успели зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Обоим не занимать твердости и боевой инициативы. О Яковлеве речь пойдет впереди, а сейчас - о Майорове.

Если в освобождении Опошни большую роль сыграл обходный маневр 2-го батальона, то в самом батальоне опять отличилась 4-я рота. Она первой ворвалась в Опошню с юго-востока и пробилась сквозь село к северо-западной окраине, на соединение с частями 8-й дивизии. Взвод лейтенанта Майорова в уличных боях захватил сначала противотанковую пушку, а затем и бронетранспортер со всем экипажем. Майоров обратился к командиру роты:

- Товарищ старший лейтенант, а если взвод посадить в бронетранспортер? Обогнать фашистов?

За домами виднелась дорога, выбегавшая из Опошни на запад, в осенние поля. По дороге, по ее обочинам, да и в полях большими и малыми группами, на автомашинах, бронетранспортерах и просто пешим строем, отходили гитлеровцы. Прикрывая отход, по Опошне била немецкая артиллерия, пикировали на окраину "юнкерсы".

Рота еще вела бой на улицах Опошни, но Коновалов поддержал инициативу лейтенанта. Приказал:

- Веди взвод на Иордановку. Захвати и держись за нее зубами, пока мы тебя не поддержим.

Майоров посадил своих бойцов на бронетранспортер, прицепил к нему трофейную пушку и двинулся к Иордановке. Шел сильный дождь. Где полевой дорогой, а где толкая бронетранспортер по размокшим глинистым полям, взвод Майорова преодолел более*-12 километровой ворвался в Иордановку.

Тылы немецко-фашистского пехотного полка, стоявшие в деревне, охватила паника. Солдаты и офицеры разбежались. Майоровцы захватили конный обоз, более 20 автомашин с военным имуществом, склад с боеприпасами. А главное, организовав тотчас же круговую оборону, они закрыли отступающим фашистам дорогу из Опошни на запад.

Противник трижды атаковал Иордановку, но пробиться через нее не смог и был вынужден, бросая тяжелую технику, обходить деревню стороной. В этот момент замполит 2-го батальона старший лейтенант Александр Антонович Новик привел в Иордановку подкрепление - роту противотанковых ружей старшего лейтенанта Степана Федоровича Ясницкого. Они прибыли очень вовремя и уже совместными усилиями отразили четвертую атаку противника. Не пробившись через Иордановку, фашисты попытались отойти параллельной дорогой, которая шла от Водяной Балки севернее Иордановки. Но Ясницкий быстро выдвинул на эту дорогу два взвода ПТР. Бронебойщики из засады подожгли шесть грузовиков. Гитлеровцы бросили автомашины и разбежались.

Через несколько часов, когда главные силы полка вошли в Иордановку, я стал свидетелем разговора двух замполитов - Новика и Гридюшко. Новик рассказал о рейде Майорова на Иордановку, о самом командире взвода, который лично подорвал гранатами танк и два бронетранспортера, о его бойцах и сержантах. Упомянул фамилию Руденького.

- Не тот ли доброволец из Котельвы? - спросил я.

- Он самый.

- Отличился?

- Да, - ответил Новик. - Спас лейтенанта Майорова от верной смерти. В упор застрелил фашиста...

Невольно вспомнил я дождливый день в Котельве, пожилого, в потрепанном пиджаке мужчину. Его привел ко мне старшина Локтев. Доложил:

- Товарищ подполковник, этот человек хочет видеть командира полка.

Спрашиваю:

- Что угодно?

- Возьмите в полк.

- Не могу. Я ж не районный военком.

- Товарищ командир! - убеждал он. - Пока устроится у нас военкомат, время пройдет. А мне ждать нельзя.

- Что так?

- Мстить буду. Жинку фашисты убили. Перед самым приходом Красной Армии.

- Стрелять умеешь?

Он вместо ответа распахнул пиджак, и на сатиновой черной рубахе я увидел аккуратный серебряный крестик. Солдатский "Георгий".

- За первую мировую войну, - пояснил он. - За то, что в рукопашной загородил ротного, принял немца на себя и заколол.

Федор Степанович Руденький (так его звали) рассказал, что прямо из старой армии пришел в 1917 году в Красную гвардию, из нее - в Красную Армию, воевал под командованием Климента Ефремовича Ворошилова в Донбассе и под Царицыном, потом на Дону и Кубани. Он был старый солдат, и я не мог не уважить его просьбу - принял в полк добровольцем. Руденький оказался мастером ближнего боя. В первой же рукопашной, под Деревками, он заколол двух гитлеровцев, потом, в Опошне, еще одного. И вот в Иордановке Федор Руденький, как и 29 лет назад, опять спас в бою жизнь офицера. Мы представили его к правительственной награде.

В то время как правый фланг полка благодаря стремительным и дерзким действиям 2-го батальона выдвинулся за Иордановку, левый фланг несколько отстал. 3-й батальон вел здесь напряженные бои за село Большие Будищи. Задержка была вызвана целым рядом причин. Во-первых, Большие Будищи стояли близ -дороги на Полтаву, то есть на направлении, которое противник оборонял с особенным упорством. В пользу обороняющихся была здесь и местность: и Большие Будищи и знаменитый гоголевский хутор Диканька (на него наступали части 8-й дивизии) расположены на высоком и крутом взгорье. Проливные дожди сделали северные скаты горы почти неприступными: в жидкой глине увязала и пехота и тем более тяжелая техника. Ну, а во-вторых, на действиях 3-го батальона заметно сказывалось отсутствие его командира Павла Ивановича Грязнова и двух опытных ротных - Николая Петровича Грибанова и Андрея Степановича Чиркова. Заменивший Грязнова капитан В. П. Кулемин пока еще нуждался в постоянной помощи и контроле.

Весь день 16 сентября полк вел напряженные наступательные бои на рубеже Водяная Балка, Иордановка, Большие Будищи. В сумерках противник открыл сильнейший огонь из орудий и минометов. Минут 20 продолжалась артподготовка. Причем канонада гремела и на участках соседей справа и слева. Потом все сразу стихло. Я приказал комбатам подготовиться к отражению вражеской контратаки. Прошло 5, 10, 20 минут. Тихо. Что такое? Видимо, артобстрел - просто шумовая маскировка. Из штаба дивизии подтвердили: да, маскировка. Противник, введя нас в заблуждение, выиграл время и теперь отходит.

Начали преследование. Однако на организацию его опять-таки потребовалось определенное время.

В результате фашистам удалось оторваться от нас, выйти из боевого соприкосновения. Значит, они смогут в относительно спокойной обстановке занять новый рубеж обороны.

Тьма, дождь, чавкает грязь под копытами наших коней.

Продвигаясь в эту ночь за батальоном Мыльникова, сменившим в первом эшелоне батальон Кулемнна, я обсуждал сложившуюся ситуацию с Гридюшко, Сологубом и Аветисовым.

- Надули нас фашисты, - вздохнул Гридюшко. - И могут надуть еще раз.

- А что делать? Чем ответим?

Сологуб предложил заранее во втором эшелоне полка и во вторых эшелонах каждого батальона готовить отряды преследования. Пехоту сажать на конные повозки, усиливать артиллерией.

- А не лучше ли использовать трофейные автомашины? Как во взводе Майорова...

- А где шофера?

- Есть шофера, - вмешивается в беседу Аветисов. - Штаб выявил в полку всех, кто умеет управлять автомобилем, трактором, комбайном. Два сержанта даже аэроклубы в свое время окончили. Всего набралось восемнадцать человек.

Я приказал Аветисову вывести этих людей в резерв и с завтрашнего дня, подобрав им квалифицированных инструкторов, организовать занятия по автоделу.

- Через неделю они поведут машины, - заверил Аветисов.

- Через два дня, - поправил я.

Сейчас, из дали времен, эти двухдневные курсы шоферов, созданные на фронте в ходе наступления по Левобережной Украине, кажутся малоправдоподобными. Но так было. Двое суток спустя бывшие водители тракторов и комбайнов стали водителями трофейных автомашин. И в последующих боевых делах наших отрядов преследования они, эти водители, сыграли свою роль.

Быстрое продвижение вслед за отступающим противником зависело подчас и от того, сумел ли командир вовремя накормить своих бойцов и дать им необходимый отдых.

У нас, благодаря постоянным заботам моего помощника по материальному обеспечению капитана В. И. Крайнева и его аппарата, питание личного состава всегда и всюду было обеспечено. Даже в самые трудные моменты боя Василий Иванович пунктуально, дважды в день, кормил бойцов горячей пищей. Хуже обстояло дело с отдыхом. Полк, за исключением недели, проведенной в резерве командарма, уже месяц находился в непрерывных боях, в первом эшелоне дивизии. Когда фронт был более или менее стабилен, нам удавалось организовать батальонам поочередный отдых. А сейчас полк опять находился в непрерывном движении, мы преследовали противника в пешем строю. Тут - будь ты хоть в первом, хоть во втором эшелоне -

поспать не удастся. Разве что на ходу. Но это ведь не отдых. А измотавшийся, утомленный постоянным недосыпанием солдат при всем его желании не может выполнить боевую задачу на уровне тех высоких и жестких требований, какие предъявляет к нему война.

В этом отношении жизнь вскоре преподала нам запомнившийся урок. Мы только что вывели во второй эшелон батальон Кулемина. Вместо него выдвинулся вперед батальон Мыльникова. И когда перед закатом фашисты провели опять мощнейшую артподготовку с целью скрыть свой отход, Виктор Григорьевич Мыльников тотчас двинул роты в преследование. Успех превзошел все ожидания. Еще до полуночи батальон прорвался в глубину обороны противника на 10 километров, с ходу овладел населенным пунктом Балясное, отрезал фашистам пути отхода.

Необходимо было немедленно развить успех, а кроме того, подтянуть второй эшелон и тыловые подразделения, иначе между ними и главными силами мог образоваться большой разрыв. Я приказал вызвать в штаб полка капитана Кулемина, а его батальону свернуться в колонну и марш-броском догнать главные силы. Да, я, конечно, помнил, что батальон Кулемина третьи сутки не имел нормального, хотя бы 4-5-часового сна, но выхода у меня не было. Как командир полка я обязан был держать все свои силы в кулаке-Связной, посланный в 3-й батальон, доложил, что в назначенном, месте никого не нашел. Пришлось ехать на розыски майору Сологубу. Сергей Егорович отыскал и привел 3-й батальон. - В чем дело? - спрашиваю.

- Спали, - коротко ответил Сологуб. - И штаб весь спал и командир.

Командование полка было вынуждено строго наказать и комбата и его начальника штаба. Но и сами мы сделали для себя соответствующие выводы, а именно: в ходе преследования необходимо любыми мерами обеспечить людям минимальный отдых.

Противник, отступая, продолжал действовать по шаблону: отскочит километров на 5-8, закрепится на промежуточном рубеже, день-два обороняет его; потом, перед вечером, производит огневой налет по нашему расположению - и опять отскок на те же 5-8 километров. Однако мы то и дело нарушали этот стройный порядок. Вторые наши эшелоны и в полку и в батальонах имели наготове отряды преследования. Только противник открывает огонь, эти отряды выдвигаются вперед, к намеченным заранее маршрутам... Только фашисты начинают свертываться в колонны, а наши отряды уже обгоняют их

параллельными дорогами, вступают с ходу в бой, не позволяют закрепиться на очередном рубеже.

Мы продолжали наступать по Полтавщине в общем направлении на юго-запад, к Днепру... Выйти к его берегам в числе первых - эта цель воодушевляла и звала вперед всех нас - бойцов, сержантов, офицеров. Однако для того, чтобы добиться главной цели, надо было каждый день решать частные боевые задачи и решать их энергично, инициативно, стремительно.

В тылу противника, параллельно линии фронта, тянулся целый ряд рокадных дорог - железных и шоссейных, а также естественных оборонительных рубежей по рекам Псел, Хорол и Сула. Конкретные наши боевые задачи и состояли в том, чтобы, преследуя фашистов, седлать эти дороги, прорываться к мостам и захватывать их. В отдельные дни темп продвижения полка превышал 20 километров. Естественно, что локтевая связь с соседями часто нарушалась, и только информация штаба дивизии помогала нам ориентироваться в обстановке на данном участке фронта.

Громадную роль при преследовании играла инициатива командиров подразделений, вплоть до самых мелких. Зачастую прорыв взвода или роты в глубокий тыл противника оказывал решающее влияние на выполнение задачи всем полком.

18 сентября противник попытался задержать полк перед шоссейной дорогой Полтава - Шишаки. Комбат Мыльников немедленно бросил в обход 3-ю роту старшего лейтенанта П. В. Алекшенкова, усиленную взводом противотанковых ружей лейтенанта М. Г. Насонова. Петр Васильевич Алекшенков действовал очень грамотно. Стремительно обойдя фашистов с тыла, неожиданно для них ворвался в деревню Ландыри, что на Полтавском шоссе. Особо отличился в этом бою рядовой Василий Иванович Никитин. Забравшись на чердак дома, где была оборудована вражеская огневая точка, он подорвал гранатами пулемет вместе с расчетом. В короткой схватке противник в Ландырях был уничтожен, и вскоре весь 1-й батальон, а за ним и полк вышли на дорогу Полтава - Шишаки.

На следующий день эта дорога осталась далеко у нас в тылу. 1-й и 3-й батальоны освободили деревни Надежда и Лозовка, но на восточном берегу неширокой речки подразделения вынуждены были залечь из-за сильного артиллерийско-минометного и пулеметного огня. Мне пришлось выйти в боевые порядки. Из прибрежного осинника осмотрел местность. Сама по себе речка не преграда, но берега у нее топкие, с густыми прибрежными зарослями, в которых умело замаскированы огневые средства фашистов.

Вызвал Мыльникова и Кулемина, приказал выделить по роте из каждого батальона, развернуть цепь и предпринять боевую разведку на максимально широком фронте. Вряд ли фашистский отряд прикрытия располагает таким числом орудий, минометов и пулеметов, которые позволяют плотно прикрыть огнем все подступы к реке. Там, где разведка обнаружит брешь в обороне, комбаты должны тотчас сосредоточить основные усилия.

Наши предположения оправдались. Противник, пытаясь задержать силовую разведку, проводимую сразу на широком фронте, во-первых, вскрыл свою огневую систему, а во-вторых, сам показал ее слабые места. В батальоне Мыльникова успешно воспользовались последним обстоятельством. Слабо прикрытый огнем участок берега обнаружила рота старшего лейтенанта М. К. Свиридова. Взвод лейтенанта Г. И. Морозова с ходу форсировал в этом месте речку и захватил господствующую высоту на ее западном берегу.

Поддерживавшая роту 45-миллиметровая пушка была подбита, но ее расчет во главе с сержантом Александром Мелехиным переправился вслед за взводом Морозова, в рукопашном бою захватил вражеское орудие и открыл огонь по врагу.

Вслед за взводом Морозова и ротой Свиридова здесь переправился весь батальон Мыльникова. Сопротивление противника было сломлено и на этом рубеже.

20 сентября полк вышел к деревням Песчаное, Потеряйки, Фадеевка, Жовтневое, с боем овладел ими, но дальше продвинуться не смог. Фашисты вели сильнейший огонь с заранее подготовленных позиций. Их оборона располагалась на высокой насыпи железной дороги Миргород - Полтава и занимала цепь опорных пунктов вдоль нее - железнодорожную станцию Братешки, Шкарупи и разъезд Жовтневое. За железной дорогой, в 8-10 километрах к юго-западу, лежала Решетиловка - районный центр и крупный узел шоссейных дорог. Стремлением удержать его в своих руках как можно дольше и объяснялось, видимо, ожесточенное сопротивление противника.

Бой шел всю ночь, напряжение нарастало. Каковы силы противника, какова их группировка? Пока что мы оставались в неведении, штаб дивизии тоже мало чем мог помочь. Полковник Кожушко сообщил данные авиаразведки: противник производит перегруппировку. И это - все. Показания пленных, захваченных вчера в 8-10 километрах восточнее этого рубежа, ничего не проясняли. А новых пленных нет. Я "нажал" на старшего лейтенанта С. И. Бобрикова и его разведчиков, потребовал добыть "языка". И немедленно! Под утро Бобриков позвонил на КП:

- Есть "язык". Сейчас будем у вас.

Спустя полчаса мы уже допрашивали пленного, а взявший его боец сидел передо мной. Это Володя Синев - сын полка. Я уже рассказывал о нем в главе, посвященной боям на Ловати. За минувшие 8 месяцев Володя повзрослел, хотя говорить о солидности, конечно, рано - не такие его годы.

Помню, вечерком, перед отправкой полка на фронт, явился он ко мне с приятелем - таким же мальчишкой. Встали - руки по швам, плечи развернуты, подбородки вздернуты (кто-то научил). Володя доложил:

- Синев Владимир Семенович и Сосин Анатолий Михайлович, деревня Бехтярево Киржачского района. Желаем добровольцами. В ваш полк, товарищ командир.

- Сколько лет от роду?

- Четырнадцать. А ему, - кивает на Сосина, - тринадцать.

. - Кто научил рапортовать?

- Лейтенант Китаев, - простодушно сознался Володя. - Мы с ним, с Владимиром Васильевичем, договорились.

- О чем?

- Обо всем. Мы уже второй день состоим при взводе пешей разведки.

Ну, ладно, думаю про себя, вашему покровителю я "выволочку" сделаю в служебном порядке. А что вам-то ответить? Очень уж симпатичные хлопцы, не хотелось обижать.

- Матери-то вам разрешили идти на войну?

- Так точно! - дружно ответили оба.

- Ладно, говорю. - Приведите матерей, сходите в райвоенкомат. Если ваши мамы дадут согласие, если согласится военком, зачислю вас в полк.

Мальчишки сразу как-то сникли, бочком-бочком выбрались из землянки и больше не появлялись. Полк выступил на фронт. Много дней спустя помощник начальника штаба по разведке старший лейтенант Бобриков доложил мне, что надо бы зачислить мальчишек на довольствие, внести в списки.

- Каких мальчишек?

- Тех, из Подмосковья. Синева и Сосина.

- Где они?

- Во взводе разведки, у Китаева.

Как они остались в полку, я примерно догадывался. Разведчики Китаева мастера не только искать и находить, но и прятать. Вот и спрятали мальчишек до поры до времени. Может, и старшая Володина сестричка помогла. Она, Валя Синева, 17-летний доброволец, служила в медсанбате дивизии.

Вызвал я Китаева с обоими его подопечными. Лейтенанту -

выговор за самовольство, а ребят приказал отвезти на ближайшую железнодорожную станцию и отправить домой, в тыл. Отвезли, отправили, но дня три спустя они у нас опять объявились. Теперь ходатайствовать за них пришли не только Бобриков с Китаевым, но и тогдашний замполит Терехин. Ну что ж, так и стали эти сорванцы сынами 1-го гвардейского воздушно-десантного полка. Добились своего. Да и нам ни разу пожалеть не пришлось, что взяли мальчишек. На Ловати, в первом же разведывательном поиске, Володя Синев гранатой подорвал фашистский пулемет. Потом вместе с рядовым Нужиным привел из вражеского тыла троих пленных, захваченных разведчиками Китаева. И вот сейчас взял пленного - сам, в одиночку.

Спрашиваю Володю:

- Как взял его?

- Был я, - отвечает, - на ничейной земле с лейтенантом Китаевым. Обнаружили новые огневые точки фашистов у станции Братешки. Лейтенант послал меня с донесением. Ползу лугом, от копны сена к копне. Гляжу, из одной копны голова высунулась - фашист. Подполз я вплотную, вижу, работает он на радиопередатчике. Один. Ну, скомандовал ему: "Руки вверх! Бросай оружие!" Потом велел надеть радиостанцию, взял его автомат и привел сюда...

В тот же день по моему ходатайству Володя Синев за взятие "языка" был награжден орденом Красной Звезды. А два дня спустя отличился в бою и был награжден медалью "За отвагу" второй сын полка - Анатолий Сосин.

Захваченный Синевым пленный помог нам уточнить оборону противника перед Решетиловкой, на железнодорожной насыпи и на высотах, что западнее села. Выяснили мы, что оборона тут сильная, что взломать ее можно лишь с помощью танков и солидной артиллерийской поддержки. Танков у нас нет, из артиллерии собственные "полковушки" да приданный нам 13-й отдельный гвардейский истребительно-противотанковый дивизион капитана М. Ф. Литвиненко. Вооружен он 45-миллиметровыми пушками. А нам нужны гаубицы. Только они способны разрушить фашистские укрепления на железной дороге, в населенных пунктах и на высотах. Запросил я комдива, но он дать полку тогда ничего не смог. Что же делать?

- Есть одна идея, - сказал майор С. Е. Сологуб. - Разрешите?

И он, как всегда не торопясь, обосновывая каждую деталь, изложил свой план. На дороге разведчики обнаружили исправный танк. Нет у него только горючего в баках. Но сейчас и "горючку" раздобыли. Сергей Егорович Сологуб экипаж уже скомплектовал: сам он займет место командира машины; его ординарец Николай

Тулупов, бывший тракторист, поведет танк; наш разведчик старший лейтенант Александр Семенович Степушин будет заряжающим.

Танк, продолжал Сологуб, пойдет в атаку в сопровождении мотострелков. Посадим в трофейные бронетранспортеры и грузовики роту Коновалова, прицепим пушки истребительно-противотанкового дивизиона и - вперед! Время атаки - на закате солнца, когда фашисты ужинают. Они знают, что танков у нас здесь нет, поэтому внезапное появление подвижного отряда должно, кроме всего прочего, произвести на них сильный психологический эффект.

С планом майора Сологуба я не мог не согласиться. Приказал за ротой Коновалова двинуть сразу же (разумеется, в пешем строю) батальон Мыльникова. Батальону Кулемина быть в готовности развить успех. Все подразделения, находящиеся в соприкосновении с противником, должны были по сигналу открыть сильный огонь, чтобы отвлечь внимание врага от места атаки.

Во второй половине дня 22 сентября подразделения заняли назначенные позиции. Поля подсолнуха скрыли наши передвижения. Я с НП следил за железнодорожным переездом Шкарупы. Солнце било прямо в стекла бинокля.

Из-за бугра на хорошей скорости выскочил наш танк, за ним автомашины с пушками на прицепе. Они стремительно помчались к переезду, с их бортов били пулеметы и автоматы коноваловской роты. Я дал сигнал артиллеристам и минометчикам. Загрохотали залпы, снаряды и мины, курлыча над головой, полетели в сторону насыпи. Разрывы опоясали оборону противника. А он молчал. Видимо, был ошеломлен. Опомнились гитлеровцы лишь тогда, когда танк и автомашины проскочили поле и оказались за переездом и насыпью. В течение получаса сопротивление фашистов было сломлено. Батальоны пересекли железную дорогу: мыльниковский овладел Коржевкой, кулеминский - Демидовкой, чистяковский станцией Братешки. Полк двигался на Решетиловку.

Мы настойчиво преследовали противника, либо сбивая его с поспешно занятых позиций, либо обгоняя и вообще не давая возможности закрепиться. Впереди по-прежнему действовал импровизированный подвижной отряд: танк майора Сологуба, рота старшего лейтенанта Коновалова и батарея "сорока-пяток".

Недалеко от Решетиловки танк с десантом - отделением автоматчиков ветерана полка старшего сержанта Петра Даниловича Ивчика - ворвался на укрепленную высоту. Гвардейцы в рукопашной уничтожили около 20 гитлеровцев, два пулемета. На плечах отступающего врага танк прорвался к

окраинам Решетиловки, но орудийным огнем был подбит. Майора Сологуба тяжело контузило, рядового Тулупова и старшего лейтенанта Степушина ранило.

Однако, даже подбив наш танк, фашисты не смогли удержаться в Решетиловке. Старший лейтенант Коновалов направил автомашину со взводом лейтенанта Яковлева в обход Решетиловки с севера. Взвод выскочил на северо-западную окраину этого районного центра, захватил мост через реку Голтва, перерезал дорогу на запад. Противник оказался в окружении. Оставив группу бойцов у моста, лейтенант, когда стемнело, с другой группой прорвался в центр села и разгромил готовившуюся к эвакуации фашистскую комендатуру.

А с востока и северо-востока в Решетиловку уже вступали и рота Коновалова и батальон Мыльникова. В ночном уличном бою три роты гитлеровцев были разгромлены, гвардейцы полностью очистили село.

Подразделения продвигались настолько стремительно, что даже тылы полка иногда заскакивали в боевые порядки вражеских войск. Еще до освобождения Решетиловки, вечером 22 сентября, я стал свидетелем и даже участником такого происшествия.

Мы ехали на трофейном вездеходе к Решетиловке. В машине вместе со мной были адъютант Т. И. Локтев, радист М. И. Ермолаев к шофер Н. С. Михайлов. Догоняли взвод автоматчиков. Командир взвода старший сержант А. Я. Швец доложил:

- Товарищ подполковник, немцы впереди поспешно отходят, но слева - видите черный лес на высотке?

- они заняли оборону. Ниже, в лощину, только что вошла группа: конные повозки, кухня, верховые...

Старший сержант подробно рассказал, как лучше незаметно сблизиться с противником. Я удивился:

- Вы, товарищ Швец, как местный житель, здесь ориентируетесь.

- Я и есть местный житель, - ответил Швец. - Пятнадцать километров до моей деревни.

Я поднял к глазам бинокль, внимательно рассмотрел рощу и лощину. Далековато, конечно, однако солдаты, которые расположились на опушке, по-моему, наши. Да и походные кухни нашего образца и лошади маленькие "монголки", а у немцев здоровенные битюги.

Связался со штабом полка по радио: поинтересовался, какое из наших подразделений в квадрате 222. Майор Аветисов ответил: нет там наших и быть не должно... Опять смотрю в бинокль. Все-таки эти кухни - наши! Приказываю старшему сержанту:

- Веди туда автоматчиков!

Взвод рассыпается в цепь, я с Локтевым и Ермолаевым иду за ней. Лица у всех настороженные, ладони сжимают автоматы. Прошли метров 700-800. Вот и опушка рощи. Из-за деревьев прямо на меня выскакивает начальник продовольственной службы полка лейтенант Г. А. Кирпиченко. На шее автомат, в правой руке граната "Ф-1".

- Вы как сюда попали?

- Ужин везу, товарищ подполковник. Догоняем первый батальон, никак не догоним. Наших не видно, а на опушке рощи напоролись на фашистов. Они пушку установили, орудийный окоп рыли. А тут я со своими поварами. Взяли гитлеровцев в плен - и не пикнули...

Он привел ко мне пленных, мы их наскоро допросили. Они рассказали, что на высоте, за рощей, только прибывшая пехотная рота роет окопы. Она усилена двумя противотанковыми пушками. Обер-лейтенант приказал во что бы то ни стало удержать высоту до завтрашнего вечера.

Посоветовались со Швецом, решили ударить по противнику, пока он окапывался. Рощей вышли к высоте. Сквозь редеющие березки увидели немецких солдат. Отложив оружие в сторону, скинув мундиры, они орудовали лопатами. Швец громко свистнул, автоматчики и повара выскочили из леса.

- Руки вверх!

Часть гитлеровцев послушно подняла руки, часть бросилась бежать вверх по склону, часть схватилась за оружие, но была уничтожена. Бойцы подкатили захваченные орудия, собрали трофеи - пулеметы, автоматы, винтовки. А мы поехали дальше, к Решетиловке.

Из штаба дивизии по радио нас сориентировали в обстановке: сосед справа 69-я гвардейская дивизия освободила районный центр Великая Багачка; слева 11-й гвардейский воздушно-десантный полк захватил станцию Кирово. А еще дальше к востоку идут уличные бои в Полтаве.

После взятия Решетиловки, уточнив с офицерами штаба задачи для подразделений, я отправился на медпункт. Еще на Северо-Западном фронте завели мы в полку такой порядок: после сильного боя тотчас же навещали раненых благодарили их за службу, желали скорейшего выздоровления и возвращения в полк. Раненый воин видел и чувствовал, что его помнят и ждут, и, выздоровев, стремился попасть именно в свою родную часть. Ну, а почему боеспособность части во многом зависит от того, насколько сохранился в ней костяк ветеранов, - это особых объяснений не требует, и так понятно.

Палатки медпункта были разбиты под старыми тополями. Встретил меня капитан Ващенко.

- Как Крайнев?

- Плохо.

- Есть надежда?

- Нет.

Вчера капитан Крайнев, стараясь своевременно обеспечить горячей пищей наступающие подразделения, Сам повел походные кухни, попал под артиллерийский обстрел, и вот Василий Иванович лежит на койке в тени тополя. Узнал меня, слабо улыбнулся, попытался что-то сказать.

- Вернешься скоро, Василий Иванович. В тылу тебя живо на ноги поставят.

Говорю, а у самого в горле ком. Умирает мой дорогой товарищ, а что я могу сделать?

С тяжелым сердцем пошел к другим раненым.

Разговариваю, шучу с ними, а сам все думаю о Крайневе. Наверное, поэтому не сразу узнал раненного в голову бойца, который обратился ко мне:

- Товарищ подполковник, как там бой идет? Может, кто из нашей роты пришел бы навестить, рассказал бы?

- Обязательно передам ротному! Да, что-то голос ваш мне знаком, а?

- Карнаухов я, Анатолий Петрович. Пулеметчик. Помните, под Опошней мы вдвоем атаку отбивали?

Такое, конечно, забыть трудно. Севернее Опошни, когда 3-й батальон вел тяжелый бой, я в поисках хорошего наблюдательного пункта пошел к передовой. От колхозного птичника, с высотки, открылся широкий обзор. Я приказал старшине Локтеву оборудовать здесь НП. Он побежал за связистами, а я спрыгнул в окоп, где стоял станковый пулемет.

- Не ко времени вы, товарищ подполковник, - сказал наводчик.

- Что так строго?

- Вот они - лезут...

И верно, по овражку пробирались к нам фашисты. Видели ли нас, нет ли - не знаю. Шли вверх по склону цепочкой, человек 20.

- Не торопись. Подпусти.

- Подпущу, подпущу, - ответил наводчик. - Я старый охотник.

На всякий случай я всегда в бою носил при себе пару лимонок. Сейчас они пригодились. Карнаухов нажал на гашетки, прошелся по цепи длинной очередью, я швырнул первую гранату.

Фашисты упрямо лезли к нам, один даже подобрался так близко, что пришлось застрелить его из пистолета. Карнаухов был отличный пулеметчик, и когда подоспел Локтев со связистами, убитые и раненые фашистские автоматчики валялись на склоне высотки. Ну, а мы с Анатолием Петровичем Карнауховым свернули по самокрутке, закурили. Он сибиряк, из Иркутской области. Пригласил после войны к себе в Черемхово.

И сейчас на медпункте я отчетливо это вспомнил.

В Решетиловке командир дивизии полковник Калинин поставил полку очередную задачу: преследовать противника в направлении Красногоровки, Бавбасовки, Семеновки. Если до сих пор мы наступали на юго-запад, то теперь должны были развернуться фронтом на запад.

Особенность предстоящих боевых действий состояла в том, что путь к Днепру нам преграждали три реки - Псел, Хорол и Сула. Несомненно, противник попытается задержать наше продвижение на этих водных рубежах, чтобы выиграть время, необходимое для отвода главных сил за Днепр. Мы должны "сорвать эти планы. Как? В самых общих чертах боевые действия на подходе к Днепру представлялись как борьба наших авангардов с арьергардами гитлеровцев: кто кому сумеет навязать свою волю и, следовательно, получить выигрыш во времени и пространстве.

Обсуждая этот вопрос в штабе полка, мы, как обычно, поставили себя мысленно на место противника. Намерения его ясны. А как он их выполнит? Силы-то, выделенные в прикрытие, весьма ограничены. Распыляться нельзя, ибо старая военная истина гласит: кто хочет быть сильным сразу во всех пунктах, оказывается слабым везде. Следовательно, гитлеровское командование будет вынуждено сосредоточивать отряды и группы прикрытия в тактически важных пунктах - у больших мостовых переправ, в узлах дорог, на командных высотах. Отсюда прямо и вытекает задача наших авангардов: искать в обороне противника слабо защищенные участки, вести этот поиск на максимально широком фронте, сбивать передовыми отрядами вражеские отряды прикрытия с тем, чтобы не развертывать на каждом рубеже главные силы полка, не снижать общие темпы наступления.

Исходя из этих соображений мы создали сразу два передовых отряда и три разведывательные группы, действия которых должны были охватывать полосу шириной до 10 километров{12}. От Решетиловки на запад, к реке Псел, вели две почти параллельные дороги: северная - на Белоцерковку, Красногоровку; южная на Каленики, Остапье. По северной дороге

двинулся передовой отряд во главе с помощником начальника штаба капитаном Вдовиным: 1-я рота автоматчиков, 6-я стрелковая рота, рота противотанковых ружей, минометная рота, батарея 45-миллиметровых пушек и отделение саперов; по южной - передовой отряд майора Мыльникова (1-й стрелковый батальон). Три группы разведчиков под общим руководством старшего лейтенанта Бобрикова на трофейных бронетранспортерах должны были, обходя опорные пункты противника, проникать глубоко в его тыл, вести активную разведку. Саперам, которые включались в состав разведгрупп и передовых отрядов, предстояла трудная и опасная задача - своевременно отыскивать речные переправы, захватывать их, разминировать и удерживать до подхода передовых отрядов.

Выступив из Решетиловки еще днем, отряды Вдовина и Мыльникова в ночь на 24 сентября, пройдя более 20 километров, вышли к реке Псел. Расскажу сначала о передовом отряде Вдовина, или "северном" отряде, как мы его тогда называли.

Капитан Вдовин приказал командиру саперного взвода лейтенанту Петрову с отделением саперов пробраться в тыл врага и захватить мост через Псел у Белоцерковки и Красногоровки. Константин Васильевич Петров был человек отважный и вместе с тем, как водится у саперов, - неторопливый и осмотрительный. Я запомнил его еще по боям на Ловати, где он отличился, подрывая вражеские дзоты в Черенчицах. Сейчас, получив задание, он вместе с пятью бойцами, захватив рацию, двинулся на трофейной автомашине к реке Псел. Сначала ехали, потом, спрятав машину в лесу, пошли пешком. Стороной миновали село Бело-церковку, подобрались поближе к мосту через Псел, стали наблюдать.

Мост деревянный, но крепкий. Заминирован. Охрана и подрывники - на противоположном берегу. Придется переправляться, иначе мост не захватишь взорвут. Оставив одного бойца на левом берегу, Петров с остальными саперами пошел вниз по течению реки. Отыскали, где Псел поуже, а берега в зарослях, и переплыли на ту сторону. Подобрались к мосту вплотную, благо вокруг него густой кустарник и молодые деревца.

Лежат саперы, наблюдают. Жаркий сентябрьский день клонится к закату. Мост - в 50 метрах. По нему в обе стороны изредка проезжают автомашины, проходят группы солдат. Еще ближе, шагах в 20, окоп, в нем двое гитлеровцев. Это часовые. От окопа тянется к мостовым опорам электропровод. Далее, у блиндажа и землянки, - солдаты из охраны моста. Кто играет в карты, кто пиликает на губной гармошке, а кто просто дремлет на закатном солнышке. Захватить их врасплох несложно. Но нужно

сделать так, чтобы они не успели взорвать мост. Дело ведь это нехитрое: сидя в окопе, крутнул ручку электрической взрывной машинки - и нет моста.

Лейтенант Петров принимает решение: он сам перерубит провод, бойцы, приготовив гранаты, будут следить за часовыми: если те поднимут тревогу, немедленно забросают окоп гранатами.

Он пополз к мосту, сначала по кустам, потом по открытому месту. Уже подобрался близко к электропроводу, когда часовые всполошились, подняли крик. Петров вскочил, в два прыжка одолел оставшиеся метры и перерубил финкой провод. В тот же момент в гитлеровском окопе разорвались гранаты, брошенные саперами. Вспыхнул скоротечный бой. Большинство гитлеровцев были убиты, двоим-троим удалось сбежать. Саперы тут же принялись разминировать мост. Лейтенант по радио доложил капитану Вдовину, что приказ выполнен.

Вдовин тотчас двинул к мосту свой отряд и в свою очередь доложил мне тоже по радио - о захвате моста через Псел. Это большой успех, его надо было закрепить, и я приказал ускорить движение главных сил полка (они шли по этой же дороге).

Между тем борьба за мост еще не окончилась. Лейтенант увидел вдали облако пыли, потом четыре автомашины с каким-то грузом подъехали к мосту. Водители ничего не знали о схватке, которая произошла здесь 10 минут назад, и спокойно вели машины. За мостом их встретили саперы.

- По кабинам - огонь! - скомандовал Петров.

Затрещали автоматы, три грузовика были подбиты, но водитель четвертого, замыкающего колонну грузовика сумел развернуться и уйти. А вскоре мост был обстрелян вражеской артиллерией, Петров и два бойца были ранены. Однако они стойко удерживали мост, пока не подоспел передовой, отряд Вдовина, а затем и главные силы полка. К утру 24 сентября мы уже заняли Красногоровку на той стороне Псела и начали стремительно продвигаться к Хоролу.

Правый фланг отряда Вдовина прикрывала разведгруппа лейтенанта Германа Андреевича Максимова - командира взвода из 1-й роты автоматчиков. Максимовский взвод вел разведку в направлении Байрак, Довгалевка, Степановка. Переправились благополучно через Псел, но здесь, южнее Довгалевки, едва не наскочили на засаду - три вражеских бронетранспортера с десантом автоматчиков. Завязался огневой бой. Максимов приказал командиру отделения рядовому Ивану Максимовичу Добровольскому обойти противника с тыла, что тот и выполнил быстро и незаметно. Гвардейцы окружили гитлеровцев, а когда те

попытались отойти, подорвали и сожгли вражеские машины. Героем боя стал комсомолец рядовой Александр Иванович Давыдов. Он только что вернулся в полк из госпиталя, где лечился от ран, полученных под Чемодановкой в августе. Тогда Давыдов подорвал вражескую автомашину и взял в плен двух фашистов, за что был награжден орденом Красной Звезды. Сейчас он подорвал два бронетранспортера из трех.

Так развивались события в полосе "северного" отряда капитана Вдовина. Не менее успешно действовал "южный" отряд майора Мыльникова. Поздним вечером 23 сентября 3-я стрелковая рота старшего лейтенанта Алекшенкова вышла к. Пселу близ деревни Каленики. Противник вел себя беспокойно - освещал реку ракетами, обстреливал трассирующими пулями все подступы к ней. Мост он успел взорвать. Петр Васильевич Алекшенков повел своих людей вплавь на противоположный берег. Переплыв реку, ворвались в деревню Остапье. Завязался ночной бой. На Алекшенкова кинулась группа фашистов. Он расстрелял их из автомата, а затем подорвал гранатой бронетранспортер.

Не задерживаясь в Остапье, Алекшенков повел роту дальше, к Хоролу. По дороге к реке встретился с дивизионными разведчиками, действовавшими в тылу врага уже несколько суток. Разведчики сообщили Алекшенкову нужные ему сведения: о гарнизоне противника в селе Зубани, о мосте через реку Хорол у этого населенного пункта.

Стрелки и разведчики совместно ворвались в Зубани, захватили мост, разминировали и удержали его до подхода передового отряда Мыльникова. По этому мосту к вечеру 24 сентября переправился весь 1-й гвардейский воздушно-десантный полк, а затем и вся наша дивизия. Благодаря инициативным действиям передовых отрядов мы в течение суток преодолели две реки - Псел и Хорол - и продвинулись более чем на 40 километров.

Помимо чисто боевого преимущества, которое давал нам высокий темп наступления, было и другое: догоняя и опережая врага, мы в буквальном смысле слова хватали его за руки, не позволяли превратить Левобережную Украину в "зону пустыни".

В междуречье Псела и Хорола, по дороге из Красногоровки на Зубани, лежит деревня Рокито. Днем 24 сентября, догоняя отряд Вдовина, мы въехали в Рокито. На полях дымились скирды подожженной фашистами пшеницы, горели дома и сараи, вокруг еще шел бой, стучали автоматы, и мы вынуждены были спешиться. Пошли вдоль забора по улице. Впереди - старшина Локтев с двумя автоматчиками, за ними - я со старшим

лейтенантом Бобриковым.

Вдруг прямо на нас выскочила девочка, лет семи-восьми. Плачет, зовет:

- Дяденьки, скорей! Немцы маму убивают! И бабушку!

Она бросилась в ближайший двор, мы поспешили за ней. Стоя у ворот увидели, как один гитлеровец тянет из хлева овечек, другой заряжает автомат. В глубине хлева как-то странно закинула рога мертвая корова. Трое солдат, сгрудившись на крыльце, выламывают дверь хаты, еще один что-то им кричит, размахивает горящим факелом.

Заметив нас, фашисты кинулись через двор к огороду, но уйти поджигателям и убийцам от наших пуль не удалось.

Девочка сильно плакала, но когда ее мама и бабушка вышли на крыльцо, живые и здоровые, - сразу успокоилась. Однако далеко не всегда подобные случаи оканчивались благополучно. Наступая по Украине, мы видели десятки сожженных дотла сел, сотни и тысячи зверски убитых мирных жителей.

* * *

Темпы нашего продвижения к Днепру были бы еще более высокими, если бы не переменчивая погода. Страшная жара сменялась вдруг продолжительным, на полсуток, ливнем. Дороги раскисали и делались труднопроходимыми. Приходилось впрягать волов не только в повозки или артиллерийские упряжки, но даже в грузовые машины, чтобы протащить их через особо топкие участки. Волы нас сильно выручали в те дни, тем более что и обоз наш потяжелел за счет рыбацких челнов и лодок. Мы начали их собирать еще на Пселе, заранее готовясь к встрече с Днепром. Командование неоднократно предупреждало, что, возможно, придется форсировать Днепр с ходу.

Тем временем мы по-прежнему наступали в авангарде дивизии по двум маршрутам, с двумя передовыми отрядами. Правда, состав отрядов приходилось часто менять. Делалось это сознательно, чтобы людям дать отдых и от физического и от психологического напряжения, с которым неизбежно связана служба в передовом отряде.

После форсирования Хорола в "южный" передовой отряд был выдвинут 3-й батальон капитана Кулемина. "Северный" отряд по-прежнему возглавлял капитан Вдовин, но 1-ю роту автоматчиков Меркушева сменила 2-я рота автоматчиков Ололенко. На линии железной дороги Кременчуг - Хорол, у железнодорожной станции Семеновка и одноименного районного центра, наши передовые подразделения были встречены сильным огнем и контратаками. Разведчики Бобрикова, побывав в Семеновке, доложили, что станция забита военными грузами, которые гитлеровцы спешно

отправляют в Кременчуг.

Я приказал Кулемину не ввязываться в бой у Семеновки, а обойти ее с юга и продвигаться далее, к Днепру. Утром 26 сентября комбат-3 доложил: "Семеновку обошел. Батальон овладел Степановкой и Кривой Рудой. Выходим на дорогу Оболонь - Гра-дижск. Много трофеев".

Фашисты стремились поскорее убраться за Днепр, как бы отгородиться от нас широким водным рубежом.

Это стремление проникло и в те гитлеровские части, которые прикрывали отход своих главных сил. Мы все чаще наблюдали панику в их рядах. В том же "южном" передовом отряде Кулемина был случай, когда отделение автоматчиков, семь человек, разогнало роту гитлеровцев.

Командовал отделением опытный воин ефрейтор Василий Константинович Объедков. Он со своими бойцами нес службу бокового охранения. Вышли к дороге Степановка - Оболонь. Местность открытая, после дождя вечерний воздух чист и прозрачен, видно далеко. Впереди, примерно в полутора километрах, гвардейцы увидели фашистскую автоколонну.

Объедков разделил отделение на три группы, расположил их вдоль дороги. Подъехали три машины, битком набитые гитлеровцами. На прицепе - две противотанковые пушки. Объедков прицелился из ручного пулемета, ударил по кабине головного грузовика. Он круто свернул в кювет, свалился набок. Автоматчики открыли огонь по другим машинам, забросали их гранатами. Оставшиеся в живых гитлеровцы разбежались, побросав оружие. Бойцы Объедкова привели трофейные машины с пушками в передовой отряд.

Деревни Степановка и Кривая Руда, захваченные отрядом к утру 26 сентября, расположены в 15-18 километрах западнее железной дороги, то есть в тылу противника. Прорыв кулеминского отряда сразу же сказался на боевых действиях в районе Семеновки и ближайших к ней железнодорожных станций. Сопротивление гитлеровцев слабело.

Воспользовавшись этим, рота автоматчиков старшего лейтенанта Ололенко ворвалась на станцию Семеновка, разгромила гарнизон опорного пункта, захватила два эшелона с военным имуществом. На станции, в гуртах, было подготовлено к погрузке пять-шесть тысяч тонн пшеницы. В последний момент фашисты пытались ее уничтожить, облили бензином и подожгли. Однако бойцы Ололенко с помощью местных жителей погасили пожар и спасли зерно.

Вскоре вышли на железную дорогу и главные силы полка. Сломив сопротивление гитлеровцев в Устиновке и Очереватом,

мы двинулись дальше на запад. Одновременно правый наш сосед-1235-й стрелковый полк - овладел районным центром Семеновка.

Среди массы различного трофейного оружия было 15 шестиствольных минометов и много боеприпасов к ним. Инструкций по устройству и обращению с шестиствольными минометами, или "ишаками", как прозвали их бойцы за скрипучий звук выстрела, у нас не было. Пришлось полковому "минометному богу" старшему лейтенанту А. Ю. Киримову взяться за освоение этого оружия опытным путем. Из бойцов своей батареи он сформировал шесть минометных расчетов и час спустя начал опытные стрельбы - прямо по противнику. Не все шло гладко, но через сутки трофейная батарея уже вела довольно точный огонь. Импровизированные таблицы стрельб составил сам Агабалей Юзбекович Киримов. Впоследствии, в боях за Днепр, батарея не раз оказывала полку большую помощь. Вскоре на ее счету уже было четыре подавленные артиллерийские батареи противника, свыше 200 уничтоженных гитлеровцев.

Но я забежал несколько вперед. Вернусь к событиям 26 сентября, когда полк, сломив сопротивление противника на линии железной дороги Кременчуг - Хорол, стремительно продвигался к Днепру. "Южный" передовой отряд Кулемина по-прежнему значительно обгонял "северный" отряд, а во главе кулеминского отряда шла рота лейтенанта Рыбакуля.

Валерий Павлович Рыбакуль был комсоргом 3-го батальона, но когда выбыл из строя старший лейтенант Грибанов, возглавил его роту. В первых же боях он отлично зарекомендовал себя и как строевой командир. 26 сентября, к вечеру, рота Рыбакуля с ходу переправилась через реку Сулу, выбила противника из Липового и захватила мост. Отступая, фашисты пытались взорвать этот мост, однако в спешке лишь незначительно его повредили. Лейтенант Рыбакуль немедленно организовал ремонт моста. На помощь пришли местные жители. Они подтащили к реке бревна и доски, вместе с бойцами взялись за работу. Вскоре по мосту переправился за Сулу весь передовой отряд Кулемина.

В тот же вечер, но другим - "северным" - маршрутом, несколько выше по течению реки, вышел на Сулу и передовой отряд Вдовина. В колонне отряда ехал и я с группой штабных офицеров. Связь с отрядом Кулемина, с главными силами полка и его штабом, а также со штабом дивизии мы поддерживали по радио. Надо признать, что радиостанции, которыми располагал полк, не были достаточно мощными. При столь значительных расстояниях и высоких темпах наступления это обстоятельство приводило к частым перерывам связи, а следовательно,

затрудняло и организацию взаимодействия между подразделениями. Во время нашего наступления к Днепру было несколько случаев, когда противнику удалось избежать разгрома и пленения только потому, что наша радиосвязь функционировала с перебоями.

Но вспоминается эпизод, когда радиосвязь помогла нам четко сманеврировать и быстро собрать силы в нужном пункте.

Едва мы переправились через Сулу и заняли деревню Лященки, разведчики доложили, что почти параллельно, от Сулы через село Большая Буримка к городку Ирклиев движется большая колонна гитлеровцев. Я приказал Вдовину быстро выдвинуть две роты - автоматчиков и противотанковых ружей - наперерез отходящему противнику, к деревне Старый Коврай. Одновременно по радио приказал начальнику штаба майору Аветисову нажать на противника главными силами полка.

Первой в назначенный район вышла рота старшего лейтенанта Свиридова, перерезав противнику путь отхода. Гитлеровцы приняли боевой порядок, пустили впереди бронетранспортеры и попытались пробиться из окружения. Расчеты противотанковых ружей сержанта Мелехина и ефрейтора Зинчука в считанные минуты подбили шесть бронетранспортеров. В этот момент открыла огонь вставшая на позиции рота 82-миллиметровых минометов старшего лейтенанта А. М. Ваганова. Гитлеровцы, неся большие потери, кинулись на север, в сторону Черно-бая, но там их уже ждали предупрежденные нами по радио подразделения соседа - 373-й стрелковой дивизии. Вскоре к месту боя подошли главные силы полка, и вражеская колонна была полностью уничтожена.

Преследуя противника по пятам, утром 27 сентября мы овладели Ирклиевым. Сутки спустя от разведывательных групп, а затем и от передовых отрядов стали одно за другим поступать примерно одинаковые донесения: в такой-то час, такие-то минуты 28 сентября вышли на Днепр.

В военных архивах среди хранящихся боевых документов я нашел один, который, признаюсь, прочитал" с тайной гордостью. Это донесение штаба 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии от 29 сентября. В нем, в частности, сказано, что "первым к Днепру подошел отряд преследования 1-го гвардейского воздушно-десантного полка"{13}.

К сожалению, нам не удалось захватить мост через Днепр юго-восточнее Черкасс. Фашисты успели взорвать его на глазах у бойцов передового отряда капитана Вдовина. К Черкассам вышли и полки 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Форсировать реку с ходу они также не смогли.

В тот же день мы получили приказ передать свой участок соседям и в составе дивизии совершить марш параллельно Днепру на юг, к Кременчугу.

1 октября полк завершил марш и занял оборону по левому берегу Днепра от деревни Власовки через остров Яцков, Кривуши и до Кременчуга включительно, общей протяженностью 12 километров.

На плацдармах

Хотя 1-й гвардейский воздушно-десантный полк занял оборону на широком фронте, мы надеялись, что это дело временное и скоро мы опять перейдем в наступление. Тем более что правее нас 69-я гвардейская стрелковая дивизия с ходу переправилась через реку и вела напряженные бои на плацдарме, который получил наименование Новолиповского (по селу Новолипово).

Ожидая приказа на наступление, мы спешно приводили в порядок вооружение и технику, пополняли подразделения личным составом из местных жителей призывного возраста, которые только что были освобождены из фашистской неволи. Это пополнение поступало в полк через призывные пункты, организованные штабом армии.

На совещании в штабе полка командиры и политработники обсудили вопросы, связанные с подготовкой этого пополнения к будущим боям. Запомнилось мне выступление замполита 2-го батальона капитана Александра Антоновича Новика. Он говорил о важности психологической подготовки молодых призывников. Ведь двухлетнее пребывание в фашистской оккупации в душе многих из них оставило тяжелый след.

Здесь же, на совещании, мы приняли примерный план работы с новым пополнением. Майор Николай Минович Гридюшко особо подчеркнул важность, пропаганды боевых и революционных традиций и боевой славы русского оружия.

В обороне на левом берегу Днепра полк стоял чуть более двух суток. В ночь на 4 октября мы начали переправляться на остров Яцков. Однако, прежде чем перейти к рассказу о боевых действиях на острове, несколько слов о районе, где полку довелось воевать два долгих месяца.

Район этот охватывал оба берега Днепра от города Кременчуга до Новолиповского плацдарма. Здесь, на господствующих высотах, стоит город Новогеоргиевск. С высот противник отлично просматривал и простреливал весь наш берег до Кременчуга. Позиция очень выгодная, в буквальном смысле ключевая. Этим и объяснялось упорство, с которым фашисты обороняли высоты и город Новогеоргиевск. В ходе борьбы за этот

район наш полк трижды - и каждый раз в новом месте - форсировал Днепр.

Но вернемся к событиям 4 октября. Получив приказ сменить подразделения 5-й гвардейской армии, оборонявшиеся на острове Яцков, я тотчас же отправился на рекогносцировку местности. Остров лежал между новым и старым руслами реки, длина его - до километра, ширина - метров 600. Большой песчаный пляж, изрытый траншеями - нашими и немецкими - вдоль и поперек. Ни кустика, ни деревца. Местами наш передний край отдален от вражеского на дальность броска ручной гранаты. Примерно две трети острова наши, треть - занята фашистами. Их положение предпочтительней, так как у них за спиной мелкое старое русло реки с широкими бродами, по которым легко проходила и пехота, и артиллерия, и танки. А нам, чтобы переправиться на Яцков, надо было преодолеть новое русло, ширина которого около 300 метров, глубина местами более 7 метров.

Никаких штатных переправочных средств у нас не было, поэтому 1-й батальон, усиленный ротой автоматчиков, ротой ПТР, противотанковой батареей и саперным взводом, пошел к острову на подручных средствах - плотах и плотиках, рыбачьих лодках, которые мы везли в обозе еще от Псела, Хорола и Сулы. Переправа прошла благополучно, батальон еще до рассвета сменил подразделения 5-й гвардейской армии и прочно закрепился на острове. Первые дни боевые действия на острове носили локальный характер: то столкнутся разведчики, то налетят бомбардировщики, то с нашего берега артиллерия ударит по бродам, где скопилась вражеская техника.

Штаб дивизии информировал меня, что на Яцкове держат оборону части 320-й немецкой пехотной дивизии. А 14 октября полковник Кожушко сообщил:

- Авиаразведка обнаружила крупные колонны противника. Пехота, артиллерия, танки. Продвигаются от Новогеоргиевска. Будь готов встретить.

- Ясно! Доложи комдиву, Иван Никитович, что необходима артиллерийская поддержка. Иначе фашистов с острова не выбьем.

- Поддержим, чем сможем, - ответил Кожушко. - Но артиллерии у нас немного. Мы на второстепенном направлении.

Следующей ночью переправился на Яцков и 2-й батальон. Для обороны города Кременчуг я оставил лишь одну роту. Таким образом, теперь остров обороняли два батальона: левую часть - 1-й, правую - 2-й. А 3-й батальон остался на нашем берегу, растянув свои боевые порядки буквально в ниточку километров на 7, до самого стыка с правым соседом - 69-й стрелковой дивизией.

Массу хлопот доставляло нам сохранение нормальной связи с

островом Яцков. Рацию мы смогли туда выделить лишь одну. Подводного специального кабеля ни в полку, ни в дивизии не было. Связисты во главе со старшим лейтенантом Галеевым и командиром роты связи старшим лейтенантом Прохорским пытались как-то поправить положение: проложили по дну реки обычный кабель - слышимость скверная; заменили его колючей проволокой, но и эта импровизированная [} 149] проводка, которой мы не раз пользовались на суше, в воде оказалась негодной. Ну а протянуть над рекой "воздушку" было невозможно из-за непрерывного орудийно-минометного огня противника. Поэтому связь штаба полка с островом поддерживалась в основном связными, переплывавшими реку на лодках или плотиках.

В ночь на 17 октября с острова в штаб полка поступили донесения: в расположении противника, с юго-западной стороны острова, от бродов, что на старом русле Днепра, слышен шум танковых автомобильных моторов. Напрашивался вывод: если фашисты перебрасывают на Яцков танки, значит, готовятся наступать. И очень скоро - на рассвете, потому что днем на острове танки не спрячешь ни от авиации, ни от артиллерии.

Наши предположения оправдались. Едва рассвело, до полусотни "юнкерсов" и "мессершмиттов" закружились над Яцковом. С правого берега ударила фашистская тяжелая артиллерия. В ответ открыли огонь пушки лейтенанта Левченко и обе минометные батареи старшего лейтенанта Киримова: штатная полковая и трофейная - шестиствольных минометов. Они били по позициям противника с нашего берега, а корректировали огонь артиллерийские наблюдатели на острове. Но стоило случайному осколку перебить телефонный провод (а под градом снарядов, мин и бомб это случалось часто), батареи теряли связь с наблюдателями и практически слепли.

Связисты не щадили себя. С моего наблюдательного пункта у деревни Власовка была хорошо видна их самоотверженная работа. Вот из частокола разрывов вынырнула фигурка связиста. Нагруженный железной катушкой и коробкой с телефонным аппаратом, он по-пластунски полз по песку к воде. Временами замирал, когда рвалась рядом мина, и опять полз вдоль провода.

- Ну, родненький, ну же! - машинально приговаривал начальник артиллерии капитан Мрыхин, следя за связистом.

А тот уже забрел по пояс в воду, нырнул с головой, вытянул со дна оборванные концы, споро их связал.

- Есть связь! - радостно закричал Мрыхин. - "Волна", "Волна", как слышите?

И тотчас "Волна" передала с острова данные на киримовскую

батарею.

Сильный северо-западный ветер гнал по Днепру серые волны. Фонтаны разрывов на реке вспухали и опадали, а между ними мелькали две лодчонки, гребцы в них бешено работали веслами. Это тоже связисты, тянувшие на остров новый телефонный провод.

Донесения, поступавшие с острова, были лаконичны. Батальоны все атаки отбили.

Только что гитлеровцы бросили на нашу оборону семь танков и три самоходки, за ними двинулись цепи автоматчиков. Фашистские танки напоролись на батарею капитана Губина, отлично замаскированную в песчаных окопчиках. Батарейцы почти в упор ударили бронебойными снарядами по бортам танков и самоходок. Четыре машины подожгли, а два танка, прорвавшиеся через оборону к самой кромке берега, были подорваны на наших глазах. Как доложил мне Мыльников, сделали это саперы лейтенанта К. В. Петрова. Они быстро и умело заложили мины на вероятном пути движения танков. И не ошиблись.

После полудня фашисты бомбили остров особенно жестоко, и связь с ним надолго прервалась. И лишь часа три спустя старший лейтенант Бобриков доложил, что оттуда плывет к нам человек. Я схватил бинокль, впился глазами в реку. Да, плывет. Стриженая голова и ствол автомата мелькают среди волн. Вокруг взлетают фонтаны разрывов, то и дело закрывая от нас пловца. Но он опять и опять появляется, мощно гребет саженками. Вот он встал на ноги, бредет устало по мелководью.

Я спустился к воде и сразу же в пловце узнал Николая Рубцова, 19-летнего рядового 2-й роты, которому недавно вручил медаль "За отвагу".

Увидев меня, он легонько отодвинул растиравшего его полотенцем санитара, доложил:

- Рядовой Рубцов с острова Яцков. Прибыл с донесением.

Из тючка с одеждой вытащил аккуратный пакетик промасленной бумаги. В непромокаемой обертке лежали его документы: комсомольский билет и донесение командира 1-го батальона майора Мыльникова. Комбат сообщал, что вместе со 2-м батальоном удерживают большую часть острова. Отбито семь фашистских атак, сожжено пять танков и самоходно-артиллерийских установок. Нужны боеприпасы, нужна связь с артиллерией, нужно как можно скорей эвакуировать с острова раненых - более ста человек. Обращаюсь к Рубцову:

- Благодарю, Николай Федорович, за службу! А он, подрагивая от холода, четко отвечает:

- Служу Советскому Союзу!

Обнял я героя, расцеловал, приказал бежать в штабную землянку. Там Рубцова переодели, и на новую гимнастерку прикрепил я ему еще одну медаль "За отвагу".

Между тем наступили ранние осенние сумерки. Теперь, под прикрытием темноты, можно переправить на Яцков боеприпасы, пополнить ряды его защитников, вывезти раненых.

Положение у нас было довольно сложное: резервов в полку не было. Решили взять людей из тыловых подразделений, создать из них сводные группы, силой до взвода каждая. Я сам поставил командирам групп конкретные задачи, которые в целом преследовали одну общую цель: удержать плацдарм на Яцкове.

В сводном взводе лейтенанта Кругликова среди многих знакомых лиц я увидел и санитара сержанта Соболева, пришедшего к нам добровольцем еще в феврале, при формировании полка. Он был воспитанником детского дома, и было ему тогда 17 лет. Имел он водительские права и небольшой стаж работы. Назначили мы его в минометную батарею - подвозить боеприпасы. В боях на Северо-Западном фронте Соболев показал себя отчаянно смелым водителем, был тяжело ранен. После излечения медицинская комиссия признала его негодным к военной службе. Он собрал свой вещевой мешок и отправился в путь. Но не домой, а на фронт искать полк. В начале лета явился к нам исхудавший, в стареньком обмундировании. Твердил упорно: "Хочу воевать в своем полку". Посоветовался я с врачами. Ващенко и Валиев осмотрели его, решили: "Подкормим, подлечим, поставим на ноги". Оставили Соболева в полку поваром, однако пробыл он в этой должности недели полторы-две - упросил старшего лейтенанта Валиева, и тот взял его санитаром в медсанроту. И вот на Днепре, 17 октября, как только мы вызвали добровольцев, Соболев был среди первых. Его совсем недавно приняли в партию, он горел желанием в бою оправдать высокую честь. Соболев попал во взвод Кругликова в качестве старшего санитара.

Инструктируя лейтенанта Кругликова, я предупредил, что место, намеченное для высадки на Яцков, возможно, находится уже в руках противника. Но высадиться нужно обязательно. Там есть бугор, с которого наши артиллерийские наблюдатели могут корректировать огонь по всей северо-западной части острова, а также по бродам на старом русле Днепра.

Лодки с десантом отчалили от берега и скрылись в дождливой тьме. За лодками тянулись тонкие тросы и телефонный кабель. Час спустя доложили, что высадка прошла благополучно, взвод установил связь с соседями и усиленно

окапывается. С утра бой грянул с новой силой. Ни ожесточенные бомбардировки с воздуха, ни артиллерийский обстрел, ни танковые атаки, предпринимаемые фашистами одна за другой, не дали им сколько-нибудь ощутимых результатов.

Просматривая списки погибших 17-18 октября, я встретил фамилию Соболева. Замполит Николай Минович Гридюшко рассказал, что сержант Соболев после гибели лейтенанта Кругликова принял командование сводным взводом и вместе с товарищами отбил все атаки гитлеровцев. А дня два-три спустя газета нашей дивизии "За Отечество" поместила заметку о подвиге санитара сержанта Соболева.

Больше я с Николаем Соболевым на фронте не встречался. Когда он опять вернулся в полк из госпиталя, я, наоборот, попал в госпиталь, а потом получил назначение в другую дивизию. Встретились мы с Николаем Ивановичем после войны. Он рассказал подробности памятного ему боя на острове Яцков.

- Когда рассвело, - рассказывал он, - мы увидели вражеские окопы, расположенные метрах в двухстах и несколько выше наших.

Вскоре оттуда без единого орудийного или минометного выстрела повалили фашисты - пошли в атаку. Шли во весь рост, обвешанные термосами и флягами, рукава мундиров закатаны по локоть, каски надвинуты низко на лоб. Словом, "психическая" атака. Но как только мы "ополоснули" атакующих из трех пулеметов, куда девался весь фасон. Кто на четвереньках, кто ползком, а кто бегом бросились гитлеровцы к своим окопам. Остались лежать лишь убитые да раненые.

Взвод отбил и вторую атаку. Погиб лейтенант Кругликов, осколок мины разбил телефонный аппарат. Соболев перевязывал раненых, оттаскивал их в укрытие, в неглубокую ложбинку. Днепр рядом, а добраться до лодок в камышах мешал мощный фланговый огонь. И лишь когда пошел сильный дождь, Соболев смог погрузить раненых на лодки и отправить на наш берег. С ними он передал документы лейтенанта Кругликова и других погибших товарищей, а также бумаги нескольких немецких офицеров, убитых в бою.

После полудня дождь прекратился, сквозь бегущие серые облака проглянуло солнце. Во взводе в строю оставалось десять человек. Соболев был среди них единственным сержантом, бойцы обращались к нему как к старшему, и он принял над ними командование. Фашисты пустили в ход артиллерию. К счастью, снаряды рвались позади окопов, близ самой воды. Видимо, немецкие артиллеристы опасались попасть в своих.

Потом началась очередная атака. Из-под бугра появились два

легких танка. Они ползли медленно, увязая в зыбучем песке. Позади танков так же медленно шли немецкие автоматчики. Бронебойщик (его фамилию Соболев не запомнил) подбил из ружья один танк. Тот остановился, но продолжал вести огонь. Кто-то из бойцов удачно бросил бутылку с горючей жидкостью, танк загорелся. Второй танк стал пятиться и скрылся за бугром. Гитлеровские автоматчики, подгоняемые очередями наших пулеметов, бросились к своим окопам.

- Ближе к вечеру, - продолжал свой рассказ Соболев, - немцы опять пошли в атаку плотной цепью. А у нас огонь одного из пулеметов захлебнулся. Я пополз туда. Пулеметная ячейка разрушена взрывом, наводчик убит, помощник контужен. Спрашиваю: "Помочь?" Он, видимо, совсем оглох, пытается разобрать мои слова по губам. Разобрал, кричит: "Иди командуй! Сам справлюсь!" Ползу дальше. Еще двое гвардейцев бьют по фашистам из автоматов, а неподалеку стоит станковый пулемет. Пулеметчики убиты, а пулемет цел. Лег я за него, открыл огонь. Фашисты заметались. Много мы их тогда положили.

Отбили атаку. Оба автоматчика получили ранения, но в укрытие не ушли. А вот пулеметчик погиб. Остались мы втроем, собрались в одном окопе, ждем очередной атаки. Ну, говорю, братки, продержимся еще час, до темноты, - наша взяла... Отвечают: "Продержимся, сержант, только бы патронов хватило". Скоро фашисты полезли опять. Я открыл огонь из "станкача". Вдруг перед глазами мелькнула огненная вспышка, меня как бы отбросило во тьму. Очнулся ночью. На зубах, в носу, в ушах - песок с запекшейся кровью. Голова раскалывается. Соображаю плохо, твержу себе: ползи, ползи к берегу. Пополз по влажному песку, как сквозь сон, услышал русскую речь и опять потерял сознание.

Только много позже узнал, что подобрали меня и других раненых из нашего взвода артиллеристы капитана Губина. Батарея подоспела вовремя и метким огнем отбросила противника.

К рассказу Николая Ивановича Соболева хочется добавить, что, вернувшись из госпиталя в полк, он сражался в его рядах до конца войны. Демобилизовавшись, закончил вуз, работал в Перми (где живет и сейчас) на машиностроительном заводе им. В. И. Ленина мастером толстолистового стана, был заместителем секретаря цеховой парторганизации, ударником коммунистического труда.

В тот день снова отличился рядовой 1-го батальона Николай Рубцов, тот самый, что накануне вплавь доставил донесение с острова. Во время нашей контратаки он первым ворвался во

вражескую траншею и в рукопашной схватке уничтожил нескольких гитлеровцев, затем подорвал бронетранспортер. А когда узнал, что лейтенант Рыбакуль тяжело ранен и нуждается в срочной операции, вызвался перевезти его на левый берег. Дело это было чрезвычайно трудным не только потому, что фашисты накрывали орудийно-минометным огнем каждую лодку или плотик, но и потому, что все переправочные средства на острове были разнесены буквально в щепки. Уцелела в камышах единственная лодка-долбленка, но она поднимала только одного человека. Рубцов уложил в лодку раненого лейтенанта, сам вошел в воду и поплыл, толкая лодку перед собой. Так он благополучно перевез Рыбакуля. Лейтенанта немедленно оперировали и тем спасли ему жизнь. За отвагу и мужество, проявленные комсомольцем Николаем Федоровичем Рубцовым в боях на острове Яцков, я вновь представил его к правительственной награде, и он стал первым в полку кавалером ордена Славы.

И еще хочется рассказать об одном Николае, тоже рядовом, но из 2-го 'батальона, - о снайпере Николае Егоровиче Егорове. Днем 18 октября он довольно долго вел дуэль с фашистским снайпером, который засел в подбитом танке. Попытки поразить его пулей сквозь смотровые щели успеха не принесли, И тогда Егоров пополз к танку. Примерно на половине пути зоркий глаз снайпера засек мелькнувший блик солнца в стекле - не иначе как оптический прибор. Присмотрелся. Так и есть: левей подбитого танка торчали словно из песка рожки стереотрубы. Это оказался наблюдательный пункт вражеской батареи. Оставив его пока что в покое, Егоров подобрался к танку и через открытый верхний люк швырнул внутрь гранату. Покончив со снайпером, с первого выстрела снял артиллерийского наблюдателя.

Казалось бы, выполнил задачу - уходи восвояси. Но тем и отличается настоящий инициативный солдат, что любую благоприятную боевую ситуацию стремится использовать до конца. Егоров надел маскировочный халат, снятый с убитого наблюдателя, и устроился в окопе у стереотрубы. Ждать пришлось недолго. Видимо, командира вражеской батареи обеспокоило молчание наблюдателя, и он послал туда унтер-офицера. Тот подполз к окопу, спрыгнул в него и тут же был обезоружен Егоровым. Николай Егорович нагрузил пленника радиостанцией и стереотрубой и пополз с ним к окопам 2-го батальона.

Фашисты заметили их и открыли сильный огонь. Егоров получил два легких ранения, ранен был и его пленник. Несколько вражеских автоматчиков пытались отрезать им дорогу, но Егоров отбился гранатами и вернулся в батальон с трофеями и пленным

унтером...

Громадную помощь в этот день оказали нам воины 3-го гвардейского саперного батальона. Если бы не самоотверженная их работа, полк мог бы остаться без переправочных средств. Под жесточайшим огнем саперы снова и снова вязали плоты из подручных средств, переправляли на остров боеприпасы и вывозили раненых. Саперы рядовые Чугунов, Березовский и Малахов в течение дня сделали пять рейсов на плотах к острову и обратно. Несмотря на то что все трое были ранены, заметив группу фашистов, просочившихся к берегу через нашу оборону, они вступили в бой и уничтожили гитлеровцев.

19 октября мы почувствовали, что наступательный порыв немецкой группировки на Яцкове иссяк. Надо было немедленно использовать этот момент. Вечером я доложил в штаб дивизии полковнику Кожушко: "Произвожу смену подразделений на острове". Под прикрытием темноты на Яцков был переправлен 3-й батальон. С ним переправился и я с группой офицеров штаба.

Сначала мы планировали просто заменить свежими силами утомленные непрерывным боем подразделения. Ну, и если удастся, несколько улучшить свои позиции. Подготовили огневой налет по обороне противника, ждем. И как только роты 3-го батальона заняли исходные позиции, я подал сигнал. Ударила наша артиллерия, бойцы Кулемина с ходу атаковали фашистов, ошеломили их, прорвались к старому руслу Днепра. Этот успех ночной атаки мы немедленно развили, двинув вперед 1-й и 2-й батальоны. Противника охватила паника. Гитлеровцы метнулись к бродам, но попали под сильный огонь нашей артиллерии и минометов. Противник был полностью разгромлен. Час спустя я доложил Ивану Никитовичу Кожушко, что остров Яцков полностью в наших руках.

Справедливости ради должен отметить одно обстоятельство, которое помогло нам в напряженной борьбе за остров на Днепре. Дело в том, что кроме Новолиповского плацдарма, созданного 69-й гвардейской стрелковой дивизией правее нас и выше по. течению Днепра, другой плацдарм (назывался он Крюковский) левее нас и ниже по течению захватили части 5-й гвардейской армии. Они начали активные действия как раз в те дни, когда мы дрались за Яцков, и принудили гитлеровское командование перебросить туда часть сил. Тогда, в сорок третьем, я мог это только предполагать на основе краткой информации штаба дивизии. Но после войны нашел тому документальное подтверждение.

24 октября, сдав оборону соседям, полк переправился с острова на левый берег Днепра, в тыл. В деревне Власовка с

торжественным воинским церемониалом мы похоронили погибших товарищей. Я побывал там после войны. Над братской могилой местные жители поставили памятник с именами павших воинов 1-го гвардейского воздушно-десантного полка. Здесь покоится прах лихого командира пешей разведки Владимира Васильевича Китаева, братьев Михеевых - сержанта Василия Ивановича и ефрейтора Валентина Ивановича, старшего лейтенанта Григория Родионовича Рязанцева и многих других наших однополчан, всего около 200 человек. У памятника всегда много цветов. Люди не забывают подвига, совершенного в 1943 году на днепровских берегах.

Во Власовке мы приняли 800 человек пополнения, и распределили новобранцев по подразделениям. В связи с этим произошел характерный инцидент. Ко мне обратились несколько наших офицеров. Вид у них был очень возбужденный. Выяснилось, что штаб полка в лице помощника начальника штаба по учету капитана М. Е. Чернявского формально подошел к распределению людей. Не поговорив с ними, не узнав, кто с какой воинской специальностью лучше знаком, Чернявский распределил их по подразделениям.

Начальник артиллерии капитан И. К. Мрыхин утверждал, что Чернявский "загнал" в пехоту артиллеристов, а вместо них направил в батареи людей, которые видели пушки только в кино. Старший врач полка И. А. Ващенко говорил о больших потерях среди санитаров в последних боях. Он жаловался на Чернявского, который вместо молодых и сильных бойцов прислал в медицинскую роту запасников старших возрастов.

Конечно, каждый командир или начальник службы стремился в подобных случаях получить в свое распоряжение бойцов, которые и в профессиональном и во всех других отношениях хорошо подготовлены. Ясно также, что удовлетворить всех не было возможности, ибо пополнения военного времени состояли, как правило, из людей разных возрастов, некоторые из которых имели очень слабую военную подготовку. Вот тут-то и нужен был опытный кадровик, который мог распределить людей так, чтобы каждый принес максимальную пользу в том подразделении, куда его назначат. Ведь в конечном счете от этого зависит боеспособность и боевая готовность всей части. Пришлось мне очень серьезно поговорить с капитаном Чернявским, указать на это упущение начальнику штаба полка майору Аветисову и вместе с ними заново перераспределить людей.

В ночь на 28 октября 1-й полк, а за ним и другие части 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии переправились на Новолиповский плацдарм по понтонному мосту и к рассвету

приняли от 69-й гвардейской стрелковой дивизии часть ее оборонительной полосы. Конфигурация плацдарма напоминала тупой клин, основанием своим опиравшийся на Днепр. В вершине клина и расположился наш полк. Левее, примыкая другим флангом к Днепру, встал 11-й гвардейский воздушно-десантный полк, а правым нашим соседом осталась 69-я гвардейская стрелковая дивизия.

Прямо перед нами оборона противника проходила по высоким песчаным буграм. За ними - глубокая и широкая лощина, над ней круто вздымалась цепь высот. Там, ближе к гребню, чернели обгоревшие остовы домов и сараев села Колаборок, на которое нам предстояло наступать.

Во второй половине дня 28 октября, после артподготовки, в которой помимо полковой артиллерии участвовали два гаубичных дивизиона, полк атаковал противника. Одновременно перешли в наступление и соседи. К концу дня мы продвинулись на 3-4 километра, овладели песчаными буграми, ворвались на северо-восточную окраину Колаборка. Однако выйти на гребень высоты нам не удалось - остановил шквальный артиллерийско-минометный огонь. Столь же незначительным было и продвижение соседей. Из штаба дивизии пришел приказ закрепиться на достигнутом рубеже.

Хотя полку не удалось полностью овладеть селом Колаборок и оседлать господствующую высоту, однако и те позиции на ее скатах, которые мы захватили, позволяли просматривать вражескую оборону на значительную глубину и держать под артиллерийским огнем тыловые коммуникации гитлеровцев. Вполне вероятны были попытки фашистов восстановить положение. И действительно, вскоре, подтянув к Новолиповскому плацдарму танки, враг предпринял серию контратак. 1 ноября семь легких танков и до батальона автоматчиков атаковали нашу оборону, но были остановлены и с большими потерями отброшены за высоту.

В ночь на 7 ноября командиры 1-го и 2-го батальонов докладывали мне, что противник ведет себя как-то неспокойно, неоднократно мелкими группами пытается провести разведку нашего переднего края.

Мы ждали атаку на рассвете, однако часов до 9 было тихо. Потом налетели "юнкерсы" и "мессеры", машин 40, принялись бомбить и обстреливать боевые порядки полка. Ударила вражеская артиллерия. Ее шквальный огонь, как мы видели, обрушился на стык позиций 1-го и 2-го батальонов. Случайно? Нет! Ближайший же час показал, что направление это противник выбрал как главное. До полка пехоты 389-й немецкой пехотной

дивизии при поддержке 17 танков атаковали стык флангов батальонов.

Метрах в 300 от переднего края, прямо за стыком, на скате песчаного бугра, был оборудован мой наблюдательный пункт: блиндаж в два наката бревен и траншея, в правой стороне которой расположились артиллеристы, в левой радисты. Обзор местности довольно приличный, и я видел, как стремится противник прорваться к нам, в район песчаных бугров. Если ему это удастся, танки выйдут прямо в тылы 69-й дивизии и далее к понтонной переправе. Тогда удержать плацдарм будет очень трудно.

Шесть танков, выскочив из лощины, устремились к левому флангу 1-го батальона, на роту старшего лейтенанта Свиридова. За танками двигались густые цепи пехотинцев. Рота Свиридова огнем отсекла пехоту от танков, заставив ее залечь. Подорвался на мине один танк, потом второй. Третий подбила "сорокапятка" сержанта Насонова. Но другие боевые машины, упорно шли вперед. Я видел, что у орудия остался один человек (после боя узнал, что это был наводчик младший сержант Василий Дмитриевич Ромашко)... Но он медлил, видимо, орудие было повреждено и наводчик пытался исправить повреждение. Наверное, нет для солдата испытания трудней, чем это: стальная махина, ведя пушечно-пулеметный огонь, неотвратимо надвигается. Вот она уже в 100, в 50, в 30 метрах, а ты никак не можешь исправить поломку. Ромашко был настоящим солдатом, он сделал все, чтобы пушка опять ожила, но рядом разорвался снаряд, и отважный артиллерист упал, сраженный осколком.

А танки уже утюжили окопы свиридовской роты. Поднялась и снова пошла вперед гитлеровская пехота. Связь с комбатом-1 - капитаном Сиротиным (он заменил получившего повышение майора Мыльникова) - прервалась. Я направил ему на помощь свой резерв - роту бронебойщиков капитана Ильина. Прямо с бугров они ударили по танкам, подожгли еще один...

Критическое положение сложилось на участке 2-го батальона. Здесь наступало 11 фашистских танков и масса пехоты. Гитлеровцы прорвались через наш передний край. Кругом все потонуло в тучах дыма и песчаной пыли. Вызвал комбата Коновалова. Телефонист докладывает:

- Комбат тяжело ранен.

- Кто принял командование батальоном?

- Не знаю, - отвечает он. - Наблюдательный пункт окружили фашисты. Держим оборо...

В трубке грохот, треск и - мертвая тишина. Подозвал начальника химической службы полка старшего лейтенанта

Демиховского:

- Евгений Сергеевич, иди во второй батальон, выручай Коновалова. Возьми взвод автоматчиков, передай Губину, пусть вытягивает к стыку флангов батарею...

Демиховский стремительно выскакивает из траншеи. За ним, рассыпавшись в цепь, бегут автоматчики. Несмотря на потерю связи с батальонами (телефонисты поползли ее восстанавливать), я по разным признакам видел, что подразделения стоят крепко. Противник уже с полчаса как ворвался в нашу первую траншею, но продвинуться дальше никак не мог.

Наконец телефон под рукой зазуммерил. Докладывал комбат-1 капитан Сиротин:

- Контратакую. Помогите огнем гаубиц. Потом позвонил Демиховский:

- Положение второго батальона восстановлено. Коновалов эвакуирован в тыл. Батарея Губина подбила три танка. Сам комбат Губин погиб. Командование принял лейтенант Голубенко.

Так! Значит, не стало еще одного нашего ветерана - отважного, хладнокровного истребителя танков Ивана Васильевича Рубина.

Из поступивших докладов стало ясно, что, вклинившись в нашу первую траншею и не сумев развить успех, гитлеровское командование спешно перегруппировывает силы. Я доложил обстановку комдиву полковнику Ф. Е. Иванову (на Днепре он сменил генерала В. И. Калинина, убывшего из дивизии по болезни).

- Направил к тебе противотанковый дивизион, - сообщил комдив. - На тебя переключаю и весь шестой гвардейский артполк. Есть договоренность и с артиллеристами шестьдесят девятой дивизии. Тоже помогут. Так что сила у тебя большая, распорядись ею умело...

Потом со мной говорил начальник штаба дивизии. Он сообщил, что, по сведениям авиаразведки, от Новогеоргиевска к Колаборку движется колонна вражеской пехоты - до двух батальонов.

Примерно час спустя фашисты предприняли новую, еще более мощную атаку, и опять в стык флангов 1-го и 2-го батальонов. Два танка и рота автоматчиков прорвались к наблюдательному пункту командира 1-го батальона. Капитан Сиротин и четверо связистов приняли неравный бой. Иван Бочаров, Николай Соловьев, Андрей Попов вели ружейно-пулеметный огонь по пехоте, а комсомолец рядовой Николай Старостин пополз навстречу танкам. Он подорвал один танк гранатами, а четверть часа спустя отважный юноша бутылками с

горючкой поджег и вторую боевую машину.

Фашистские автоматчики трижды пытались атаковать наблюдательный пункт, но Максим Иванович Сиротин и славная четверка связистов отбили все атаки. Они продержались до подхода подкрепления, которое привел комсорг батальона - очень храбрый и хорошо подготовленный старший лейтенант Николай Сергеевич Щеколкин. Контратака его группы увенчалась полным успехом. Фашисты отступили, оставив на поле боя более 40 убитых. Комсорг Щеколкин вскоре стал парторгом, а затем и замполитом 1-го батальона и за боевые отличия был удостоен нескольких правительственных наград.

Рота старшего лейтенанта Свиридова заняла круговую оборону и стойко держалась, пока фронт батальона не был восстановлен контратакой полковых резервов. Хорошо помог роте пулеметчик Иван Федорович Нагорный, 17-летний доброволец с Полтавщины. Занявший выгодную позицию вражеский пулемет сильно досаждал роте. Нагорный пытался подавить его огнем своего пулемета - не удалось. Тогда, захватив гранаты, юноша пополз к фашистскому пулеметному гнезду и уничтожил вражеских пулеметчиков. Вернулся в свой окоп и дрался до тех пор, пока не получил два тяжелых ранения. В этом бою отважный орленок уничтожил до 50 гитлеровцев.

После госпиталя Иван Нагорный вернулся в полк и вместе с однополчанами закончил войну, в Австрии. Ныне он работает в колхозе в родных местах, на Полтавщине...

Прорвавшись в глубину обороны" 1-го батальона, гитлеровцы вышли к огневым позициям минометной роты старшего лейтенанта Анатолия Михайловича Ваганова. Часть бойцов тотчас же заняла круговую оборону, отбиваясь автоматным огнем и гранатами, а командиры и наводчики под руководством комбата продолжали стрелять из минометов.

Так благодаря упорному сопротивлению наших подразделений прорыв противника на левом фланге

1-го батальона не принес ему сколько-нибудь существенного успеха.

Однако в ходе второй атаки, как, впрочем, и первой, главные свои усилия противник сосредоточил против

2-го батальона. К 11 часам утра фашисты глубоко вклинились в его боевые порядки, расчленили на изолированные группы 4-ю роту, окружили взвод лейтенанта Яковлева. Четырежды яковлевцы сходились с фашистами в рукопашном бою и четырежды их отбрасывали. Ряды взвода редели, и час спустя Александр Яковлев, уже дважды раненный, остался один. Гранаты кончились, он отстреливался из пистолета. Гитлеровцы кричали:

"Рус, сдавайся!" - "Врешь! отвечал лейтенант. - Русские не сдаются!" Коммунист Александр Тимофеевич Яковлев последний патрон оставил для себя.

Старшину Александра Владимировича Белянина гитлеровцы окружили в траншее, где лежали тяжелораненые, за ними должна была прийти санитарная машина, но не успела. Собрав у раненых патроны и гранаты, старшина более часа в одиночку держал оборону. Сам был ранен, но спас жизнь четырнадцати бойцам и командирам.

Около полудня накал боя достиг кульминационной точки. Немецкие каски замелькали уже за ближними буграми, в 100-150 шагах от моего наблюдательного пункта. Пришлось и нам взяться за оружие. Офицеры штаба, связисты, ординарцы вышли в траншею, открыли огонь по врагу. Полковой резерв - рота автоматчиков старшего лейтенанта Ололенко - стоял неподалеку. В течение дня я уже дважды вводил его в бой на разных участках. Пришлось ввести и третий раз. Автоматчики обошли атакующих фашистов, те было попятились, да поздно. Мы контратаковали с фронта, и гитлеровцы, попав между двух огней, были разгромлены.

Продолжая наступать, автоматчики Ололенко вышли к песчаным буграм. Бой как-то стал затухать, видимо, противник не мог сразу восполнить потери и теперь старался закрепиться. Велик был соблазн немедленно бросить в бой второй эшелон полка - батальон Кулемина. Но я - который раз за сегодня! - сдержал себя. Да, чем глубже увязали фашисты в нашей обороне, тем явственнее вызревала мысль о внезапной и мощной контратаке. Кажется, такой момент наступил. Его нельзя упустить, но и слишком спешить тоже нельзя, ибо поспешность может привести к тому, что 3-й батальон лишь вытолкнет противника на исходные его позиции. А мы можем и должны добиться большего, то есть перелома в борьбе за Кола-борок.

Свои соображения я доложил командиру дивизии, он - командиру корпуса. План был одобрен, наши действия увязаны с действиями 69-й гвардейской стрелковой дивизии. Удар с целью овладеть селом и с ходу выйти на гребень господствующей высоты настоятельно диктовался всей обстановкой. По сведениям разведки, к Новолиповскому плацдарму выдвигались главные силы еще одной вражеской дивизии - 320-й пехотной. Значит, чем скорее мы выйдем на высоту, тем больше шансов упредить противника в захвате выгодного рубежа.

Все эти переговоры, увязка взаимодействия с 11-м полком нашей дивизии и 69-й дивизией были закончены очень быстро. В 13.00 вся полковая и дивизионная артиллерия обеих наших

дивизий провела короткий, но мощный артналет. Вслед за этим батальоны ринулись вперед, в атаку, с ходу овладели позициями на песчаных буграх, преодолели лощину и быстро двинулись вверх по скатам высоты. Я с радистом и телефонистами поспешил за наступающими цепями. 1-й и 2-й батальоны атаковали Колаборок, 3-й батальон обошел село с юга. Вот кулеминские роты приблизились к гребню высоты, вот и скрылись за ним. "Занял деревню Ветрово, доложил Кулемин. - Пересекаю дорогу от Колаборка на Новогеоргиевск".

Почти одновременно два других наших батальона полностью очистили от противника Колаборок и тоже вышли на гребень. Это уже был большой успех. С высоты я хорошо видел группы вражеских солдат, бегущих к роще, что западнее села. Туда же устремились их бронетранспортеры и тягачи с пушками на прицепе. Но роща уже была занята стрелковой ротой старшего лейтенанта Александра Ивановича Санникова. Бойцы встретили фашистов дружным огнем, они в панике рассыпались по северо-западным скатам высоты, побежали вниз - прямо навстречу наступающим подразделениям 69-й стрелковой дивизии.

Комбаты один за другим докладывали бодрыми голосами о трофеях и пленных, об особо отличившихся гвардейцах.

До вечера противник, подтянув свежие силы, трижды переходил в атаку на Колаборок. Взаимодействуя с 11-м полком и частями 69-й дивизии, мы отразили все атаки и еще более улучшили свои позиции. Так закончился для нас этот напряженный боевой день 7 ноября 1943 года. 26-ю годовщину Великого Октября воины полка отметили большим боевым успехом. Теперь, вспоминая многодневные бои за Колаборок и господствующую высоту, а также предшествующие бои на острове Яцков, я нахожу в них общее прежде всего в том, что в обоих случаях перелом в нашу пользу был достигнут мощной и неожиданной для противника контратакой. Сложность тут заключалась в правильном выборе момента для контратаки, чтобы, несмотря на жесточайшую нужду в подкреплении своей обороны, не израсходовать необходимый для решительных действий резерв прежде времени. После захвата Колаборка на Новолиповском плацдарме наступило относительное затишье.

Так прошло 20 дней, а в ночь на 28 ноября 5-я гвардейская воздушно-десантная дивизия сдала свой боевой участок 69-й гвардейской стрелковой дивизии и через понтонную переправу перешла с Новолиповского плацдарма на наш берег Днепра. Совершив марш к Кременчугу, в ночь на 1 декабря дивизия снова была готова к переправе на правый берег, на этот раз на Крюковский плацдарм. Боевая задача нашего соединения

состояла в том, чтобы, переправившись, с ходу наступать на город Новогеоргиевск с юга, через крупные населенные пункты Табурище и Ревовку.

Те двое суток, которые даны были нам на подготовку, штаб полка постарался использовать наилучшим образом. На противоположном берегу на рекогносцировке местности побывал весь офицерский состав и часть сержантов. С ними до деталей были отработаны не только чисто боевые задачи, но и такой, например, вопрос, как вывод подразделений на исходные позиции. Делать это нам предстояло ночью, за три-четыре часа до начала наступления, поэтому командиры должны были отлично ориентироваться на местности, чтобы без задержек провести батальоны и роты прямо с понтонной переправы на передовую, в траншеи.

Подобный метод действий, когда новые части вводятся на тот или иной плацдарм за считанные часы до начала атаки, обеспечивал скрытность подготовки и часто давал хорошие результаты. Чтобы не раскрыть своих планов и усыпить бдительность противника, нам категорически запретили проводить разведывательные поиски. Правда, особой нужды в этом и не было, так как в предыдущих боях фашистская оборона была вскрыта довольно подробно. Она имела две линии сплошных траншей, густо прикрытых проволочными заграждениями и минными полями. Высоты в глубине обороны (на них стоял и Новогеоргиевск) позволяли контролировать огнем значительную часть Крюковского плацдарма.

Наступил вечер 30 ноября. Батальоны двинулись к переправе. Слегка морозило. Над темной рекой, над понтонным мостом, над молчаливыми колоннами идущих на противоположный берег людей загорелись далекие белые звезды. Тихо плескалась вода между понтонами, урчали моторы грузовиков. Глухие звуки переправы растворялись в туманной мгле.

Проводив на тот берег последний батальон, знакомой дорогой - через Кременчуг и Кривуши - я вернулся во Власовку, на совещание в штаб 4-й гвардейской армии. В хате, за дубовым столом, сидели члены Военного совета во главе с командармом генералом И. В. Галаниным. Знаменитый фронтовой светильник - сплющенная под широкий фитиль гильза "сорокапятки" - бросал скупой свет на расстеленную на столе карту. Углы хаты тонули в полумраке. Народу набилось много, человек 30-40: командиры дивизий и полков, офицеры штабов, артиллеристы, инженеры, связисты, танкисты.

Открыл совещание Иван Васильевич Галанин. Командарм объяснил общую задачу: одновременно ударом с двух плацдармов

- северного, Новолиповского, и южного, Крюковского, овладеть Новогеоргиевском и разгромить гитлеровскую группировку, все еще удерживающую правый берег Днепра между этими плацдармами. Особое внимание командарм уделил организации завтрашнего боя в первые его часы. Сложность для нашей дивизии, например, состояла в том, что она, не сменяя находящуюся на переднем крае 299-ю стрелковую дивизию, пойдет в наступление через ее боевые порядки.

Командарм, называя по фамилиям некоторых командиров дивизий и полков, задал им несколько вопросов. Среди других услышал я и знакомую фамилию Карпунин. В полутьме было плохо видно, но голос докладывавшего я узнал. Конечно, это он, Виктор Михайлович Карпунин, мой первый командир и учитель. Он был тогда начальником полковой школы, "превосходным методистом. Его приемы и методы воспитания и обучения младших командиров я крепко усвоил и потом применял в своей практике.

Время почти не наложило своей печати на внешность Виктора Михайловича Карпунина, ныне подполковника, командира полка. Он был отличным спортсменом и строевиком, таким, по-видимому, и остался. Подтянут, бодр, энергичен. Сжал меня в сильных объятиях, смотрит тепло в глаза, улыбается.

- Повзрослел, - говорит. - И в чинах меня догнал. Семь лет не виделись. Срок, а? Как твоя Александра Павловна?

Я рассказал, что жена с детьми в эвакуации. Оказалось, что и его супруга, Янина Станиславовна, тоже жила на востоке страны. Обменялись мы адресами, договорились встретиться после взятия Новогеоргиевска, да не пришлось. Лишь 15 лет спустя на большой военной игре, где я выполнял обязанности командира корпуса, моим посредником оказался старший преподаватель академии связи полковник Виктор Михайлович Карпунин. С той поры мы друг друга из вида не теряем.

После совещания в штабе армии я тотчас же вернулся в Кременчуг, переправился на Крюковский плацдарм и догнал полк. Батальоны уже вошли в боевые порядки 299-й стрелковой дивизии и готовились в ее траншеях к атаке. В первом эшелоне полка

2-й и 3-й батальоны.

Полку, как я уже говорил, предстояло наступать на Новогеоргиевск, на северо-запад, параллельно Днепру и тому самому острову Яцков, за который мы дрались в октябре. Местность в общем благоприятна для наступающих - нет ни крупных лесных массивов, ни болот, ни значительных водных рубежей. Лишь западнее села Табурище небольшая

возвышенность да у Новогеоргиевска гряда высот и мелкая речка Цыбульник, впадающая в Днепр.

Наш план состоял в следующем: 2-й батальон капитана А. А. Новика (замполит был назначен комбатом после ранения И. В. Коновалова) наступает вдоль дороги на Табурище, Ревовку, Новогеоргиевск; 3-й батальон капитана В. П. Кулемина обходит Табурище слева и овладевает возвышенностью; 2-я рота автоматчиков старшего лейтенанта И. И. Ололенко, прикрывая правый фланг полка, продвигается по берегу Днепра до впадения в него Цыбульника. Выйдя к Новогеоргиевску, подразделения совместно атакуют этот мощный опорный пункт. Тогда же мы рассчитывали ввести в бой наш второй эшелон - 1-й батальон капитана М. И. Сиротина.

Обсуждая детали плана с командирами подразделений, я настоятельно потребовал от них избегать лобовых атак, искать и находить в каждой ситуации возможности для маневра, удара во фланг и тыл противника, тем более что он ныне стал весьма чувствителен к такого рода угрозам.

И вот наступил рассвет 1 декабря. С наблюдательного пункта мне открылся вид на слегка всхолмленную, изрезанную траншеями местность. Холодное красное солнце осветило бурые, почти без снега, поля, промерзшую ленту дороги, уходящей в Табурище, голые редкие рощицы...

Ударила наша артиллерия. Мощный 10-минутный огневой налет - и батальоны поднялись в атаку. Левее нас наступал 16-й гвардейский воздушно-десантный полк. Бой начался успешно, подразделения ворвались в первую траншею, быстро продвинулись к Табурищу. Я шел за боевыми порядками 2-го батальона и видел, что гитлеровцы с окраины села открыли сильный огонь. Ударили минометы, пулеметы и орудия, выставленные на прямую наводку. Стрелковые роты были вынуждены залечь.

Связался по радио с 3-м батальоном. Кулемин доложил, что уже обошел Табурище с северо-запада, перерезал дорогу на Новогеоргиевск и атакует возвышенность, по которой тянется эта дорога. Понимая, что там решается сейчас успех боя полка, я поспешил к Кулемину. Застал его на высотке, в траншее. Глазам открылась такая картина. Внизу вьется полевая дорога. Ее перебегают бойцы 9-й роты и приближаются к другой высоте, что в 300-400 метрах от нашей. Она густо оплетена колючей проволокой, оттуда частят фашистские пулеметы.

Рядом с Кулеминым - офицер-артиллерист, корректирующий огонь гаубичной батареи. Он быстро переносит огонь гаубиц на высоту. Снаряды крушат колья колючей проволоки, словно косой

выкашивая в ней проходы. Полетели в воздух обломки досок и бревна блиндажей. Через проходы, проделанные артиллерийским огнем в колючей проволоке, 9-я рота ворвалась во вражеские траншеи на восточных скатах высоты. Вскоре высота была взята.

С большим удовлетворением наблюдал я в этот день за боевой работой комбата-3 Кулемина и его подчиненных. Неузнаваемо изменился комбат за последние три месяца, с сентября, когда после ранения Грязнова принял батальон. Начинал, прямо скажем, робко. Но когда вышли на Днепр, Василий Петрович уже перестал, выражаясь образно, "оглядываться по сторонам". Бой за остров Яцков решила стремительная и мощная атака его батальона. На Новолиповском плацдарме он опять-таки действовал превосходно. И вот сейчас доложил мне решение, которое способен принять зрелый, уверенный в себе и своих людях командир.

Еще до моего появления в батальоне, когда бой за возвышенность стал затягиваться, Кулемин направил к Новогеоргиевску, в обход опорных пунктов противника в Скобиевке и Черноморке, 7-ю стрелковую роту. Ее командиру поставил задачу форсировать речку Цыбульник и "прощупать" оборону врага на подступах к Новогеоргиевску. Трезво оценив все плюсы и минусы боевой обстановки, Кулемин не побоялся рискнуть и бросить часть сил далеко вперед.

Сейчас смелое решение уже принесло должные плоды. 7-я рота, углубившись почти на 7 километров в оборону противника, вышла к Цыбульнику и вместе с подошедшей 8-й ротой переправилась через речку. А к 10 часам утра уже весь 3-й батальон был на противоположной стороне. До Новогеоргиевска оставались считанные километры.

Мы быстро продвигались к Ревовке, находящейся рядом с Новогеоргиевском, когда поступило весьма обнадеживающее донесение с правого фланга, от Ололенко. Его рота автоматчиков очистила от гитлеровцев берег Днепра, обогнала главные силы полка и уже выскочила на дорогу между Ревовкой и Новогеоргиевском.

Надо было немедленно развить успех. Я ввел в бой второй эшелон - батальон капитана Сиротина. После форсированного марша батальон ворвался в юго-восточную часть города. Батальон Кулемина завязал бой на южной окраине. Левый сосед - 16-й полк - обходил Новогеоргиевск с юго-запада. В целом обстановка вполне благоприятная, если бы не задержка 2-го батальона под селом Табурище, которое оказалось в данный момент уже в глубоком нашем тылу.

Табурище было сильно укреплено. Развитая сеть траншей и

ходов сообщения, колючая проволока, минные поля, хорошо спланированная система огня, - все это сделало оборону противника труднопреодолимой. Поддержкой тяжелой артиллерии мы не располагали, поэтому батальону Новика пришлось буквально вгрызаться в этот опорный пункт.

Инициативно действовал взвод лейтенанта А. А. Пи-гина. Встретив сильное огневое сопротивление на окраине Табурища, Пигин приказал одному отделению отвлечь на себя внимание фашистов, а сам с остальными бойцами скрытно, дворами и огородами, пробрался к центральной площади. На ней и на прилегающих улицах стояло множество машин и артиллерийских тягачей. Взвод Пигина атаковал фашистов. Бойцы подорвали и сожгли несколько машин с боеприпасами, солдаты тыловых подразделений противника в панике метались по селу. Услышав сильный бой в центре села, стала отходить с передовой и гитлеровская пехота. В огневой системе опорного пункта образовались провалы, взаимодействие разладилось. Этим немедленно воспользовался комбат капитан Новик. Роты ворвались в село и вскоре овладели им. Так инициатива лейтенанта Пигина оказала решающее влияние на борьбу за Табурище.

Поскольку 2-й батальон, штурмуя Табурище, сильно отстал от главных сил полка, я вывел его во второй эшелон. Между тем бой за Новогеоргиевск становился все напряженнее.

Город стоял на горе, но юго-восточная его часть спускалась - вниз по склону. Спуск крутой, издали казалось, что домики окраинных улочек громоздятся один на другой. Там дрались 1-й и 3-й батальоны. Оба комбата докладывали, что противник контратакует. 15 танков и пехота фашистов стремились зажать батальоны в клещи и сбросить вниз, в лощину.

Надо было увидеть все своими глазами. На первой попавшейся повозке, доставившей боеприпасы, вместе с офицерами штаба капитаном Вдовиным и старшим лейтенантом Бобриковым мы съехали под гору, потом - вверх по улице.

- Фашисты! - крикнул Бобриков, вскидывая автомат.

И верно: там, в конце улицы, замелькали фигуры гитлеровцев. Поставили повозку в ближайший двор, из которого группа бойцов 1-го батальона вела огонь по противнику. Вдовин и Бобриков присоединились к ним, радист отыскал в эфире Сиротина и Кулемина.

Комбаты доложили, и обстановка в городе для меня прояснилась: противник ожесточенно сопротивляется, необходимо спешно стянуть сюда все имеющиеся силы.

Подтянули 2-й батальон и резерв - 1-ю роту автоматчиков и

роту противотанковых ружей. Карьером подлетела батарея Голубенко. Капитан Мрыхин поставил задачи приданной и поддерживающей нас артиллерии. Огонь гаубичного дивизиона накрыл скопившуюся в верхних садах гитлеровскую пехоту и танки. Полковые пушки ударили по зданиям, в которых засели гитлеровцы. Батальоны с боем пробивались к центру города, причем автоматчики старшего лейтенанта Меркушева далеко опередили главные силы. С юго-запада ворвались в Новогеоргиевск 11-й и 16-й полки нашей дивизии.

И вот тут-то, когда явственно наметился перелом боя в нашу пользу, мне и начальнику штаба дивизии полковнику Кожушко не повезло. Иван Никитович только что приехал в Новогеоргиевск и нашел меня - в одном из дворов я докладывал по карте обстановку. Вдруг - характерный свист, пауза, грохот разрывов. Минометный залп накрыл двор. Меня сильно толкнуло в правый бок, но на ногах устоял. Чувствую: потекло под полушубком что-то горячее. Полковник Кожушко присел на камень, сморщился от боли. Прибежал врач, осмотрел нас. Надо, говорит, немедленно эвакуировать вас в госпиталь. Не хотелось покидать полк, а что сделаешь? Доложил я комдиву, сдал полк Сергею Егоровичу Сологубу, на днях вернувшемуся в полк из госпиталя, попрощался с товарищами. Подошла машина из дивизионного медсанбата. Уложили нас с Иваном Никитовичем на подвесные койки, повезли.

В медсанбате мне сделали операцию, а утром 2 декабря пришли навестить однополчане. Рассказали, как был освобожден Новогеоргиевск.

Когда в тот же вечер меня отправили в глубокий тыл, в Москву, я думал, что, вылечившись, непременно вернусь в родную дивизию, в полк. Однако этого не случилось.

Открытый фланг

После госпиталя мне предоставили отпуск. В семье, с женой и детьми, месяц пролетел незаметно. В марте 1944 года я вернулся в Москву, в Управлении кадров получил новое назначение - начальником штаба 12-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Дивизия начала формироваться, прибывали люди, боевая техника поступала без задержек. Вскоре мы уже приступили к плановым занятиям.

Командира дивизии у нас еще не было, поэтому на первых порах мне пришлось кроме штабной работы выполнять и его обязанности. Помогало то, что ближайшие мои заместители оказались отлично подготовленными штабными офицерами. Оперативное отделение возглавлял подполковник Алексей Никитович Цысь неторопливый и абсолютно невозмутимый

человек. При первом знакомстве его истинно олимпийское спокойствие можно было принять за безразличие. Но это не так. Наоборот, Алексей Никитович очень любил свою работу. Документацию отрабатывал отлично, предложения и выводы по оперативным вопросам всегда тщательно обосновывал. Большой труженик, он и офицеров-операторов подобрал себе под стать. Майор В. С. Красильников, старшие лейтенанты А. Л. Голованов и К. С. Оводов имели солидную теоретическую подготовку и хорошо справлялись со своими обязанностями. Оперативное отделение, как и должно, стало опорой штаба дивизии.

Отделением разведки руководил Петр Петрович Иванов - сильный, спокойный, инициативный. Был он по характеру несколько замкнут, как говорят, в душу к себе не пускал. Да и то сказать: профессия разведчика предполагает сдержанность.

Недели через две прибыл только что назначенный командир дивизии генерал-майор Михаил Иванович Денисенко, опытный десантник, еще до войны командовавший воздушно-десантной бригадой. Воевал с первых дней, отличился в сорок втором под Сталинградом, за успешное форсирование Днепра был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В ту пору Михаилу Ивановичу было около 50 лет. Всегда доступный для подчиненных, справедливый, очень энергичный, он не любил засиживаться в штабе.

- Уговариваемся так, - сказал он мне при первом знакомстве, - в штабе ты полновластный хозяин. Опекать по мелочам не в моих правилах. Требую одного: держи свое хозяйство в порядке и полной боеготовности. А то знаешь, как бывает: командиру надо немедленно принимать решение, а начальник штаба не готов - нет необходимых данных. Операторы суетятся, разведчики чего-то ищут, а время идет.

Потом я увидел комдива в бою. Он хорошо владел всеми методами управления войсками, умел видеть не только то, что видно с наблюдательного пункта, но и перспективу развития боя. Был очень храбрым. Даже излишне храбрым. Почему излишне? Да потому, что - и, надеюсь, вы согласитесь со мной - в нормальной боевой обстановке командир дивизии все-таки должен в основном находиться на своем командном или наблюдательном пункте, а не в боевых порядках атакующих батальонов.

В августе 1944 года после нескольких месяцев напряженной боевой учебы мы получили приказ грузиться в эшелоны. Дивизию по железной дороге перебросили в Белоруссию, в район Пуховичей, Лапичей. Здесь, в резерве, мы простояли до зимы. В декабре 12-я гвардейская воздушно-десантная дивизия была переформирована в 105 гвардейскую стрелковую дивизию в

составе 331, 345 и 349-го гвардейских стрелковых полков{14}. Вошла в дивизию и 56-я гвардейская артиллерийская бригада трехполкового состава: 165-й пушечный, 201-й гаубичный и 535-й минометный гвардейские полки. Количественно и качественно выросла артиллерия и в полках и в батальонах. Общая огневая мощь стрелковой дивизии значительно увеличилась даже по сравнению с недавними временами - с сорок третьим годом.

105-ю гвардейскую дивизию называли комсомольской. И действительно, в конце 1944 года не часто встречались соединения, имевшие такой же ровный, почти только молодежный состав. Совсем как в мирные годы. Например, бойцов и офицеров от 18 до 25 лет было у нас 8938 человек, или 78 процентов; от 26 до 30 - 1436, или 12 процентов; до 40 - 937, или 8 процентов; и только 177 человек (2 процента) имели возраст более 40 лет. Можно еще только добавить, что более 6000 человек были комсомольцами, около 2000 - коммунистами. В общем очень сильный состав.

В конце 1944 года 105-я гвардейская дивизия получила приказ передислоцироваться по железной дороге в Польшу. Погрузились, поехали. В пути маршрут неоднократно менялся, эшелоны подолгу стояли. Причин этого мы не знали, хотя кое-что можно было предположить, изучая внимательно сообщение Совинформбюро о ходе боевых действий. Как раз в это время, во второй половине января 1945 года, развивалось большое наступление советских армий от Вислы к Одеру, а на юго-западе, в Венгрии, гитлеровское командование нанесло сильный танковый контрудар по войскам 3-го Украинского фронта. На это направление мы в конце концов и вышли в феврале.

Пятый месяц шли на венгерской земле кровопролитные бои. Советские армии освободили Будапешт, разгромили и пленили здесь почти 200-тысячную группировку противника. В напряженном оборонительном сражении у озера Балатон и города Секешфехервар 4-я гвардейская армия перемалывала танковые и моторизованные дивизии 6-й немецкой танковой армии СС. Близился час полного освобождения Венгрии.

В начале марта 105-я дивизия разгрузилась в районе железнодорожных станций Сольнок, Абонь и Сайон. Здесь, юго-восточнее Будапешта, стояла в резерве 9-я гвардейская армия генерал-подполковника В. В. Глаголева. Наша дивизия вошла в состав 38-го гвардейского стрелкового корпуса этой армии.

В местах выгрузки не задержались. Дивизия двинулась к передовой по 250-километровой дуге на север, потом на запад и юго-запад и вышла к фронту севернее Секешфехервара. Здесь я узнал, что мартовские талые поля, забитые сожженными

"тиграми", "фердинандами", "пантерами", недавно входили в полосу обороны 20-го гвардейского корпуса, 5-й гвардейской дивизии, а значит, и моего родного полка. Мне рассказали о тяжелых боях у озера Балатон, о том, как части дивизии отражали танковые атаки под Замолем, как дважды брали город Секешфехервар. Оказалось, именно у 4-й гвардейской армии принимает сейчас часть полосы наша 9-я гвардейская армия...

21 марта. Шестой день наступления. Пока что мы продвигались во втором эшелоне корпуса. Полки шли к станции Мор по двум параллельным дорогам. Посмотрел на часы. Ровно 12. Весенний полдень, а погода дрянь. Мутное небо, холодный, порывистый ветер гонит по нему влажные растрепанные облака. Солнце проглядывает нехотя, словно не нравится ему вид этой холмистой равнины черной, насыщенной водой земли, голых, посеченных осколками деревьев у дороги, серых пятен лежалого снега.

Впереди развалины станции Мор.

Канонада гремела все ближе, мы быстро догоняли дивизии первого эшелона. Значит, их наступление застопорилось. Так и есть! Полковник Цысь вручил мне только что полученный из штаба корпуса приказ: "...105-й дивизии, развернувшись на рубеже Ака, Нодьвельг, перевалить через боевые порядки 106-й дивизии, развить наступление на Кевеш, Ач-Тесер..." Срок ввода дивизии в бой 15.30. Итак, в нашем распоряжении только три с половиной часа. Это очень мало. Я поспешил в голову колонны, в 349-й гвардейский полк. Доложил генералу Денисенко: Расстелив карту на капоте машины, он отметил на ней рубеж ввода дивизии в бой.

- Мало времени, - вздохнул он. - Что предпринял?

- Полковник Цысь уже выехал в штаб сто шестой дивизии с собственной радиостанцией. Получит там необходимые сведения, будет оперативно информировать нас о всех изменениях боевой обстановки. Есть еще одно предложение...

- Слушаю...

- Штаб предлагает вводить дивизию в бой без перегруппировки: триста сорок пятый полк-на правом фланге, триста сорок девятый - на левом. За ним вторым эшелоном - триста тридцать первый полк. Так, как они идут сейчас.

- Верно, - согласился генерал Денисенко. - Сбережем дорогое время. А еще больше его сбережем, если наши командиры полков установят прямой контакт с командирами полков сто шестой.

- Пошлем в полки сто шестой офицеров. Тоже с радиостанциями...

Я вернулся в штаб, чтобы отдать соответствующие

распоряжения. Там меня нетерпеливо ожидал полковник Пичкура, командующий артиллерией дивизии.

- Без артиллеристов наступать хотите?

- Что за шутки, Петр Антонович?

- Я не шучу. Выбрать районы огневых позиций время нужно? Нужно. Разместить на них артиллерию - тоже дай время. Ну, положим, все это мы сделаем быстро не впервой. Однако обнаружить цели, подготовить исходные данные для стрельбы это с ходу не делается. Вернее, делается, но... когда никакого иного выхода нет.

- А у тебя есть?

- Есть, хороший выход, Илларион Григорьевич. Пусть артиллерия сто шестой дивизии остается на своих позициях, но огонь она будет вести по нашему плану.

- Отлично!

Предложение полковника Пичкуры оказалось очень ценным и своевременным еще и потому, что поддерживающая нас армейская артиллерия вела огонь на предельных дальностях. Если нам удастся с ходу прорваться в глубину обороны противника, артиллерия эта должна будет менять огневые позиции, как бы догонять нас. Значит, в самый нужный момент 105-я дивизия лишится артиллерийской поддержки.

Конечно, решить вопрос о временном подчинении нам артиллерии 106-й дивизии мы сами не могли. Генерал Денисенко связался с командиром корпуса, и тот отдал соответствующий приказ. Так, несмотря на крайне ограниченное время, 105-я дивизия успела провести необходимую для наступления подготовку. Уже западнее станции Мор и железной дороги, пройдя через боевые порядки 106-й дивизии, наши полки точно в 15.30 атаковали противника в полосе шириной около 7 километров. Холмистая местность здесь переходила в горы, покрытые лесом, а хороших дорог было всего две. Поэтому и 345-й и 349-й полки наступали в глубоких боевых порядках - в три эшелона.

Часа через полтора после начала боя я связался по рации с левофланговым 349-м полком:

- Доложите обстановку!

- Продвигаемся по плану, - ответил полковник Кудрявцев. - Батальон Крымова выходит к первому рубежу. Артиллерия противника ведет сильный огонь из населенного пункта Шур. Даю координаты, прошу подавить...

- Что известно нового о противнике?

- Захвачены пленные из второй венгерской танковой дивизии.

Итак, в первом эшелоне 349-го полка наступал 2-й батальон

майора Крымова. Николай Иванович Крымов - кадровый офицер, до армейской службы - московский рабочий. Гражданская его профессия часто напоминала о себе. Любил, например, сравнивать оружие с инструментом. Бойцов учил: "Сначала научись правильно держать инструмент. Хватку вырабатывай, понимаешь? Чтобы автомат твой стал продолжением рук твоих и глаза, как напильник в руках классного слесаря. Иначе ты не солдат: себя не защитишь, и батальону никакой пользы..." Сам он безупречно владел всеми видами "инструментов", состоявших на вооружении батальона.

Крымов поощрял инициативных воинов, ставил в пример остальным, будил в людях стремление к поиску. И в первом же бою это проявилось в действиях всего батальона. За железной дорогой он встретил вражескую оборону, опиравшуюся на опорные пункты в поселках Дамб, Кевеш, Шур. Огневые точки противник разместил на возвышенностях, в каменных домах с толстыми стенами. Ликвидация каждой такой огневой точки требовала времени, и батальон мог бы "завязнуть" в этих населенных пунктах. Но выручила инициатива рядовых и сержантов.

Поселок Шур атаковала 4-я рота. С окраины открыл огонь мощный дзот, в котором разместились одновременно противотанковое орудие и крупнокалиберный пулемет. Рота вынуждена была залечь. В ходе боя отделение сержанта Н. И. Навроцкого вырвалось вперед. Навроцкий не стал ждать, пока подтянутся боевые порядки подразделения. Его люди находились в пятистах шагах от окраины, противник все внимание сосредоточил на роте. Сержант скрытно провел своих бойцов в Шур, они обошли дзот и уничтожили его гарнизон.

В том же поселке в уличном бою отличился сибиряк младший сержант Анатолий Васильевич Воронин. Вражеские пулеметы, установленные в подвалах каменных зданий, простреливали подступы к центральной площади Шура. Продвижение роты опять было задержано. Пробравшись дворами в тыл гитлеровцам, Воронин в одиночку подорвал гранатами все три пулеметные точки вместе с расчетами.

В то время как 349-й полк полковника И. В. Кудрявцева, ломая сопротивление противника, успешно продвигался, на правом фланге дивизии, на участке 345-го полка полковника М. А. Котлярова возникли осложнения. Я связываюсь по рации с начальником штаба майором И. М. Балацким. Он докладывает:

- Полк вышел к поселку Ач-Тесер. Противник контратакует.

- Какими силами? С какого направления?

Балацкий ответил как-то неопределенно, расплывчато,

общими фразами. И это я замечал за ним не в первый раз. Неплохо теоретически подготовлен, он был очень инертен. Прикажешь - сделает, не прикажешь - сам не догадается. Вот и сейчас: противник контратакует, командир полка ушел на угрожаемый участок, а начальник штаба обстановку на правом фланге полка представляет смутно, никаких мер для ее уточнения не принимает...

Между тем противник начал столь сильную контратаку, что командиру дивизии пришлось срочно вызвать на подмогу штурмовую авиацию, сосредоточить на этом участке огонь двух полков нашей 56-й гвардейской артиллерийской бригады. Потеряв несколько танков и самоходных орудий, фашисты были вынуждены отойти...

Эта контратака была для нас первым сигналом тревоги на правом фланге. Ведь он открыт, и 345-й полк, наступая в западном направлении, должен одновременно выделять силы и для прикрытия с севера. Скажу заранее, что вся последующая неделя прошла под знаком угрозы, постоянно нависавшей над дивизией с открытого фланга. Поэтому в первый же день генерал Денисенко выдвинул туда свой наблюдательный пункт, взял это направление под особый контроль.

Вечером 21 марта командный пункт дивизии переместился в Дамб. Наступление развивалось в хорошем темпе. К исходу дня дивизия продвинулась на 11 - 13 километров. Все говорило за то, чтобы продолжить наступление ночью. Такое решение и принял генерал Денисенко. Получив приказ, я пригласил к себе своих ближайших помощников по штабу подполковника А. И. Цыся, майора П. П. Иванова, командира батальона связи капитана Н. И. Распутина, начальника штаба артиллерии подполковника Г. И. Тунгускова, начальника тыла подполковника Г. П. Работкина. Зашел к нам и начальник политотдела подполковник Н. Н. Гришечкин.

Разговор у нас был короткий, так как ночь, как говорится, уже смотрела в глаза, а дел еще было непочатый край. В первую очередь мы вводили в бой вторые эшелоны 345-го и 349-го полков. Надо было установить с ними проводную связь (днем мы сообщались только по радио); третьи эшелоны этих полков разовьют удар на рассвете; вперед выдвигались команды для выбора и оборудования новых командного и наблюдательных пунктов, туда же в течение ночи перемещался и второй эшелон дивизии - 331-й полк. Большая работа предстояла нашим артиллеристам, саперам, связистам, тыловикам, медикам.

Минут через 30-40 все мои товарищи разошлись и разъехались по частям.

Особое внимание пришлось опять уделить открытому правому флангу. Если за ночь дивизия продвинется еще километров на 8-10, то и участок 345-го полка растянется на такое же расстояние, и нам придется развернуть фронтом на север уже все его батальоны. Но и этого мало. Для того чтобы дивизия могла уверенно выступать в западном направлении, надо прикрыться справа хорошим артиллерийским щитом. Это мы и сделали, выдвинув на усиление 345-го стрелкового полка 165-й пушечный полк подполковника Петра Михайловича Левченко.

Ночь прошла беспокойно. Около часу командир 349-го полка доложил в штаб дивизии, что потеряна связь с 3-м батальоном капитана Е. К. Осипова, совершавшим довольно сложный маневр. Батальон был выдвинут из второго эшелона с задачей развить успех полка глубоким обходом и ночной атакой на Шур-Шучар. Мы знали Евгения Константиновича Осипова как очень инициативного и энергичного офицера, мастера маневра. Куда он пропал?

Впрочем, пропасть в этих местах не мудрено. Кругом, горы - не такие уж высокие, но покрытые густым лесом. Весь массив называется Баконьский Лес. Уж не заблудился ли в нем Осипов?

И вдруг под утро рация 3-го батальона сообщила: "Приказ выполнен. Шур-Шучар занят". Однако к этому времени главные силы полка уже подошли к Шур-Шучару с востока и вели огневой бой с противником, оборонявшим село. Полковник Кудрявцев передал Осипову по радио: "Вы потеряли ориентировку. В Шур-Шучаре - фашисты. Уточните местонахождение батальона".

Ну, а 349-му полку пришлось задержаться под Шур-Шучаром еще на два часа, пока не выбили из него фашистов. Вскоре позвонил левый сосед - командир 104-й дивизии. Говорит генералу Денисенко:

- Благодарю за содействие. Очень ты своевременно ударил с фланга.

Михаил Иванович пробормотал что-то невразумительное. Потом вдруг от души расхохотался:

- Ай да лихач! Вон куда забрел - в чужую полосу!

- Кто забрел?

- Да все он, Осипов. Как же я сразу не догадался?

Когда 3-й батальон вернулся в свой полк, мы выяснили всю эту историю. Ночью капитан Осипов повел своих бойцов в обход Шур-Шучара. Шли горным лесом, была низкая облачность, что затрудняло ориентировку. Они проскочили мимо Шур-Шучара, углубились километров на 10 в расположение противника. В предутренней туманной мгле увидели раскинувшееся по склону горы село. Осипов послал туда разведчиков. Они доложили, что в селе засело до роты солдат противника, стоит минометная батарея.

Капитан Осипов, развернув батальон, стремительно атаковал село. Бой завершился рукопашной схваткой. Противник был разгромлен, захвачены трофеи и три десятка пленных.

Село это называлось Сапар, и находилось оно тогда в глубине вражеской обороны, противостоящей нашему соседу, 104-й стрелковой дивизии. Накануне вечером фашисты предприняли сильную контратаку против дивизии, а утром, узнав, что в Сапаре советские войска, они не то чтобы отошли, а прямо-таки отскочили на 9-10 километров. А 104-я стрелковая дивизия сделала тотчас рывок вперед и даже обогнала нас флангом.

Когда мы разбирали в штабе это происшествие, то среди причин, его вызвавших, оказалась одна, на первый взгляд, пустяковая: переводчика в 3-м батальоне не было и, разговаривая с местными жителями, венграми, разведчики спутали действительно созвучные названия двух сел - Тучар и Сапар.

Кстати говоря, разгрому вражеского гарнизона в Сапаре помог местный житель. Об этом много лет спустя рассказал мне Иван Дмитриевич Долинин, тогда рядовой 7-й роты 349-го полка.

Венгр сам пришел к советским командирам, вызвался быть проводником и действительно вывел батальон к Сапару. Мешая венгерские слова с немногими русскими, помогая себе жестами, он рассказал о фашистской обороне, что знал. Ну, а что батальону нужен не Сапар, а Шур-Шучар, он знать, конечно, не мог. К сожалению, никто тогда не записал имени и фамилии этого венгерского патриота.

При разборе ошибки Осипова мнения у нас разделились: наказать Осипова или наградить? Одни говорили: потерял ориентировку, заблудился, хорошо еще, что так обошлось. А мог бы поставить батальон под удар. Другие им отвечали: не в ошибке суть, ошибиться мог каждый. А суть в том, чтобы в любых условиях, в самой путаной обстановке оставаться бойцом. Разве Осипов не боец? Конечно, боец. Да еще какой!

В общем и те, и другие были в чем-то правы. Послушал-послушал нас Михаил Иванович Денисенко и приказал:

- Отличившихся под Сапаром бойцов и командиров батальона наградить. Капитана Осипова не награждать. Это и будет ему наказанием.

Урок пошел Осипову на пользу. В последующих боях 3-й батальон 349-го полка действовал успешно, а сам комбат в течение месяца был дважды награжден орденами.

Пока на левом фланге дивизии происходили эти события, а 349-й полк, захватив наконец Шур-Шучар, двинулся вперед, резко осложнилась обстановка на правом фланге, на участке 345-го полка. 1-й батальон капитана Ивана Васильевича Сохненко, усиленный 165-м пушечным артполком, выдвинулся сюда еще ночью. Утром на подходе к городку Реде стрелковый батальон и артиллерия были атакованы фашистскими бомбардировщиками, а затем пехотным полком 9-й венгерской пехотной и 20 танками 6-й немецкой танковой дивизий.

Батальон залег, все орудия пушечного полка были поставлены на прямую наводку. Завязался напряженный бой. Когда мы с полковником Пичкурой во второй половине дня приехали к Реде, стрелки и артиллеристы отбили уже третью контратаку противника.

С наблюдательного пункта командира 345-го полка полковника М. А. Котлярова нам видна была широкая ложбина и гряды холмов по ее сторонам. Вдалеке справа, в 4-5 километрах, чернел лес. Впереди, освещенные заходящим солнцем, взбегали по горе домики небольшого городка. Это и есть Реде - цель наступления 345-го полка. От города навстречу нам тянулись голые, разделанные под виноградники склоны. Вечерело. Дымясь, догорали фашистские танки и бронетранспортеры. Начал считать

их, но сбился.

- Семнадцать бронетранспортеров, - доложил Котляров. - Танков шесть, самоходных орудий два. Трудный день. Видите холм за дорогой? Как бы о двух вершинах?

На подступах к этому холму, в 100-150 метрах от него, сгрудилась разбитая вражеская техника. Михаил Алексеевич с удовольствием рассказал о героях этого побоища - бойцах и командирах 2-й батареи 165-го пушечного артполка. Командовал ею старший лейтенант П. М. Останин. Сегодня, когда в бою выбыли из строя командир орудия и наводчик, Останин сам встал у прицела и метким огнем сжег три бронетранспортера. При повторной вражеской атаке Петр Михайлович Останин подбил еще два бронетранспортера, танк и самоходную установку. За этот подвиг старший лейтенант был награжден орденом Красного Знамени. Орденом Славы III степени наградили и заряжающего рядового Александра Яковлевича Обаремока. Он, тоже заменив раненого наводчика своего орудия, подбил два танка и самоходку.

Пехотинцы 1-го батальона капитана В. И. Сохненко хорошо взаимодействовали как с полковой и батальонной, так и с дивизионной артиллерией. Именно поэтому подряд три атаки противника были отражены без особого напряжения.

Однако следовало ожидать под Реде еще большей активности гитлеровцев. И наземная и авиационная разведка сообщала, что весь день к Реде с севера движутся, танковые и моторизованные части противника. Мы в свою очередь готовили на завтра атаку на Реде, для чего подтягивали сюда часть дивизионов 535-го минометного и 201-го гаубичного полков. Наш командующий артиллерией (он же командир 56-й арт-бригады) полковник Пичкура занялся артиллерийской группировкой, а мы с разведчиком майором Ивановым обговорили детали разведывательных поисков, которые решено было провести нынешней ночью.

Направление от Реде на юг было наиболее опасным в полосе дивизии, сюда мы бросили почти всю дивизионную разведку, а также разведывательные подразделения 345-го полка и артиллерийских разведчиков. Наши усилия дали хороший результат. К утру мы узнали, что вечером в Реде прибыл моторизованный полк 6-й немецкой танковой дивизии. Удалось выяснить и состав уже действовавших тут танковых батальонов, а также частей 9-й венгерской пехотной дивизии.

В ночь на 23 марта в разведке отлично проявил себя комсорг 1-й стрелковой роты 345-го полка рядовой И. С. Пронин. Ему было 19 лет, туляк, слесарь по специальности, участник Парада

Победы. С виду самый обыкновенный парень невысокий, крепкий, на носу веснушки, очень улыбчивый. Он сам попросился в разведку, его просьбу поддержал майор Иванов. Посидели они над картой, потом вместе ушли к передовой. Пронин благополучно пробрался в городок, дворами вышел к центральной площади, спрятался в разрушенном сарае. Здесь, урча моторами, стояла автоколонна, машин 20. Солдаты спрыгивали на землю, строились, их разводили по ближайшим дворам. А новые машины все прибывали. Только в первом часу ночи все затихло.

Пронин из своего убежища заранее высмотрел подходящий объект. Через улицу, в доме напротив, остановился офицер из прибывшей части. Пронин видел, как он зажег лампу, задернул штору. У крыльца вышагивал часовой. Разведчик подобрался к нему, снял без шума. Вошел в дом. Офицер работал над картой. "Руки вверх! Не шуметь!" - приказал Пронин по-немецки. Связал фашисту руки, засунул в рот кляп, привел пленного в штаб 345-го полка и сдал трофейные документы. Слушая доклад Пронина, я понял, что вижу настоящего разведчика. Нет, дело тут не в том, чтобы умело пробраться в тыл врага. Настоящий разведчик должен уметь не только все увиденное и услышанное анализировать, но иной раз по отрывочным, вторичным данным восстановить более или менее цельную картину. Этим качеством обладал Иван Сергеевич Пронин.

Пленный немецкий офицер на допросе показал, что прибывшая в Реде часть114-й моторизованный полк 6-й немецкой танковой дивизии. Эти сведения были для нас очень ценными. До их получения мы колебались: вводить завтра в бой второй эшелон дивизии- 331-й стрелковый полк - или приберечь его? Теперь сомнения отпали. Надо вводить 331-й полк в центр нашего боевого порядка, а сюда, к Реде, подтянуть главные силы 345-го полка. Иначе противник может опрокинуть батальон Сохненко и выйти в тылы 105-й дивизии.

Немного отдохнув, Пронин попросился еще раз сходить к врагу в тыл.

- Перед рассветом вернусь, - сказал он. - Глубоко забираться не буду.

Майор Иванов вызвал отделение разведчиков, назначил Пронина старшим. Как он и обещал, вернулись разведчики перед рассветом. Они привели 16 пленных гитлеровцев из 6-й немецкой танковой дивизии.

Прежде чем вернуться в штаб дивизии, вместе с полковником Котляровым я пошел во 2-й батальон. По радио мы уже передали приказ комбату Рыбакову выдвинуть подразделения ближе к

левому флангу 1-го батальона. А пошли к Рыбакову потому, что бывают на войне моменты, когда надо не только приказывать, но, если есть такая возможность, и самому поговорить с людьми, подбодрить их, объяснить еще раз важность поставленной перед ними задачи.

Предыдущую ночь бойцы 2-го батальона не отдыхали ни часа - шли форсированным маршем. А едва рассвело, с марша вступили в бой за сахарный завод и господский двор Лошалья. Бой был ожесточенным, длился до темноты. Люди были утомлены до предела.

И вот опять им предстоит бессонная ночь. Марш займет не более часа, но там, на месте, надо окопаться, проложить линии связи, сделать и многое другое, для того чтобы во всеоружии встретить очередной боевой день.

В кромешной тьме мартовской ночи мы добрались до расположения 2-го батальона. Он уже построился. Обратившись к бойцам, полковник Котляров поблагодарил их за стойкость и мужество при атаке сахарного завода и отражении сильных танковых контратак противника. Он поименно назвал героев этого боя, вспомнил павших товарищей, а также тех, кто был ранен и отправлен в медсанбат. Обходя строй батальона, он обращался к отдельным рядовым, сержантам и офицерам; с одними пошутил, другим о чем-то намекнул, отчего все заулыбались. Словом, настроение у людей поднялось. А Котляров между тем уже вышел к середине строя и другим, командирским тоном коротко и точно напомнил предстоящую задачу, объяснил, что ночной марш к Реде и Шакатору нужен для того, чтобы немедленно закрыть разрыв, образовавшийся в боевых порядках полка.

На стене цеха сахарного завода я увидел свежий боевой листок, в котором крупно красным карандашом были написаны имена и фамилии двух воинов из числа названных командиром полка: "Михаил Метленков..... Иван Ильяшевич..." Редактор боевого листка командир взвода "сорокапяток" Яков Александрович Сегель (ныне кинорежиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР) рассказал мне об их боевых делах.

Старший сержант Михаил Павлович Метленков вызвался подавить пулемет, задерживавший продвижение 4-й роты. Он вел огонь из подвала сахарного завода. Метленков ползком подобрался к подвалу и противотанковой гранатой уничтожил пулемет вместе с расчетом. В этот момент отважный воин был смертельно ранен.

Комсорг 5-й роты старший сержант Иван Степанович Ильяшевич подорвал гранатами четыре танка, двух танкистов

взял в плен. Я слушал рассказ Сегеля, смотрел на Ильяшевича и думал: как обманчива бывает внешность. Он стоял в строю батальона, рука на перевязи (ранен, но в медсанбат идти отказался), по-юношески худенький, даже хрупкий. А дух в нем богатырский. В одном бою четыре танка! Гранатами! И подвиг этот он совершил на виду у всей 5-й роты. Вот это истинный комсорг!...

Вернувшись в штаб дивизии, я доложил комдиву обстановку на правом фланге. Генерал решил с утра атаковать 345-м полком Реде и, захватив его, организовать здесь жесткую оборону.

Утром дивизия возобновила наступление. 349-й и 331-й полки быстро пошли вперед, но под Реде, на участке 345-го полка, бой вспыхнул с прежним ожесточением.

Первые утренние донесения из штаба полка были обнадеживающие: 2-й батальон Рыбакова после ночного марша атаковал населенный пункт Шакатор и овладел им, правее 1-й батальон Сохненко ворвался в Реде, прошел городок насквозь, до северной окраины. "Закрепляемся в Реде" - так заканчивалось донесение. Однако примерно час спустя получили новое донесение: "Батальон Сохненко ведет уличный бой в центре Реде".

Связался со штабом 345-го полка.

- В чем дело? Не удержались в Реде?

- Удержались. В южной половине. В северной - фашисты. Сильно контратакуют. Много танков. Весь сто четырнадцатый моторизованный полк.

- Справитесь?

- Справимся. Полковник Пичкура хорошо помогает.

Это верно. Если противник значительно превосходил нас в районе Реде по танкам (их мы вообще не имели) и пехоте, то уж артиллерийское превосходство было на нашей стороне. Три пушечных, гаубичный и минометный дивизионы, то есть более половины всех стволов 56-й артбригады работали на 345-й гвардейский стрелковый полк. Плюс еще полковая артиллерия.

Трудная обстановка сложилась в это время на участке роты лейтенанта А. Ф. Кириллова. Поддерживающая роту батарея старшего лейтенанта В. К. Апанасюка подбила два танка врага, стрелки поднялись в контратаку, отбросили гитлеровцев. Но те подтянули резервы. Последовали вторая атака, третья, четвертая. Из-за горящих домов и дворов, в дыму и пламени, то здесь, то там появлялись тупые морды фашистских танков. Но рота Кириллова стойко оборонялась. На помощь ей капитан Сохненко бросил роту старшего лейтенанта М. С. Жирякова, совсем еще молодого человека, комсомольца, но уже опытного командира, награжденного орденом Красного Знамени. Атака его роты

решила успех боя на этом участке. Фашисты поспешно отошли на северную окраину Реде, оставив на поле боя 5 подбитых танков, 9 бронетранспортеров и 8 автомашин.

Уже на закате противник попытался обойти батальон по окраинной улочке. Фланг прикрывали 13 бойцов во главе с ефрейтором В. С. Павленко. Из засады огнем противотанковых ружей они остановили вражеские бронетранспортеры и заставили их отступить из Реде. Переднюю машину подбил противотанковой гранатой ефрейтор Виктор Степанович Павленко. Экипаж взяли в плен. В его составе оказалось четыре офицера, в том числе командир батальона 114-го моторизованного полка. Еще двух пленных фашистов - артиллерийских наблюдателей привел в штаб полка снайпер старший сержант А. М. Карпов.

Пленных переправили в штаб дивизии. Допросили. Выяснилось, что гитлеровское командование с часу на час ждет свежие подкрепления. Эти сведения были подтверждены из штаба корпуса: авиаразведка обнаружила колонны врага, продвигающиеся с севера в район Реде, Шакатор.

Я немедленно связался с 345-м полком, сориентировал полковника Котлярова в обстановке, передал приказ комдива: выслать разведку в глубину обороны противника.

Час спустя полковые разведчики во главе с лейтенантом И. Г. Журиным вышли в опасный путь, в тыл врага. Благополучно миновали фашистскую передовую, районы огневых позиций, углубились километров на десять к северу от Реде. В лесу на дороге устроили засаду. Ждать пришлось довольно долго, так как по ночной дороге двигался непрерывный поток немецких автомашин с людьми и грузами. Наконец поток стал иссякать и дорога опустела.

Бойцы Журина натянули над дорогой заранее подготовленный провод, привязав концы его к деревьям. Способ простой, всем известный, но тем не менее очень надежный. Первым появился мотоциклист. Он гнал машину на большой скорости, наскочил на проволоку и разбился. Не успел Журин просмотреть трофейные документы, как послышался шум автомобильного мотора. "Опель-капитан" затормозил у самой проволоки. Шофер, нервно оглядываясь, выскочил из машины, стал рубить провод. Разведчики вышли из кустов, скомандовали: "Руки вверх!". В машине следовал офицер связи. У него нашли карту и другие документы. Он был сильно испуган и, попав в штаб дивизии, охотно и подробно ответил на все наши вопросы. Мы узнали, что под Реде перебрасываются новые подразделения - в основном из состава 6-й немецкой танковой дивизии.

Итак, к утру 24 марта мы смогли не только подвести итоги предыдущего дня, но и составить какие-то прогнозы на завтра. Фронт дивизии еще более растянулся, как бы переломился углом, одна сторона которого - северная, другая - западная. И чем дальше уходили мы на запад (а за трое суток дивизия продвинулась на 30-35 километров), тем более растягивалась северная сторона, участок 345-го полка. За ночь мы перебросили сюда еще один батальон из 331-го полка, собрали две трети нашей артиллерии. И все равно этого было мало, чтобы надежно обеспечить открытый правый фланг дивизии - почти 20 километров горно-лесистой местности.

Для наступления на Папатесер у нас остались только 349-й и 331-й (два батальона) полки. Понятно, что необходимость действовать в двух резко расходящихся направлениях снижала боевые возможности 105-й дивизии. Все мы с нетерпением ждали, когда догонит нас и примкнет к нам с севера 40-я гвардейская стрелковая дивизия 4-й гвардейской армии. Тогда мы смогли бы наконец наступать, не оглядываясь, не выделяя на обеспечение фланга половину своих сил.

В 40-ю дивизию отправился начальник оперативного отдела. Побывав там, подполковник Цысь доложил, что сосед отстает на 10-12 километров, части сильно растянулись на марше, поэтому к нашему правому флангу выйдут не ранее как завтра. А может, и позже.

Сложившаяся обстановка заставила нас провести в течение ночи ряд профилактических - на случай прорыва противника с севера, от Реде, мероприятий. Все наши немногочисленные резервы были передвинуты к правому флангу, а штабы, командные пункты, тыловые и медицинские подразделения, наоборот, - перемещены на левый, более насыщенный войсками фланг.

С утра 24 марта дивизия возобновила наступление. Общая картина была та же, что и в предшествующие дни: 349-й и 331-й полки быстро продвигались на запад, к городу Папатесеру, а на севере 345-й полк отбивал яростные контратаки фашистов. К полудню положение здесь стало критическим, связь с полком прервалась. Комдив приказал бросить в бой последний резерв - учебный батальон майора М. А. Бабичева - того Бабичева, который в сорок первом, будучи курсантом, дрался вместе со мной под Ленинградом. Теперь он был уже командиром учебного батальона и хорошо руководил подготовкой сержантского состава.

Туда же, на участок 345-го полка, выехала группа политработников во главе с заместителем начальника

политотдела дивизии майором И. Л. Ефройкиным. Со своей стороны я направил в полк офицера-оператора майора В. С. Красильникова с задачей восстановить связь с командным пунктом полковника Котлярова. Василий Семенович отлично выполнил приказ. Он и рассказал мне о тяжелой обстановке, в которой оказался 345-й полк после полудня 24 марта.

Обороняясь на 20-километровом фронте, полк, конечно же, не мог создать достаточные огневые плотности. Оборона строилась по принципу опорных пунктов, их было семь. После неоднократных атак фашистам удалось обойти опорный пункт роты старшего лейтенанта М. С. Жирякова и прорваться к штабу полка. Командир полка Михаил Алексеевич Котляров организовал круговую оборону, штабные офицеры и связисты приняли бой. Однако превосходство противника было подавляющим. Он вплотную подобрался по траншее к блиндажу, где находилось полковое гвардейское Знамя. Охранявший его часовой был тяжело ранен.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, если бы не подоспел своевременно взвод разведчиков во главе с лейтенантом Журиным. Разведчики оказались в тылу у врага, атаковавшего штаб, и по команде Журина бросились врукопашную. Враг бежал, оставив на поле боя около 30 убитых и два сгоревших танка. Этот бой едва не стал последним для Ивана Георгиевича Журина. Не заметил он двух вражеских автоматчиков, притаившихся в воронке от снаряда, а когда заметил, было поздно: в упор на него смотрели два черных дула. А дальше все промелькнуло, как в кино: Журин увидел перед собой чью-то спину, которая отгородила его от автоматчиков, услышал треск немецких, а потом и нашего автоматов. Впереди на коленях стоял старший сержант Василий Михайлович Пузанов, в пяти шагах от него валялись в воронке оба гитлеровца.

- Спасибо, Василий Михайлович! Выручил, - сказал, вытирая холодный пот со лба, Журин.

- Сочтемся, - ответил тот. - Что-то правую ногу прижгло.

И верно, в правой голени у него оказалось два сквозных пулевых ранения.

Контратака взвода разведки позволила восстановить оборону на участке 3-й роты, но почти одновременно фашисты прорвались западнее, на участке 2-й роты. Здесь накануне вечером взвод старшего сержанта Сергея Семеновича Черкасова овладел высотой 212,0. С рассветом противник попытался ее отбить, пустил по пологому склону высоты 7 бронетранспортеров с пехотой. Одновременно лавина артиллерийско-минометного огня обрушилась на позиции черкасовского взвода. Упорный бой

длился до трех часов дня. Из 15 бойцов в строю осталось 7, кончались патроны и гранаты, когда Черкасов услышал близкие очереди "максима" и грозное русское "ура". Это шло подкрепление. Атаку возглавил заместитель начальника политотдела дивизии майор Ефройкин. За этот бой он был награжден орденом Красной Звезды.

Майор Ефройкин был очень хорошим политработником, всегда стремился вникнуть в суть каждого порученного ему дела. Например, готовится штаб дивизии к завтрашнему бою, общая задача всем, в том числе и Ефройкину, известна. Но ему этого мало. Зайдет ко мне или к Цысю, скажет:

- Иду в триста сорок девятый полк, в батальоны. Буду разговаривать с людьми. На чем заострить внимание в первом батальоне, на чем во втором?

Никогда не избегал он черновой, незаметной работы, его часто видели рядом с бойцами в цепи, в траншее. Хороший стиль работы. Видимо, недаром до войны был он одним из секретарей ЦК комсомола Белоруссии.

К концу дня, когда на правом фланге противник был отброшен и фронт 345-го полка стабилизовался, мы наконец получили долгожданное известие: 40-я гвардейская дивизия вышла в район 345-го полка. Если сегодня ее части сменят 345-й полк, мы сможем вывести его во второй эшелон, уплотнить свои боевые порядки и сосредоточить все силы для наступления в западном направлении - на Папатесер и город Папа.

Здесь 24 марта 349-й и 331-й полки продвинулись на 15-18 километров. При таком темпе наступления фронт, естественно, не мог оставаться сплошным. То и дело возникали на поле боя разрывы, иногда весьма значительные, полки теряли локтевую связь. Вечером генерал Денисенко приказал мне выехать в 349-й полк, на месте уточнить обстановку и увязать его действия с 331-м полком.

349-й полк я нагнал в большом лесу, который тянулся широкой полосой с севера на юг, вдоль железной дороги, к озеру Балатон. Батальоны, рассредоточившись, шли на запад лесными тропами. Где-то впереди, примерно в 700-800 метрах, гремел бой. Там, на опушке, я нашел командира полка полковника И. В. Кудрявцева. Впереди на черном мартовском поле залегла наша пехота, а из-за кирпичных домов и сараев господского двора Виньямад сухо били танковые немецкие пушки, стучали пулеметы.

- Возишься! - выговаривал Иван Васильевич молодому, лет 24-25, майору. Не узнаю тебя, Николай Данилович.

Майор Чапурин слушал полковника спокойно, не

оправдывался. Я знал этого комбата. Выдержан, умен. Очень смел.

- Чего молчишь-то? - не выдержал Кудрявцев. Чапурин посмотрел на часы.

- Подождем еще минут пятнадцать, - наконец ответил он. - С востока лес подступает к Виньямаду почти вплотную. Через четверть часа рота Мурышкова выйдет к окраине Виньямада. Сигнал - красная и белая ракеты. Атакуем одновременно с фронта и с тыла...

- Добро! - подумав, согласился командир полка и обратился ко мне: - К полуночи, думаю, выйдем к Папатесеру.

- Как связь с триста тридцать первым полком?

- Связь есть. Поговорите с Резуном?

Радист вызвал 331-й полк. Ответил командир полка подполковник Иван Васильевич Резун. Я скоординировал с ним и Кудрявцевым действия обоих полков при движении на Папатесер. Городок лежал почти на их разграничительной линии.

Противник, видимо, заметил оживление на опушке. Рядом начали рваться снаряды. От господского двора послышался гул танковых моторов. Два легких и два средних немецких танка выехали из-за построек и, ведя пушечно-пулеметный огонь, двинулись по раскисшему полю к нам.

В это время артиллеристы выкатили прямо в стрелковую цепь две пушки "ЗИС-3", ударили по танкам часто и звонко. Но левая пушка почему-то замолчала, а правая продолжала вести огонь. Я видел коренастую фигуру командира орудия. Вот он резко взмахнул правой рукой. Прогремел выстрел - закрутился на перебитой гусенице средний танк. Через минуту вспыхнул второй. Два оставшихся попятились обратно, к окраине Виньямада. Но у самых домов снаряд "зиска" догнал танк, и он тоже загорелся.

В эту минуту далеко за Виньямадом взлетели в закатное небо сигнальные ракеты. Рота лейтенанта И. О. Мурышкова обошла господский двор с востока и атаковала противника. Майор Чапурин поднял в атаку подразделения, наступающие с фронта. Полчаса спустя все было кончено, и мы с полковником Кудрявцевым проехали на трофейном вездеходе через Виньямад. Колонна батальона, не задерживаясь здесь, уже двинулась на запад, к поселку и железнодорожному узлу Папатесер. Мы обогнали конные упряжки полковой батареи.

- Стоп! - приказал полковник Кудрявцев водителю. - Командира батареи - ко мне!

Подбежал молоденький лейтенант, доложил, что в бою за Виньямад батарея потеряла одного человека убитым, троих

ранеными. Подбито и сожжено три вражеских танка.

- Где герой? - спросил Кудрявцев.

- Карнаухов! Старшой! - передают батарейцы по цепи.

Подошел строевым шагом старший сержант. У него живой, озороватый взгляд. Представился:

- Командир орудия старший сержант Карнаухов!

- Как звать?

- Алексеем Дмитриевичем.

- От лица службы благодарю тебя, Алексей Дмитриевич, и весь твой расчет, с чувством произнес полковник Кудрявцев. - А вас, - сказал он комбату, - прошу немедленно представить отличившихся к наградам.

Как я успел заметить, у Ивана Васильевича Кудрявцева есть много общего с комдивом Михаилом Ивановичем Денисенко. Он такой же душевный и открытый для всех человек. И недаром они дружат едва ли не с юности. Но вместе с тем они и в чем-то разные. Денисенко неугомонен, стремителен, порой вспыльчив. Кудрявцев всегда ровен и спокоен. Людей своих знает великолепно. Никогда не слышал я, чтобы Иван Васильевич кого-нибудь назидательно поучал - "читал мораль". Обычно он высказывал свои замечания, как бы советуясь с подчиненным, будя его мысль и волю. И у того действительно появлялось желание сделать дело быстро и хорошо. Иван Васильевич Кудрявцев - в прошлом кадровый политработник. Он сам попросился на строевую должность, а до этого был начальником политотдела стрелкового корпуса.

Поздним вечером передовые подразделения 349-го полка вышли на подступы к Папатесеру, где были остановлены сильным орудийно-минометным огнем противника. Командир 1-го батальона майор Чапурин доложил полковнику Кудрявцеву свое решение: под покровом темноты обойти Папатесер с юго-запада и внезапно атаковать фашистов со стороны железнодорожной станции. Батальонные разведчики уже побывали в городке. Они сообщили, что недавно в Папатесер прибыла колонна - 30 грузовиков, в каждом 18-20 солдат, - а также тягачи с орудиями, 9 пушек. Следовательно, только прибывшее подкрепление насчитывало до батальона пехоты и дивизион артиллерии. Противник имел значительное численное превосходство, но Чапурин рассчитывал на ночные действия, в которых мы обычно добивались успеха, и на внезапность атаки.

К двум часам ночи батальон занял исходное положение. Рота Мурашкова с двумя противотанковыми орудиями и взводом бронебойщиков первой атаковала Папатесер с юга. Вслед за ней нанесли удар с севера и востока другие подразделения батальона.

Бой был скоротечным. Фашисты потеряли свыше 250 солдат и офицеров убитыми, 200 человек гвардейцы взяли в плен, остальные разбежались.

Пытались оказать организованное сопротивление гитлеровцы, засевшие в станционных зданиях Папатесера и в окружавшей станцию траншее. Однако наши воины быстро разгромили этот опорный пункт. Лейтенант Виктор Афанасьевич Дмитриев, командир взвода противотанковых ружей, первым ворвался во вражескую траншею, в рукопашной схватке уничтожил пулеметный расчет и захватил пулемет. Его бронебойщики подавили на станции девять фашистских огневых точек, чем и обеспечили быстрый ее захват. За умелое, инициативное командование взводом в бою и личное мужество Виктор Афанасьевич Дмитриев был награжден орденом Красного Знамени.

Среди бойцов 2-й стрелковой роты особенно отличился рядовой Хаблай Сатаров. В уличном бою он гранатами подорвал два пулемета противника. Сатаров также был награжден орденом.

После взятия Папатесера, на рассвете 25 марта, я вернулся в штаб дивизии. К этому времени 40-я гвардейская стрелковая дивизия сменила наш 345-й полк, и он включился в наступление дивизии. Его левофланговый 3-й батальон штурмом овладел опорным пунктом немцев в поселке Ваньель. Здесь отличился командир отделения старший сержант Тимофей Иванович Гладкощеков. Гранатами он подорвал пулеметный дзот и, будучи серьезно раненным, продолжал вести отделение вперед, взял в плен немецкого офицера. Только после второго тяжелого ранения герой согласился на эвакуацию в медсанбат. Его подвиг был отмечен орденом Славы III степени.

Только я ознакомился с обстановкой, как поступило донесение от Кудрявцева: "Противник пытается вернуть Папатесер. Предпринял несколько сильных контратак". Теперь к Папатесеру в 349-й полк выехал с группой офицеров штаба генерал Денисенко. С ними отправился и 121-й гвардейский истребительно-противотанковый дивизион майора Н. А. Заборского. Артиллеристы прибыли своевременно и помогли полку Кудрявцева отразить вражескую танковую атаку. Первыми же выстрелами орудия сержанта Александра Александровича Ремезова и младшего сержанта Николая Ивановича Русских подбили два средних немецких танка. Потеряв в общей сложности пять танков и одну самоходку, противник поспешно отошел.

Самоходно-артиллерийскую установку подорвал гранатой 19-летний комсомолец сержант Игорь Георгиевич Аксенов. Был он

ранен, но с поля боя не ушел. Его отделение в ходе контратаки первым ворвалось на господствующую высоту, что западнее Папатесера, и удержало ее до подхода -главных сил батальона. Сержант Аксенов в рукопашной схватке на склонах высоты уничтожил четверых офицеров и человек десять солдат. Здесь он получил еще два штыковых и пулевое ранения. Последнее оказалось смертельным. Отважный комсомолец был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Эту награду уже после окончания войны мы переслали в город Талицы Свердловской области матери героя Л. А. Аксеновой.

Отразив попытку вражеского командования вернуть Папатесер, 105-я стрелковая дивизия снова пошла вперед и во второй половине дня 25 марта вышла к городу Папа.

"Общего сигнала не ждать!..."

Город Папа - промышленный и административный центр Западной Венгрии. Гитлеровцы заранее подготовили его к обороне, опоясав тремя линиями траншей, проволочными заграждениями, минными полями. На окраинах и в самом городе - в прочных каменных зданиях и подвалах - оборудовали пулеметные и орудийные огневые точки. Улицы перекрыли баррикадами, противотанковыми надолбами и ежами.

Однако все эти укрепления были заранее вскрыты нашей разведкой. Это мы поняли, взглянув на карту и на план города, которые нам прислали из штаба армии еще на дальних подступах к Папе, два-три дня назад. На карту и план фашистская система обороны была нанесена со многими деталями, вплоть до отдельных баррикад.

Вечером 25 марта первым к восточной окраине города вышел 331-й полк. Ворваться в Папу ему не удалось - противник остановил сильным огнем. Левее 331-го полка выдвинулся 1-й батальон 349-го полка (остальные подразделения были еще на марше), но он также был вынужден залечь под орудийно-пулеметным огнем с юго-восточной окраины города. А что касается 345-го полка, то надежда уплотнить за его счет боевые порядки дивизии пока не оправдалась. Полк по-прежнему был вынужден прикрывать нашу дивизию с севера, так как 40-я гвардейская дивизия опять несколько отстала.

Прежде чем принять решение начать штурм города Папа, нужно было уточнить обстановку в полосе дивизии и положение ее частей. Генерал Денисенко приказал мне сделать это к его возвращению - он был вызван к командиру корпуса. С ним выехал подполковник Цысь. Вскоре Цысь позвонил мне из штаба корпуса. Он сообщил, что в штабе корпуса находится командующий армией генерал-полковник В. В. Глаголев, что назначен новый

командир корпуса генерал-лейтенант А. И. Утвенко, который сейчас принимает корпус у генерал-лейтенанта А. Г. Капитохина.

- Командарм утвердил план атаки города Папа, - сказал Цысь. - Будем действовать совместно со сто четвертой стрелковой дивизией. Начало атаки, пока ориентировочно, назначено на шесть тридцать завтрашнего утра.

Собрав накоротке совещание, я поставил задачи старшим офицерам штаба и начальникам служб, а затем вместе с майором Ивановым и полковником Пичкурой выехал к Папе, на участки 349-го и 331-го полков. Начали с левого фланга, с 1-го батальона 349-го полка. Там нас встретил командир 114-й. разведывательной роты старший лейтенант Д. А. Козлов. Он только что вернулся из вражеских тылов, с юго-западной окраины города. Я спросил его:

- Спокойно чувствуют себя фашисты?

- Нет, - ответил Дмитрий Алексеевич. - Очень нервничают. Дороги на запад забиты автомашинами. Вывозят заводское оборудование, склады. То же самое на железной дороге. Спешно готовят к взрыву электростанцию, мосты. Часть важных объектов уже взорвали.

- Выходит, не надеются удержать город?

- Очевидно, не надеются.

- Доложите, какие слабые места обнаружили в обороне города.

Козлов достал карту с пометками и показал, где побывали его разведчики и что выяснили в дополнение к тем данным, которые мы получили из армейского штаба. Картина получилась весьма интересная: с юга и востока город сильно укреплен, с севера - значительно слабее. Возможно, фашисты не успели создать одинаково прочную оборону на всех участках, может быть, понадеялись на трудную для маневра местность, но факт остается фактом: с севера можно ворваться на гораздо слабее защищенную окраину Папы. Так почему бы нам не использовать представившуюся возможность? Обсуждая этот вариант с Пичкурой и Ивановым, мы поехали в 331-й полк. И постепенно, пока еще в самых общих чертах, вызревала мысль: не ждать утра, ударить частью сил в обход Папы с севера, в ночном бою овладеть городом.

- А боеприпасы? - возразил мне Пичкура. - В артбригаде осталось по семь-десять снарядов на орудие. Не лучше и с патронами в стрелковых полках...

Верно, все это верно! И боеприпасы на исходе, и артиллерия почти вся находится в движении, и массу других срочных и необходимейших вопросов надо разрешить в считанные часы,

если мы думаем начать штурм сегодня вечером. А кроме того, надо убедить командование, что этот план более перспективен, чем тот, который предварительно утвержден командармом.

Приехали в 331-й полк. Его командира подполковника Резуна нашли в домишке, шагах в двухстах от передовой. Резун доложил:

- Батальон капитана Андреева выбил фашистов из первой траншеи, захватил пять-шесть домов пригорода, но дальше продвинуться не смог.

Развернув карту, я посвятил Резуна в план, который только что у меня созрел. Он заулыбался:

- Мы с начальником штаба тоже кое-что придумали. Яков Михайлович, иди сюда!

В комнату вошел начальник штаба полка майор Шохман - невысокий, коренастый, подвижный офицер.

Лет ему за 35, и своим опытом он хорошо дополнял молодого командира полка. Работали они дружно. Оба обладали очень ценным качеством - умением правдиво и объективно доложить обстановку. Даже неудачи полка они никогда не пытались оправдать в своих докладах. Наверное, я повторяюсь, но разговор о точной, правдивой и своевременной информации снизу вверх - от подчиненного к начальнику - это такая важная тема, к которой и вернуться не грех.

План атаки, предложенный командованием 331-го полка, тоже строился на использовании слабостей в обороне противника севернее города. Но Резун и Шохман пошли дальше нас. Они решили посадить

1-й батальон Николая Васильевича Богомягкова и

2-й батальон Николая Дмитриевича Андреева на автомашины, усилить артиллерией и дорогой, разведанной ротой Козлова, бросить к северной окраине Папы. Я обратился к майору Иванову:

- Как считаете, реальный план?

- Реальный, - ответил он. - Козлов выведет автоколонну на шоссе в обход фашистских опорных пунктов. Ну, а дальше - дело за комбатами. Включай четвертую скорость, с ходу врывайся в город. Темнота поможет.

- Надо усилить батальоны артиллерией, - предложил Пичкура. - Дадим в каждый противотанковую батарею...

Так мы и решили. А для того чтобы связь с батальонами была устойчивой, необходимо было передать Богомягкову, Андрееву и Крымову мощные радиостанции с экипажами из батальона связи. Все необходимые распоряжения по этим и другим вопросам я, чтобы не терять драгоценного времени, отдавал сразу либо лично командирам частей, либо по телефону в штаб дивизии.

Все три стрелковых батальона (два из 331-го полка и один из 349-го), которым предстояло сыграть главную роль, должны были действовать как штурмовые отряды. В них формировались штурмовые группы - некоторые в составе стрелковой роты с приданными ей одним-двумя орудиями, пулеметными расчетами, бронебойщиками и саперами, другие - в составе взвода или даже отделения стрелков.

Когда мы в седьмом часу вечера возвратились в штаб дивизии, подготовка к штурму шла полным ходом. Уже была разработана и передана в полки единая таблица звуковых и световых сигналов для ночного боя. Главное, что меня сейчас тревожило, - недостаток боеприпасов. Пополнить их запасы обычным порядком нельзя - просто не было времени. Пришлось пойти на крайнюю меру: я приказал забрать боеприпасы в подразделениях второго эшелона и передать в штурмовые отряды. Вскоре мне доложили, что через полтора-два часа необходимый минимум боеприпасов будет завезен, а к утру запас боеприпасов на все виды оружия будет доведен до одного боекомплекта. Надо отдать должное полковнику П. А. Пичкуре и начальнику тыла дивизии подполковнику Г. П. Работкину - много сил, энергии, да и просто смекалки пришлось им приложить, чтобы выполнить в срок этот приказ. Таким образом, осуществляя план, составленный в штабе корпуса, мы одновременно делали все, чтобы уже сегодня вечером к 21.00 части были готовы к штурму города.

Генерал Денисенко вернулся из штаба 38-го гвардейского корпуса с нашим новым комкором генералом Утвенко. Процедура представления заняла немного времени. Вскоре я уже докладывал командованию свои соображения, точнее сказать, детальный план переноса атаки с завтрашнего утра на сегодняшний вечер. Я предложил начать ее, не ожидая общей атаки корпуса, не проводя внутри дивизии сложных перегруппировок.

Генерал Денисенко сразу поддержал меня. Командир корпуса внимательно слушал, рассматривал карту, уточнял отдельные вопросы, но мнения своего не высказывал. Я хорошо его понимал: генерал Утаенко только принял командование корпусом, приехал знакомиться с дивизией, которая утром должна начать штурм крупного города, и вдруг ему предлагают новый план. Он человек опытный и знает, сколь дорогой ценой платят войска за смелые, но неподготовленные решения. Поэтому он снова и снова задавал вопросы то генералу Денисенко, то полковнику Пичкуре, то мне.

Мы смотрели на штурм города Папа с точки зрения своей дивизии. Генерал Утвенко должен был взвесить наш план с точки зрения корпуса. Ведь, продолжив наступление, 38-й корпус резко,

почти под прямым углом развернет свой фронт на северо-запад. И если мы до утра не овладеем городом, то вражеский гарнизон окажется между смежными флангами нашей и 104-й дивизий. Это может грозить многими осложнениями.

- Соедините меня с командиром сто четвертой, - приказал мне командир корпуса.

Соединил. У телефона командир 104-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор И. Ф. Серегин. Командир корпуса информировал его о плане ночного, штурма города, спросил, будет ли 104-я дивизия готова к наступлению одновременно с нашей, то есть примерно через час. Генерал Серегин ответил, что дивизия сможет помочь нам лишь частью сил - двумя передовыми батальонами. Главные силы будут в готовности не ранее полуночи. Тогда командир корпуса приказал ему:

- В двадцать один ноль-ноль атакуешь противника двумя батальонами. Время атаки главными силами дивизии еще уточним.

Положив телефонную трубку, он обернулся к нам:

- Добро! Начинайте, не дожидаясь сигнала общей атаки корпуса. Действуйте, товарищи, желаю успеха!

Он позвонил еще в штаб корпуса и в штаб армии. План ночного штурма был утвержден, и генерал Утвенко уехал. До начала атаки оставалось минут 40.

В 21.00, точно по плану, дивизия перешла в наступление. Три батальона почти одновременно ворвались в Папа с севера и юго-востока. С наблюдательного пункта подполковника Резуна во тьме мартовской ночи мы видели лишь фейерверки трассирующих пуль и снарядов да мгновенно вспыхивающие и гаснувшие отблески орудийных залпов. Радиосвязь со штурмовыми отрядами была достаточно устойчивая. Батальон Богомягкова пробивался к центру города. Штурмовая группа старшего сержанта Василия Никитовича Черноиванова овладела зданием, где размещался какой-то штаб. Бойцы захватили два пулемета, подорвали бронетранспортер. Группа, как это часто бывает в уличных боях, да еще ночью, оторвалась от батальона, потеряла локтевую связь с соседями. Фашисты перешли в контратаку. В темноте завязался ближний бой, в ход пошли штыки, гранаты. Гитлеровские пехотинцы были отброшены, однако к дому, занятому группой Черноиванова, приблизился фашистский танк. Он ударил из пушки по нижнему этажу - разрывом снаряда был выведен из строя наш пулемет. Тогда В. Н. Черноиванов с бронебойщиками Н. П. Родионовым и А. М. Амосовым через пролом в стене выбрались в сад, проходными

дворами обошли танк. Почти в упор расчет противотанкового ружья - Родионов и Амосов всадили несколько бронебойных пуль в моторную группу танка, и он вспыхнул гигантской свечой. Но бой на этом не кончился. Спустя полчаса фашисты открыли по дому огонь из орудия прямой наводкой. И опять Черноиванов со своими товарищами, сделав смелую вылазку, гранатами истребили орудийный расчет и подорвали пушку.

В другой штурмовой группе 1-го батальона 331-го полка отличились рядовой Дмитрий Дмитриевич Коновалов, подорвавший танк и захвативший в плен двух танкистов; рядовой Мидход Минивалаевич Уразмедов, который, будучи тяжело ранен, не оставил своего пулемета; рядовой Салих Галеевич Фахтулин, также взявший двух пленных.

Стремительно ударил в глубь города посаженный на автомашины 2-й батальон 331-го полка. Комбат капитан Н. Д. Андреев и его замполит капитан Г. А. Савченко двигались впереди в боевых порядках 5-й роты старшего лейтенанта П. И. Рыбакова. Батальон рассек оборону гитлеровцев и вышел к юго-западной окраине. Андреев доложил по радио, что штурмовая группа комсорга батальона младшего лейтенанта А. Л. Шумилова установила связь с 349-м полком, со штурмовой группой рядового Суворова.

Петра Ивановича Суворова хорошо знали многие в дивизии. Запоминающаяся личность. Совсем юный, небольшого роста, подвижный. Мал, да удал. Потому и поручили ему, рядовому бойцу, возглавить штурмовую группу в составе отделения. И он оправдал надежды командиров - в этом бою хорошо руководил действиями группы, сам подорвал гранатами вражеский танк. Потом Суворова с его бойцами фашисты блокировали на чердаке каменного дома. Гвардейцы стойко отразили все атаки.

После того как штурмовые группы 331-го и 349-го полков, наступавшие с разных направлений, стали устанавливать связь и взаимодействовать, паника у фашистов поднялась невероятная. На улицах образовались громадные заторы из боевых и транспортных машин. Только штурмовая группа младшего лейтенанта Шумилова захватила более 40 грузовиков с военным имуществом.

Вслед за штурмовыми группами Резун и Кудрявцев ввели в город главные силы своих полков. Стало ясно, что организованному сопротивлению фашистов в Папе подходит конец. Собрав офицеров штаба, я еще раз уточнил каждому оператору задачу на ближайшие ночные часы. Майору Красильникову приказал лично проконтролировать ввод в бой дополнительных сил - 3-го батальона 349-го полка. Красильников

с обычной для него энергией и пунктуальностью выполнил приказ.

При штурме города не очень заметную, но чрезвычайно полезную роль сыграл 1-й батальон капитана Сохненко из 345-го полка. Наступая севернее города, он овладел господствующими высотами и тем самым прочно прикрыл фланг и тыл 331-го полка от контратак противника. На рассвете батальон Сохненко решительно пресек попытку немецких танков и пехоты пробиться через гряду высот к городу.

В половине четвертого утра 26 марта город был полностью очищен от войск противника. Генерал Денисенко доложил об этом в штаб корпуса, а вечером мы слушали по радио приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Нашей 105-й гвардейской дивизии объявлялась благодарность за "отличные боевые действия" при взятии Папы.

В тот день гитлеровское командование попыталось выбить нас из города. Сильную контратаку с юга отразил наш левый сосед - 104-я гвардейская стрелковая дивизия. Она прочно прикрывала нас с фланга, и мы продолжали быстро продвигаться к каналу Марцаль и текущей параллельно ему реке Раба.

Противник тоже поспешно отходил за эти водные рубежи, стремясь закрепиться на них и остановить наступающие части 9-й и 4-й гвардейских армий. Авиационная разведка доносила о движении вражеских колонн к Рабе.

Пройдя город Папа, 105-я дивизия, как и весь корпус, развернулась фронтом на северо-запад и двинулась к Рабе. Я трое суток почти не спал, поэтому, как только Михаил Иванович Денисенко сказал, что до вечера никуда не поедет, с его разрешения пошел отдыхать. Уснул, словно в бездну провалился. Оперативный дежурный разбудил меня часа через два. Доложил:

- Вас вызывает к аппарату командующий войсками фронта маршал Толбухин!

- Наверное, комдив ему нужен?

- Нет вы. С комдивом он уже переговорил. Подошел к аппарату, представился. Маршал сказал:

- Поздравляю, товарищ Попов, с орденом Отечественной войны первой степени. Командарм докладывал мне о вашей боевой работе. Благодарю за службу.

Я ответил как положено, а он, помолчав, спросил:

- В сорок третьем на Ловати был? Под Старой Руссой?

- Так точно, товарищ маршал. В первом гвардейском воздушно-десантном полку.

- Черенчицы брал?

- Брал, товарищ маршал.

- Помнится, с артиллеристами ругался.

- Было, товарищ маршал.

- То-то и оно, что было. Теперь, надо думать, дружно с ними живешь?

- С полуслова друг друга понимаем.

- Ну и отлично. Желаю успеха...

Настроение у меня после этого разговора было отличное. С удвоенной энергией взялся за дела. Командный пункт дивизии готовился к перемещению вперед, вслед за полками. Бойцы грузили на автомашины штабное имущество, телефонисты уже сматывали провода. Вошел генерал Денисенко.

- Выспался?

- Выспался.

- Принимай бразды правления, я поехал.

- Куда, Михаил Иванович?

- В триста тридцать первый полк, в передовой отряд, к Богомягкову. Надо с ходу перескочить через Марцаль и Рабу...

В это время передовые отряды 331-го и 349-го полков, посаженные на автомашины батальоны Богомягкова и Крымова, вырвались далеко вперед. Кроме того, в полках заранее было выделено по батальону для немедленного форсирования Рабы при подходе главных сил к реке. Эти батальоны было запрещено развертывать для боя без специального на то разрешения штаба дивизии. Личный состав батальонов должен был по пути к реке собирать и готовить переправочные подручные средства. И от полковых штабов и от штаба дивизии выслали вперед офицеров-операторов с задачей подобрать заранее места для развертывания командных и наблюдательных пунктов на берегах водных преград. Одним словом, мы старались сделать все, чтобы форсирование Рабы (впадающий в нее канал Марцаль не представлял серьезного препятствия) прошло без задержки.

Канал Марцаль, как и намечали, преодолели с ходу. Сапер 349-го полка рядовой Анри Янович Крастынь под жесточайшим огнем противника подполз к заминированному мосту, обрезал бикфордов шнур, тем самым предотвратив взрыв. Передовой батальон майора Крымова по мосту переправился через канал. Фашисты бросили в контратаку танки, но истребительно-противотанковая батарея полка отразила натиск врага.

Примерно так же развивались события и на другой переправе через Марцаль, ниже по течению, поблизости от железнодорожной станции Марцалье. Батальон капитана Богомягкова сбил и рассеял арьергард противника, переправился на западный берег канала и устремился дальше - к Рабе. За ним двинулись главные силы 331-го полка. И тут, когда строевые

подразделения ушли вперед, едва не случилось трагическое происшествие. Около железнодорожной станции, на пункте сбора раненых, командир санитарного взвода младший лейтенант Л. М. Кононова ждала прибытия санитарных машин. Вдруг она увидела, как метрах в 100-150 выбирались из оврага солдаты в немецкой форме. Не менее полусотни! Увидев палатки сборного пункта, девушек-санитарок, фашисты, разумеется, поняли, что, кроме раненых, здесь никого нет. Тем не менее открыли огонь из винтовок и автоматов. Любовь Митрофановна Кононова не растерялась. Скомандовала: "В ружье!" Девушки-санитарки и раненые, которые могли еще владеть оружием, залегли вокруг сборного пункта и открыли огонь по противнику. Они продержались до тех пор, пока не подоспели бойцы из резерва 331-го полка. Гитлеровцы были окружены и взяты в плен. Выяснилось, что это остатки одного из пехотных батальонов, разгромленных в предыдущих боях и пробиравшихся из окружения. За мужество, проявленное при спасении раненых, генерал Денисенко наградил младшего лейтенанта Кононову медалью "За отвагу".

Ранним утром 27 марта передовые отряды дивизии вышли на восточный берег Рабы. Ширина реки 50-60 метров, глубина - около 3 метров. Если исходить только из цифровых данных, это не слишком серьезное препятствие для наступающих, с Днепром или Дунаем не сравнишь. Однако и здесь имелись значительные трудности. Вся местность на подступах к реке - низменная, много заболоченных, изрезанных каналами участков. А. ведь конец марта, та самая "весна воды", когда и на высоких местах грязи по щиколотку. Что же говорить про Рабу, текущую в низине, в туманных испарениях окрестных болот? Видимо, особенности рельефа и постоянные наводнения заставили местных жителей одеть Рабу в высокие бетонные берега на многих и весьма протяженных участках. Крутые, до трех метров высотой бетонные стенки затрудняли форсирование реки на подручных средствах. А мосты фашисты успели взорвать.

Противник вел со своей стороны прицельный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь по подразделениям 331-го и 349-го полков, выходящим к берегу.

- Ждать сосредоточения всех сил не будем, - сказал мне генерал Денисенко. - Нам выгодней, чтобы фашисты растянули свои силы на широком фронте. Свяжись-ка со штабом корпуса.

Комдив переговорил с генералом Утвенко, добился изменения первоначального приказа форсировать Рабу на узком участке. Он доказал комкору, что надо переправляться с ходу во всей полосе дивизии. Там, где обозначится наибольший успех,

дивизия и сосредоточит главные усилия.

Комдив уехал в 331-й полк, я еще некоторое время оставался на участке 349-го полка. "Батальон майора Крымова, высадившись с грузовиков, рассредоточился. Ровная, без сколько-нибудь значительных укрытий местность и сильный огонь с западного берега вынудили бойцов выдвигаться к реке ползком. Первыми добрались до берега группы, возглавляемые старшим лейтенантом Хаджиметом Асмаевичем Бзыковым, сержантом Юрием Сергеевичем Широких и младшим сержантом Виктором Михайловичем Прокопьевым.

Я видел, как они скатились с бетонной стенки вниз и, подняв над головой автоматы, смело вошли в ледяную мартовскую воду. Поплыли. Река бурлила от разрывов мин и снарядов. Головы в зимних шапках-ушанках замелькали уже близ противоположного берега. Бойцы выбирались из воды; одни, стоя в ней по пояс, вели огонь из автоматов, швыряли гранаты; другие, взбираясь на плечи товарищей, лезли вверх по бетонной стенке берегового откоса.

Это были герои. Первые из первых. Они выбили гитлеровцев из окопов, тянувшихся над самой водой. Захваченные ими крохотные пятачки суши выросли вскоре в ротные и батальонные плацдармы.

Вслед за передовыми подразделениями по реке от нашего берега к западному поплыла целая флотилия так называемых подручных средств. Тут и пара связанных проволокой телеграфных столбов, на них - дощатый помост со станковым пулеметом, и створка дубовых ворот, на которой примостился пяток пехотинцев, и бревна на бочках, и даже прогулочная лодка, и множество деревянных предметов, у которых в данный момент было одно незаменимое качество: они могли плыть и держать на себе людей и боевые грузы.

Час спустя батальон майора Крымова прочно утвердился на противоположном берегу. Гвардейцы прорвались в глубину вражеской обороны, захватили немецкую пушечную батарею. Два орудия оказались в исправности, боеприпасов было достаточно. Рядовые В. К. Катаев, П. П. Карташев, В. И. Харченко и В. С. Чурбанов под командованием старшего сержанта И. И. Гниева развернули трофейные орудия и открыли огонь по противнику.

Вскоре переправился и батальон Майора Чапурина. Его 1-й роте пришлось отразить две сильные контратаки. Связь 1-й роты с восточным берегом неутомимо поддерживал бесстрашный телефонист рядовой Борис Иванович Жирнов. Исправляя повреждения на линии, он дважды под огнем переплывал Рабу. А рядовому 1-й роты Егору Васильвичу Решетникову, который доставлял на плацдарм боеприпасы, пришлось на примитивном

плотике сделать восемь рейсов через реку.

К вечеру 27 марта 349-й полк полковника Кудрявцева значительно расширил плацдарм и пробился к населенному пункту Ваг. Дела здесь шли по плану. Куда более ожесточенный бой разгорелся на переправе 331-го полка в районе деревни Рабашабешь и господского двора Миклош, а также выше и ниже по течению реки.

В батальоне капитана Богомягкова первыми форсировали Рабу группы младших лейтенантов Ивана Федоровича Сыпало и Серафима Семеновича Боярских. Едва группа Сыпало выбралась на бетонную кручу, фашистские автоматчики пошли в контратаку. Ее удалось отразить огнем. Но младший лейтенант понимал, что враг не успокоится и предпримет все возможное, чтобы сбросить в реку горстку бойцов. Ведь не более 30-40 метров отделяли окопы, захваченные группой Сыпало, от вражеской траншеи. Между тем патроны были на исходе, а плотик с боеприпасами у всех на глазах был разнесен прямым попаданием снаряда. Иван Сыпало решился на рискованный шаг - захватить фашистский пулемет. Он пополз к нему то траншеей, то ходами сообщения. Наконец, услышав стук пулемета совсем близко, выскочил из-за поворота траншеи прямо к пулеметной площадке, в короткой схватке уничтожил расчет и открыл огонь-из пулемета по гитлеровцам. Вскоре к нему присоединились бойцы его взвода, а затем он установил локтевую связь и со взводом Боярских. Переправилось и еще несколько мелких групп, в их составе связисты, артиллерийские разведчики-наблюдатели, бронебойщики со своими длинноствольными ружьями и даже одна "сорокапятка" сержанта Константина Ивановича Шутина. Словом, плацдарм, как говорят, набирал силу, и когда противник бросил в новую контратаку батальон пехоты с пятью танками, его встретил плотный, организованный огонь.

Заместитель комбата по строевой части капитан Е. В. Бабиков перебрался на плацдарм в числе первых и руководил боем. Отразить контратаку фашистских танков помогли и 45-миллиметровые пушки батареи лейтенанта Кирама Ненашевича Айбазова, ударившие прямой наводкой с восточного берега. Они уничтожили два танка, третий был подбит из орудия сержанта Шутина. Фашисты поспешно отступили.

Спустя минут 40 последовала новая контратака. Вражеским автоматчикам удалось приблизиться почти вплотную к гвардейцам, дерущимся на плацдарме. Момент был критический. И тогда капитан Ефим Васильевич Бабиков выскочил на бруствер окопа и увлек гвардейцев за собой - в рукопашную. Противник не выдержал, побежал. В плен было захвачено 85 гитлеровцев.

Смело форсировали Рабу и воины 2-го батальона капитана Андреева. Первыми переправились взводы младших лейтенантов Д. М. Сергеева и И. И. Козлова.

Козлов едва вышел из воды, был серьезно ранен. Его бойцы, относимые течением, выбирались на сушу на разных участках берега, где вдвоем, где втроем, а где и поодиночке. Это, пожалуй, труднейшее из фронтовых испытаний для молодого солдата - оказаться без командира, одному или в маленькой группе, перед хорошо организованной обороной противника. В руках у тебя автомат, да гранаты, да ограниченный запас патронов, а по тебе бьют в упор пулеметы, пушки, минометы, ты видишь перед собой укрытые в засадах фашистские танки и бронетранспортеры, а помощи ждать неоткуда - за спиной река. Все зависит от тебя самого - от твоей смелости, решительности, силы духа и воинского мастерства. От того, как тебя учили и как ты усвоил это учение.

Но бойцы взвода Козлова не растерялись...

Ручной пулеметчик Г. Махьянов и стрелок И. Дав-летшин вылезли из реки в так называемом мертвом пространстве. Немецкий тяжелый пулемет вел огонь с крутого бережка где-то у них над головой. Они видели только следы трассирующих пуль. Ориентируясь по трассерам, молодые гвардейцы подобрались к огневой точке И уничтожили ее вместе с расчетом. Полчаса спустя в этом месте собралась уже группа бойцов козловского взвода - старший сержант И. Гусельников, сержант Г. Чернов, младший сержант В. Кутуев, рядовые А. Гайсин, И. Даутов, Н. Никифоров и другие. Разбившись на группы, под покровом наступившей темноты они двинулись вправо и влево по берегу и прямо в глубину вражеской обороны.

Махьянов, Гайсин и Даутов поползли на пулеметные огоньки, что плясали в ночи шагах в 50 от берегового обрыва. Это вел огонь фашистский бронетранспортер. Противотанковыми гранатами гвардейцы подорвали машину, затем уничтожили еще две огневые точки и немецкий грузовик с боеприпасами. Забегая вперед, скажу, что эти молодые воины отлично проявили себя и в последующих боях, были награждены, а Гильмитдин Садриевич Махьянов в течение только марта - апреля получил три боевые награды: ордена Красного Знамени и Славы III степени и медаль "За отвагу".

Активно действовали в эту ночь на западном берегу Рабы и другие группы из стрелковых взводов Козлова и Сергеева. Они не только расчистили прибрежный участок, но провели разведку и доложили капитану Андрееву, переправившемуся с главными силами батальона, что за леском, замаскировавшись, видимо, в

ожидании рассвета, стоит колонна фашистских танков. Поутру противник танками и мотопехотой атаковал батальонный плацдарм, но боевые машины встретил и заставил ретироваться хорошо организованный, плотный противотанковый огонь.

Таким образом, и батальон Богомягкова и батальон Андреева отлично выполнили задачу по форсированию реки. Но на участке 3-го батальона дело осложнилось. Сначала все шло по плану: передовые группы переправились, захватили плацдармы, отразили контратаку противника. И вот тут-то по донесениям из 331-го полка, по замедленному темпу форсирования реки 3-м батальоном я почувствовал какие-то нелады на этом участке. Позвонил в полк Резуну:

- В чем дело, Иван Васильевич?

- Непорядок с комбатом-3. Послал в батальон старшего лейтенанта Лабухина, он примет командование. Комбата-3 я отстранил и отправляю к вам.

Уже после боя мы выяснили подробности этого чрезвычайного происшествия. Не знаю уж, сколько прибавил этот горе-командир к положенным по норме фронтовым сто граммам, но факт остается фактом - выпил, потерял контроль и над собой и над батальоном. Такие явления пресекались в дивизии беспощадно, и он получил должное по воинскому закону.

Помощник начальника штаба полка Иван Андреевич Лабухин быстро выправил положение, сумел перебросить на плацдарм стрелков, пулеметчиков и артиллерию в помощь передовой группе - взводу старшего сержанта Ю. Б. Агатова с пулеметным расчетом комсорга роты сержанта С. А. Ефремова. Эта группа, зацепившись за кромку берега, заняла тактически невыгодную позицию: впереди, в 300 шагах, высота, пологая, широкая, закрывающая весь обзор. Противник вел с нее сильнейший пулеметный огонь.

- О чем задумался, комсорг? - спросил у друга Агатов.

- О ней, - кивнул Ефремов в сторону высоты. - Давай-ка попробуем сделать ее нашей верной подругой.

- Атаковать?

- Нет. Если будем атаковать, немец нас, как перепелок, пощелкает. Попробую добраться до нее тишком да ползком.

Взяв еще двух пулеметчиков, Ефремов пополз к высоте. Прошло около часа, противник усилил артиллерийско-минометный обстрел берега и реки. С высоты она была ему видна, как на ладони. Потом показалась цепь фашистских автоматчиков. Их было не менее сотни. Шли быстрым шагом, ведя на ходу огонь из автоматов.

- Без команды не стрелять! - предупредил Агатов. А в голове

одна мысль: "Где же Ефремов? Добрался ли?"

Фашисты были уже в сотне метров, когда по ним с высоты, с фланга, ударило сразу два пулемета. Открыл огонь и агатовский взвод. Гитлеровцы остановились в замешательстве, затем залегли. А когда Агатов поднял взвод в контратаку, противник побежал. Ворвавшись на высоту, Агатов увидел Ефремова и двух других пулеметчиков. Это они, овладев без шума немецкими пулеметами, открыли огонь во фланг противнику.

Закрепившиеся на высоте стрелки и пулеметчики обеспечили быструю переправу всего 3-го батальона. Батальон атаковал деревню Рабашабешь и овладел этим важным опорным пунктом.

Инициативно действовали артиллеристы полковой батареи 331-го полка. Командир отделения разведки сержант Виктор Иванович Афанасьев с передовыми подразделениями форсировал Рабу, четко корректировал огонь своей батареи. Но вот телефонная связь с ней оборвалась. Только восстановили, опять обрыв. Все телефонисты выбыли из строя, а провод снова рассечен осколками. Надо бы переправить орудия на эту сторону, поставить на прямую наводку, тогда и провод не нужен. Но как это сделать? Плотики не годятся - слабы. А что, если перетянуть пушку по дну реки? Ведь три метра - не такая уж большая глубина!

Сержант Афанасьев быстро переплыл к нашим, на восточный берег, поделился своими соображениями с командиром батареи. Тот его план одобрил. Первым решили перетащить орудие сержанта Александра Осиповича Егорова. Привязали к станинам пушки проволочный трос, к тросу - телефонный провод, взяли его конец в руку. Афанасьев, опять вплавь, вернулся на западный берег. С помощью пехотинцев вытянули из воды трос. Ухватились за него и дружным "раз, два - взяли" перетащили пушку по дну реки.

Расчет сержанта Егорова установил орудие на позицию, а полчаса спустя уже отражал контратаку немецких танков. Таким же образом переправили и другие орудия батареи.

Между тем бойцы 137-го гвардейского саперного батальона капитана К. И. Гоглоева и курсанты учебного батальона майора М. А. Бабичева приступили к восстановлению взорванного противником моста. Под руководством энергичного и отлично знавшего свое дело дивизионного инженера Владимира Михайловича Веселовского мост к вечеру был восстановлен, и по нему двинулась гаубичная артиллерия и другая тяжелая военная техника.

* * *

В ночь на 28 марта 105-я дивизия, форсировав главными

силами Рабу, быстро продвигалась вслед за отходившим противником. До утра прошли более 20 километров. Левый наш фланг и центр как бы описывали широкую дугу, а правый фланг- 345-й полк - оставался на месте, развернутый по-прежнему фронтом на север. Пока шло форсирование Рабы, полк весь день отбивал ожесточенные атаки фашистских войск. В общем и целом повторялась картина, ставшая для нас привычной: 345-й полк вот уже более недели является щитом, который прочно прикрывает с севера наступление не только нашей 105-й дивизии, но и всего корпуса.

За минувшие сутки 345-й стрелковый совместно с 165-м пушечным полком, занимая почти 20-километровый участок обороны, отбили четыре атаки. Было подбито и сожжено семь немецких танков, захвачено около сотни пленных. Вечером оттуда позвонил мне генерал Денисенко, приказал, чтобы начальник отделения кадров капитан Г. М. Торбан срочно привез в 345-й полк орден Красной Звезды и соответствующий приказ для награждения командира 2-й роты лейтенанта Михаила Михайловича Колесникова.

- Он тяжело ранен, сейчас его эвакуируют в госпиталь, поэтому надо немедленно вручить ему орден и оформить это приказом, - сказал генерал Денисенко. - Если бы ты знал, что он тут натворил! Молодчина, слов нет, какой молодчина! Солдаты про него чудеса рассказывают. Говорят, что, дескать, наш ротный, как Илья Муромец, косит в рукопашной направо и налево. Нынче целую роту фашистов со своими бойцами в плен взял. Отсюда вижу, как они пленных считают...

Итак, к исходу дня 28 марта, продвинувшись своим левым флангом на 40 километров с лишним, 105-я дивизия оказалась в весьма сложном положении. Начнем с того, что полоса ее наступления расширилась до 50 километров. Кроме того, врезавшись во вражескую оборону глубоким клином, дивизия была вынуждена вести бой сразу в трех направлениях: 345-м полком и двумя батальонами 349-го полка - на северо-восток; 331-м полком - на запад и юго-запад. Артиллерию пришлось рассредоточить подивизионно, а иные участки прикрыть одной-двумя батареями без пехоты. Широкий фронт и потеря значительной части средств связи (телефонного провода и аппаратов) при форсировании, - все это привело к большим трудностям в управлении полками и батальонами. Радиостанции восполнить недостающую нам проводную связь не могли, так как имели малую мощность. Поэтому связь пришлось поддерживать специально выделенным офицерам и водителям мотоциклов, вездеходов, автомашин.

Фронт, как и обычно при быстром продвижении, не был сплошным как с нашей стороны, так и со стороны противника. Разведчики, да и просто передовые подразделения то и дело направляли в штаб дивизии захваченных в плен гитлеровцев. В ночь на 29 марта из 2-го батальона 349-го полка прислали пленного офицера и десятерых солдат - их взял близ деревни Ваг комсомолец рядовой Михаил Ильич Тырцев. Час спустя из 1-го батальона 331-го полка были доставлены два портфеля с ценными оперативными документами. Они были обнаружены в машине, подбитой бронебойщиком Евгением Владимировичем Львовым.

Интересный случай произошел близ деревни Пали. Здесь вел разведку взвод лейтенанта Якова Васильевича Прохорова (331-й полк). В дивизии он был известен как лихой боевой командир, истинный сорви-голова, без "языка" из вражеских тылов почти не возвращался.

Так вот. Устроил Прохоров засаду у дороги, близ деревни. Ждали долго, наконец показались гитлеровцы. Шли они из Пали в пешем строю, численностью до роты. За ними в отдалении следовали два танка, две самоходно-артиллерийские установки и восемь бронетранспортеров. Одним словом, не тот объект для захвата пленных. Прохоров приказал своим бойцам:

- Тихо! Колонну пропускаем.

Может, и прошли бы фашисты мимо, да, видимо, кто-то из разведчиков плохо замаскировался. Офицер, вышагивавший в голове колонны, вдруг тонко крикнул:

- Рус! - и выхватил пистолет.

- Огонь! - скомандовал Прохоров.

Дружно ударили автоматы, в колонну полетели гранаты. У немцев замешательство, кинулись в придорожные кюветы. Танки и самоходки поспешили к месту боя.

Тут, как говорится, бери ноги в руки. Да не таков Яков Васильевич Прохоров. Выскочил с разведчиками на дорогу, сграбастали пару гитлеровцев и только тогда, отстреливаясь, ушли в лес. Привели в полк пленных, оттуда их передали уже нам, в штаб дивизии.

Показания пленных, проверенные с помощью других источников, позволили нам установить более или менее точно силы противника, которого мы охватывали с юго-запада, а 40-я гвардейская дивизия 4-й гвардейской армии - с востока.

Изучив детально обстановку, штаб 105-й гвардейской дивизии пришел к выводу, что нужно немедленно сгруппировать наши части, иначе растянутый почти на 50 километров, развернутый в трех направлениях фронт дивизии будет весьма

заманчивой целью для активно действующего противника.

Мы предложили такой план: наступая к австро-венгерской границе одним полком (349-м), главные силы дивизии развернуть кругом, ударить в северовосточном и восточном направлениях, навстречу 40-й гвардейской дивизии, совместно с ней покончить здесь с противником, чтобы снова развернуться на запад, к границе.

Генерал Денисенко согласился с этим предложением. Оно было утверждено и вышестоящим командованием. Нам стало известно, что вопросом ликвидации вражеской группировки, вклинившейся между флангами 9-й и 4-й гвардейских армий, занимается и штаб 3-го Украинского фронта. Да иначе и быть не могло: ведь именно отсюда, из северо-западных районов Венгрии, для обеих армий открывалось операционное направление на Вену.

В ночь на 29 марта 105-я дивизия перестроила свои боевые порядки и на рассвете перешла в наступление. К 10 утра передовые отряды полков продвинулись на 20-30 километров, соединились с 40-й гвардейской дивизией, которая вместе с другими соединениями 31-го корпуса продвигалась навстречу так же стремительно{15}. Ну, а в конечном результате, разгромив остатки гитлеровской группировки в районе городов Сан, Черна, Сомбатхей, мы оказались во "втором эшелоне 38-го гвардейского стрелкового корпуса.

После короткого отдыха 105-я гвардейская дивизия уже в походном порядке вслед за дивизиями первого эшелона направилась к австро-венгерской границе. По пути очищали леса и населенные пункты от больших и малых групп солдат и офицеров разгромленных в предыдущих боях дивизий: 3-й эсэсовской пехотной, 2-й венгерской танковой и 9-й пехотной и других.

31 марта наша дивизия вышла к австрийской границе близ города Шопрон. За десять дней боев мы прошли по территории Венгрии более 200 километров, освободили около 110 населенных пунктов. Более 2 000 солдат и офицеров потеряла дивизия убитыми и ранеными, освобождая Венгрию. Но жертвы, понесенные советским народом и его доблестной армией, не были напрасными. Трудовой народ Венгрии, освобожденный от вековой кабалы, взял власть в свои крепкие руки и теперь, в дружной семье братских государств, успешно строит социалистическое государство.

Коридор к Дунаю

Глухая ночь обступает нас. Словно бы сдвинулись горы над дорогой, давит сверху плотный полог облаков. Ни звезды, ни

огонька. 105-я гвардейская стрелковая дивизия в походных колоннах переходит австро-венгерскую границу.

Штабная машина остановилась на обочине. В неярком свете внутреннего плафона рассматриваем карту. На восточном ее срезе - голубая гладь озера Нейзидлер-Зее, севернее - австрийский город Винер-Нойштадт. Где-то там ведут бой передовые соединения 9-й гвардейской армии. Мы во втором эшелоне. Конкретной боевой задачи пока не имеем, но уже сориентированы командованием, что будем обходить Вену с запада, перерезая тыловые коммуникации, венской группировки немецко-фашистских войск.

Сквозь мерный шум шагов проходящей колонны услышал я обрывок фразы: "... Ты, Вася, уже в Альпах. Как Суворов". Да, фронтовая дорога привела нас в горы куда более суровые, чем тот же Баконьский Лес в Венгрии. Может, день-два спустя, а может, и сегодня вступим на австрийской земле в первый бой. Опыт горной войны у дивизии небольшой, всего десять дней. Однако и это уже наука, если разобраться в ней хорошенько. А разобраться надо немедля. Обратить особое внимание на ориентировку в горах, на бесперебойное управление подразделениями. Представил я мысленно офицеров штаба, наиболее подготовленных для проведения таких занятий. Это подполковник Цысь, майоры Иванов и Красильников. Ну и, конечно, командиры полков, большинство комбатов. Набросал примерный, так сказать, типовой план занятия на тему "Боевые действия в горах". Сделал пометку в блокноте: "Запросить в штабе корпуса дополнительно: а) карты крупного масштаба; б) компасы..."

Утром, на привале, генерал Денисенко созвал служебное совещание. Обсуждали особенности предстоящих боев. Наступать дивизии придется, очевидно, по двум-трем горным дорогам одновременно. Фланги полков окажутся открытыми, действовать части, а иногда и подразделения будут самостоятельно. В таких случаях их необходимо насыщать артиллерией, дополнительными средствами связи. Обычно в горах маневр по фронту затруднен, его заменяют маневром из глубины, для чего каждая колонна должна быть глубоко эшелонирована и располагать собственными резервами. Эти и другие предварительные соображения, которые мы обсудили, вскоре легли в основу боевого приказа по дивизии.

Поздним вечером 2 апреля 105-я гвардейская стрелковая дивизия вступила в Винер-Нойштадт. На его улицах еще шныряли группы фашистских поджигателей, гремели взрывы, горели и рушились дома. Пришлось выделить три стрелковых батальона,

которые и очистили город от противника. Здесь же после полуночи дивизия получила приказ командира корпуса с рассветом пройти через боевые порядки 99-й гвардейской стрелковой дивизии и совместно с соседями развить наступление на север. На первом этапе 38-й гвардейский корпус обходит Вену с запада, выдвигается к берегам Дуная; на втором - разворачивается фронтом на запад, оставляя австрийскую столицу далеко за спиной{16}. Таким образом, если сначала нам предназначалась роль меча, отсекавшего коммуникации венского гарнизона фашистов, то потом корпус становился щитом, который должен был прикрыть тылы и фланги советских армий, штурмующих Вену.

Пожалуй, впервые за свою службу в должности командира полка и начальника штаба дивизии я получил приказ, поставивший перед соединением такую глубокую задачу. Ну что ж, это можно было только приветствовать. Дело всегда спорится, если знаешь его перспективы.

Утром 2 апреля, пройдя боевые порядки 99-й дивизии, в соприкосновение с противником вошел 345-й полк. От Мацендорфа полк двинулся на север двумя параллельными дорогами: правой, (главными силами) - на Леберсдорф, Ваграм и далее к Санкт-Елену - крупной железнодорожной станции; а левой - на Вигмансдорф, Катенбрун, Хайлигенкройц (пункт близ той же самой железной дороги).

Несмотря на то что труднопроходимая местность вынудила нас ввести в бой сперва только один полк, наступление развивалось успешно. Около 10 утра стрелковый взвод лейтенанта Л. К. Сорокина, усиленный противотанковым орудием старшего сержанта С. С. Каля, на двух автомашинах выскочил к фашистскому концлагерю и, перебив охрану, освободил заключенных.

Мне довелось побывать в этом концлагере часа два спустя. Страшное зрелище. Заключенные были одеты в такую рвань и настолько истощены, что порой мы затруднялись определить их пол и возраст. Плакали, смеялись и без конца благодарили наших солдат-освободителей. Чех Иоган Бочек рассказал нам, что их до смерти истязали не только охранники-эсэсовцы во главе с лагерь-фюрером, но и штатская администрация. К сожалению, никого из этих палачей нам не удалось найти, они сбежали еще сутки назад.

Во второй половине дня сопротивление противника возросло. Он предпринял несколько контратак, и на левой дороге, во фланг батальону капитана Рыбакова, и на правой, со стороны Санкт-Елена. Надо было уплотнять боевые порядки, что мы и сделали, выдвинув вперед, к Санкт-Елену, 331-й гвардейский стрелковый

полк подполковника Резуна и 165-й гвардейский пушечный полк подполковника Левченко. Эти части стали быстро продвигаться к железной дороге.

Группа саперов из 331-го полка пробралась на станцию Санкт-Елен в момент, когда фашисты готовили к отправке в тыл четыре эшелона с промышленным оборудованием и военным имуществом. Саперов возглавил комсомолец старший сержант Иван Иванович Цыкало. Он заминировал и подорвал входные и выходные станционные стрелки. Были подорваны также два паровоза. Пока гитлеровцы исправляли повреждения, к Санкт-Елену подошли главные силы 331-го полка. "Станцию занял, - доложил в штаб дивизии подполковник Резун, - захвачено четыре эшелона с различными грузами. Представляю к награждению старшего сержанта Цыкало и его бойцов". А несколько часов спустя, приехав в 331-й полк, генерал Денисенко прямо на поле боя прикрепил орден Красной Звезды на грудь Ивана Цыкало. Подчиненные отважного сержанта получили боевые медали.

В ту же ночь полк Резуна обошел с северо-запада курортный городок Баден и совместно с частями 99-й гвардейской стрелковой дивизии ворвался на его улицы. Утром Баден и окружающие поселки, живописно разбросанные в горах вокруг озера, были очищены от противника.

За минувшие сутки 105-я стрелковая дивизия продвинулась на 13-15 километров. Темп вполне удовлетворительный, если учесть частые и весьма бурные апрельские дожди, превратившие даже маленькие ручейки в бурные потоки в долинах. Помимо естественных препятствий нам все время приходилось преодолевать препятствия искусственные. На всех дорогах и тропах противник устраивал лесные завалы, насыщал их минами, фугасами и другими подобными "сюрпризами". Довольно часто гитлеровцы подпиливали десятки деревьев, нависших над дорогами, закладывали под ними взрывчатку. Достаточно было конному или пешему задеть незаметную проволочную петлю, как гремел взрыв, и гигантские буки, дубы и вязы обрушивались с откосов на дорогу - на людей, боевую технику, транспорт.

Для того чтобы разобрать уже созданный завал или обезвредить только подготовленный, его надо было сначала разминировать. А сделать это в свою очередь можно было, только ликвидировав вражеское огневое прикрытие пулеметчиков, автоматчиков, снайперов, которые простреливали подступы к завалу. Вся эта процедура отнимала много времени и снижала темпы наступления дивизии. Поэтому мы вынуждены были создать специальные отряды, в которые кроме стрелков включили саперов, расчеты легких минометов и противотанковых ружей. Эти отряды занимались одновременно и разборкой завалов и ликвидацией вражеских засад. Продвижение наше сразу ускорилось.

Так, на ходу решая большие и малые проблемы, которые ставили перед нами Альпы и засевший на горных дорогах противник, мы упрямо продвигались на север, к Дунаю. У Санкт-Елена перерезали первую железнодорожную линию на Вену. Впереди, у Пресбаума, проходила вторая, еще более крупная и важная для венской группировки железнодорожная магистраль Линц - Вена. Логично было предположить, что на подступах к ней противник попытается остановить дивизию.

И действительно, уже во второй половине дня 4 апреля фашисты предприняли сильные контратаки на левом фланге дивизии, против 345-го полка. К нам в штаб доставили взятых на этом участке пленных. Все они были либо из 3-й пехотной дивизии СС, либо из 45-й немецкой пехотной дивизии. На допросе пленные показали, что их части группируются в районах Аланда и Груберау и оттуда должны наступать вдоль железной дороги, к Санкт-Елену. И верно, на следующий день вражеские атаки на участке 345-го полка продолжались с прежней настойчивостью.

Сложность обстановки состояла в том, что наша дивизия, опередив соседние соединения, глубоким, но узким клином врезалась во вражескую оборону. Оба наших, соседа - и 106-я и 107-я дивизии, выполняя свои боевые задачи, уже значительно отклонились - одна к северо-западу, другая к северо-востоку - от мысленной оси "юг - север", вдоль которой наступала наша дивизия. Так что, чем быстрее мы продвигались, тем с большей тревогой оглядывались на растянутые фланги. Наконец весь 345-й полк был вынужден развернуться в западном направлении, чтобы отразить контратаки врага. В третьем часу дня, когда я приехал в полк, положение здесь создалось неясное.

Наблюдательный пункт полковника Котлярова расположился в обширной мансарде одноэтажного деревенского дома. Отсюда, с горы, была видна спускающаяся по склону деревня Груб в прозрачном белом цвету весенних садов. Над ней нависали лесистые горные отроги, внизу - долина, уходящая на север. И справа, и слева, и в тылу полка, в верхнем конце долины, гремел сильный бой. Оттуда тянулись в небо жирные черные полосы дыма. Я поднял к глазам бинокль: это горели фашистские бронетранспортеры.

- Упоровская ударная работа, - пояснил Михаил Алексеевич Котляров.

Лейтенанта Василия Васильевича Упорова я запомнил еще по форсированию Рабы. Его взвод преодолел реку в числе первых. Сейчас бойцы во главе с храбрым своим командиром отразили две сильные контратаки гитлеровцев. Упоров взорвал гранатой

один из этих бронетранспортеров, но и сам получил тяжелое ранение и был только что отправлен в госпиталь.

Полковник Котляров доложил, что приходится распылять и так очень ограниченные силы. Причины этого были мне известны: они равно действовали во всей полосе дивизии. Близость австрийской столицы наложила определенный отпечаток на всю дорожную сеть. С севера на юг, вдоль полосы наступления, тянулись только две дороги, зато поперек полосы, к Вене, - десятки больших и малых, шоссейных, грунтовых, железных дорог. Их обилие и фланговая (по отношению к нам) направленность использовались гитлеровцами и для контратак и для коротких, диверсионного типа, ударов по нашим тылам. Приходилось выделять прикрытия на многочисленные дороги, что вело к распылению сил.

Участок 345-го полка растянулся далеко к юго-западу от Хайлигенкройца. Его надо было срочно укрепить. Согласовав этот вопрос с комдивом, я выдвинул сюда батарею 121-го гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона. Батарея сделала свое дело - помогла полку отбить сильную контратаку со стороны Аланда. Во время этого боя особенно отличился водитель артиллерийского тягача рядовой Анатолий Иванович Дубович. Когда он выводил прицепленное к машине орудие на открытую огневую позицию, фашисты открыли сильный огонь. Снаряд попал в тягач. Командир орудия был убит, наводчик и другие номера расчета - ранены. Дубович вытащил товарищей из горящей машины, потом стал выбрасывать ящики со снарядами. В одиночку отцепил и развернул пушку, зарядил, навел на цель. Стреляя прямой наводкой, он уничтожил два пулемета, около четырех десятков вражеских солдат. Когда кончились снаряды, Дубович взялся за автомат. Он стойко оборонял свою огневую позицию, пока не подоспели друзья из батареи.

На участке 345-го полка мне пришлось пробыть около трех часов, и в штаб дивизии я возвратился уже под вечер. Штаб застал на прежнем месте - на развилке дорог, откуда можно было легко попасть в любую из частей. Еще издали увидел у легковой автомашины группу офицеров штаба. В ее центре - генерал Денисенко. Чем-то, видимо, недоволен, говорит громко и резко. Я услышал только последние фразы.

- ... Засели в тылу, поле боя не видите, обстановки не знаете! Сейчас же перебирайтесь вперед! - приказал он подполковнику Цысю. - Дайте карту! Ваше место здесь! - Михаил Иванович указал квадрат, где располагался командный пункт 349-го полка.

Как я уже рассказывал, у меня с генералом Денисенко отношения сложились самые лучшие, какие и должны быть у

командира с начальником штаба. Контакт полный. Бывало, конечно, что я ошибался в работе, бывало, что и он, но никогда мы не пытались упорствовать в ошибках. Поэтому и сейчас я попробовал объяснить Михаилу Ивановичу, что выдвижение штаба дивизии в указанный им район может привести к напрасным потерям, а главное - затруднит управление всеми частями, кроме 349-го полка.

Не помню сейчас точную причину недовольства комдива своим штабом, кажется, что-то связанное с передислокацией того же 349-го полка из второго эшелона в первый. Вполне допускаю, что штаб мог в чем-то ошибиться. Однако реакция генерала Денисенко была неправильной. Наказывать можно и должно провинившегося работника или группу работников, но возлагать их вину на весь коллектив штаба - это уже слишком. Да и метод наказания не выдерживал критики. Ну, переедет штаб в зону, простреливаемую пулеметами противника, а что дальше?

- Не учи! - резко ответил на все мои доводы комдив. - Немедленно перебирайся со штабом!

Пришлось выехать в указанный район. Попали под минометный обстрел, потеряли три штабные машины. Место оказалось очень неудобным. Приблизившись к одному полку, штаб дивизии удалился от других, связь с ними резко ухудшилась. Да и работать было трудно - в течение одного вечера нам пришлось трижды браться за оружие, чтобы отразить атаки немецких автоматчиков.

В конце концов комдив приказал штабу вернуться на прежнее место. А когда мы остались с ним наедине, Михаил Иванович прямо и просто сказал:

- Прости, погорячился.

На том и покончили мы с инцидентом, единственным в нашей дружной боевой работе на фронте. Штаб дивизии был спаянный, офицеры отличались трудолюбием, хорошей специальной подготовкой. Привычку "прощупать" своими глазами местность, прежде чем приниматься за очередную задачу, я принес с собой в штаб дивизии из полка и постарался привить подчиненным. "Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать", - эта старинная поговорка очень верна и для работников штаба, вырабатывающих боевое решение.

К исходу 5 апреля наши полки вышли к предместьям города Пресбаума. "Пересек железную дорогу Линц - Вена западнее Пресбаума. Окружаю город с северо-запада", - доложил командир 345-го полка Котляров. Аналогичное донесение поступило из 349-го полка, который обходил Пресбаум с юго-востока. Ворваться в него пока не удалось. Противник вел сильный огонь с окраин.

Но гвардейцы 114-й отдельной разведроты старшего лейтенанта Козлова сумели проникнуть в город. Из их донесений мы сделали вывод: противник попытается удерживать Пресбаум до тех пор, пока не эвакуирует из города танкоремонтный и артиллерийский заводы. Во дворе первого из них разведчики насчитали около сотни отремонтированных танков. Десятки легких и тяжелых орудий стояли и на погрузочных железнодорожных площадках артиллерийского завода. Надо было немедленно "закупорить" все выходы из города и ночью штурмовать Пресбаум.

Город был вскоре окружен, однако противник с этим фактом смириться не хотел. Он упорно контратаковал как из города - в основном на северо-запад и северо-восток, так и с внешней стороны, стремясь пробиться к окруженным. В ночь на 6 апреля таких контратак было 19! 345-му и 349-му полкам приходилось иногда отражать натиск фашистов на два фронта.

В этих боях отличился пулеметный взвод лейтенанта Ивана Федоровича Матвеева из 349-го полка. Усиленный двумя противотанковыми пушками взвод перекрывал горную дорогу из Пресбаума на север, к железнодорожной станции Тульнербах. Фашисты бросили против гвардейцев мотопехоту с танками. Завязался ожесточенный бой. Понеся большие потери в лобовых атаках, противник попытался обойти оборону взвода параллельной долиной. Однако лейтенант разгадал этот маневр и предпринял контрманевр. Он доложил командиру полка, что оставляет на прежнем месте противотанковое орудие и пулеметный расчет, а остальных пулеметчиков и второе орудие ведет горами наперерез фашистам. Полковник Кудрявцев одобрил смелый план двадцатилетнего офицера. Матвеев посадил своих бойцов на трофейные бронетранспортеры и через горы провел к удобной позиции, с которой можно было контролировать огнем всю долину. Подошедшая колонна противника была рассеяна орудийно-пулеметным огнем. В трехчасовом бою гитлеровцы потеряли 6 танков и более 130 солдат и офицеров. Гвардейцы захватили 25 пленных, 15 исправных машин и 7 бронетранспортеров.

Очень напряженным был этот день для артиллеристов 121-го гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона. Командовал им майор Н. А. Заборский - отличный специалист, большой храбрости человек. Когда стало ясно, что главные силы противника, пытающегося деблокировать Пресбаум ударами извне, сосредоточены близ станции Тульнербах, генерал Денисенко выдвинул к ней свой противотанковый резерв - дивизион Заборского.

Вскоре майор Заборский, проведя разведку, доложил по радио в штаб дивизии, что намерен сам атаковать фашистов на станции. Одной артиллерией атаковать врага, располагающего танками и бронетранспортерами, дело, конечно, рискованное. Но комдив, подумав, дал разрешение. Он знал Заборского как командира, который не рискует попусту.

На автомашинах с пушками на прицепе одна из батарей дивизиона ворвалась в станционный поселок. Развернули орудия, открыли по фашистам огонь прямой наводкой. Сразу же подожгли два танка, четыре бронетранспортера. В упор расстреляли здание, где размещался вражеский штаб. В поселке поднялась паника. Гитлеровцы бросились в ближайший горный лес. Несколько офицеров, выскочивших из штаба, пытались спастись в бронетранспортере, но он был тут же подбит. Среди убитых в нем оказался фашистский генерал.

Скоро к Заборскому прибыло подкрепление - другая батарея дивизиона и рота автоматчиков из 345-го полка. Совместно отразили контратаку врага, сожгли еще три танка.

В то время как майор Н. А. Заборский с главными силами 121-го дивизиона вел напряженный бой за Тульнербах, в двух-трех километрах восточнее этой станции, у населенного пункта Пуркерсдорф, активно действовала 3-я батарея дивизиона. После выхода из строя комбата возглавил ее заместитель Заборского по политчасти старший лейтенант В. Н. Еременко. Здесь противотанкисты тоже опередили противника и захватили Пуркерсдорф, отражая контратаки фашистов, уничтожили много пехоты и восемь танков. За инициативу и воинское мастерство, проявленные в бою за Пуркерсдорф, замполит 121-го гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона Валентин Николаевич Еременко был награжден орденом Красного Знамени.

Поздним вечером 5 апреля контратаки врага севернее Пресбаума, в районах Тульнербаха и Пуркерсдорфа стали заметно ослабевать. В боевой обстановке наступил перелом в нашу пользу. Участь окруженного в Пресбауме фашистского гарнизона была решена.

Ночью 345-й и 349-й полки при содействии 104-й гвардейской стрелковой дивизии, выдвинутой из второго эшелона корпуса, решительной атакой овладели городом. Мы захватили громадные трофеи, в том числе 72 исправных танка.

Это был крупный успех. Главная коммуникационная артерия вражеской венской группировки, идущая к ней из Линца, оказалась прочно перехваченной советскими войсками. А несколькими часами ранее мы стали участниками еще одного

значительного события, точнее, двух событий, тесно между собой связанных. Ну, во-первых, обходя Вену, 38-й гвардейский стрелковый корпус вышел к западным пригородам австрийской столицы. Теперь нас отделяло от нее 8-10 километров. Если бы не горы, можно было бы в бинокль увидеть Вену. А во-вторых, через нашу полосу были введены части 6-й гвардейской танковой армии. Танки вышли к передовой и здесь, резко повернув на восток, устремились к западным предместьям Вены. Было очевидно, что борьба за город вступает в решающую фазу.

Вскоре к нам приехал командир корпуса генерал Утвенко, проинформировал о боевой обстановке у соседей. 37-й и 39-й гвардейский стрелковый корпуса 9-й гвардейской армии охватывали Вену с юго-запада, соединения 4-й гвардейской армии - с юга.

Комкор уточнил и нашу задачу. Дивизия по-прежнему должна наступать в северном направлении, пробивая коридор к Дунаю и перехватывая последние дороги, ведущие к Вене с запада. Сейчас до берегов Дуная по прямой примерно 15-17 километров. Нам предстоит преодолеть в этом районе оборону противника, опирающуюся на такие крупные узлы сопротивления, как Рид, Тульбинг и город Тульн. Генерал Утвенко подчеркнул, что главная особенность, а с ней и трудность возникнет перед нами на заключительном этапе прорыва к дунайским берегам, то есть сегодня и завтра. Обе стенки коридора, который пробивает 105-я дивизия, - и западную и восточную - нам придется прикрывать собственными силами. Наступать к Дунаю будем как бы веером - в расходящихся, а затем и диаметрально противоположных направлениях, частью сил на запад, частью - на восток, к Вене. По самым минимальным расчетам участок каждого стрелкового полка раздвинется до 10-12 километров. Для обороны это даже слишком широкий фронт, а уж для наступления - тем более. Командованию дивизии придется, видимо, ввести в бой все резервы, вплоть до учебного батальона.

Так оно и получилось. Сразу за городом Пресбаум, севернее железнодорожной магистрали Линц - Вена, стрелковые полки вынуждены были двигаться в расходящихся направлениях: 331-й полк - к северо-востоку, к Тульбингу; 349-й к западу, к реке Гросс-Тульн; 345-й - к северо-западу, к низовьям этой реки и городу Тульн. Рассредоточенно использовалась и 56-я артбригада, ее гвардейские полки-165-й пушечный, 201-й гаубичный, 535-й минометный и даже приданный нам корпусной пушечный полк. Причем на каждом направлении создавались смешанные артгруппы. Полоса наступления с каждым часом стремительно расширялась, поглощая резервы, и мы готовились к трудным

временам. И как всегда в подобных ситуациях, большие надежды возлагали на действия разведывательных групп. Только хорошо поставленная разведка могла своевременно раскрыть штабу дивизии намерения противника, подсказать, как быстрей и с наибольшим эффектом сманеврировать нашими ограниченными, разбросанными на большом пространстве силами.

Начальник разведки дивизии майор П. П. Иванов немедленно организовал широкий поиск во всей полосе наступления и на всю ее глубину, вплоть до Тульна и других городов и поселков на Дунае. Ушли в тыл врага поисковые группы из состава 114-й гвардейской разведывательной роты старшего лейтенанта Д. А. Козлова, ушли полковые и батальонные разведчики.

Очень хорошо проявила себя разведка 331-го полка. Действия разведчиков здесь умно и энергично направлял начальник штаба майор Я. Ф. Шохман. Мелкие группы разведчиков 1-го и 2-го батальонов были направлены в ближний тыл врага, на рокадную дорогу Вена - Мауэрбах - Рид. Группа рядового 3-й роты Василия Ивановича Турчанинова из засады уничтожила две автомашины врага, захватила пленных. Группа из 2-го батальона под командованием сержанта Владимира Андреевича Бабича, тоже действуя из засады, захватила три легковые машины, уничтожила 12 гитлеровцев, в основном офицеров, и доставила в полк портфель с вражескими штабными документами.

Рядовой Михаил Семенович Манзюк из взвода пешей разведки возглавил группу из трех человек. Гвардейцы захватили и доставили в штаб полка восемь гитлеровцев.

В более глубокий поиск было направлено отделение сержанта Николая Федоровича Лобова. Разведчикам предстояло выяснить обстановку в районе города и крупного узла дорог Тульбинга. За ночь группа Лобова прошла по горам около 15 километров и перед рассветом залегла в засаде в лесу, над мостом через горную речку. Надеялись захватить легковую машину с офицерами, но получилось иначе. Утром к мосту подъехала автоколонна - грузовики с пехотой, минометами, полевой кухней. Видимо, гитлеровцы решили устроить привал. Солдаты высыпали из машин, начали умываться, потом потянулись с котелками к кухне. Сержант Лобов дал сигнал своим бойцам. Затрещали автоматные очереди, ударил ручной пулемет, в противника полетели гранаты. Немцы кинулись врассыпную. Разведчики захватили трех пленных и благополучно вернулись в полк.

Сведения, добытые разведкой 331-го полка и дополненные дивизионными разведчиками, помогли командованию дивизии подготовить быстрый захват Тульбинга. План был таков: 331-й полк без обозов и приданной ему артиллерии, налегке, горными

тропами обходя вражеские опорные пункты, пройдет ночью к Тульбингу и на рассвете внезапной атакой овладеет городом.

Приданная стрелковому полку артиллерия - 535-й гвардейский Печенгский Краснознаменный, ордена Красной Звезды минометный полк подполковника Петра Афанасьевича Рогового и дивизион корпусного артполка - должна была двигаться к Тульбингу самостоятельной колонной по шоссе, с тем чтобы в нужный момент поддержать стрелков своим огнем.

В ночь на 7 апреля 331-й полк двинулся в путь. Лил проливной дождь, горные тропы обратились в скользкое плывущее под ногами месиво. Но трудности не остановили гвардейцев. К рассвету, как и планировалось, совершив 18-километровый марш-бросок, Иван Васильевич Резун вывел полк на подступы к Тульбингу.

В передовом отряде шел 1-й батальон капитана Богомягкова. Разведчики доложили ему, что севернее города на военном аэродроме стоят до 30 "юнкерсов" и "мессершмиттов". Аэродром крупный, объектов много. Кроме летного поля с боевыми машинами есть еще и зенитная батарея, казармы летного состава и охраны, пункт управления, склады с боеприпасами и горючим.

Алексей Васильевич Богомягков принял решение захватить аэродром. Распределив подразделения по объектам, часть сил он выделил в прикрытие, так как противник, услышав шум боя на аэродроме, наверняка мог бросить сюда подкрепления из города. Свой план комбат доложил по радио командиру полка. Резун план утвердил и решил направить к аэродрому еще и 2-й батальон капитана Андреева.

И вот роты Богомягкова уже залегли перед колючей проволокой, огораживающей аэродром. Светало. Рев прогреваемых авиамоторов наполнил окрестности.

В туманной мгле саперы подобрались к жилым помещениям и взлетной полосе, заложили заряды взрывчатки. Рядовой Алексей Никифорович Федосов сумел заминировать казарму, в которой располагалась аэродромная охрана.

Капитан Богомягков поднял ракетницу - красная ракета зависла над аэродромом. И тотчас загремели взрывы, взлетели в воздух кирпичи, бревна, доски, рухнули потолки. Разрывы гранат, треск пулеметов и автоматов, грозное "ура" прокатились над летным полем. Гвардейцы ворвались на аэродром.

Сам комбат вместе с командиром роты автоматчиков старшим лейтенантом Евгением Алексеевичем Клыковым и его бойцами участвовал в захвате аэродромного пункта управления. Отсюда хорошо видны все объекты аэродрома. Сопротивление фашистов было почти везде подавлено, только трем летчикам

удалось забраться в бомбардировщик. Самолет тронулся с места, начал разбег. Еще мгновение - и взлетит! Однако саперы успели взорвать бетонную дорожку. "Юнкерс" как бы споткнулся, ударился носом в землю, мощный внутренний взрыв разнес его на части.

Этот бомбардировщик - единственный из всех - был уничтожен при захвате аэродрома. Остальные 27 боевых машин попали в руки бойцов 1-го батальона в полной исправности - готовые к взлету, заправленные горючим и с бомбами в люках. Все склады тоже оказались в целости и сохранности{17}.

Богомягков, доложив в полк о захвате аэродрома, немедленно организовал его оборону. И очень своевременно! Часа не прошло, как со стороны Вены показалась на шоссейной дороге колонна машин с пехотой и зенитными орудиями. Гитлеровцы с ходу бросились в контратаку. Одновременно другое вражеское подразделение двинулось к аэродрому от городской окраины. Завязался сильный бой. Его исход решил подоспевший с артиллерией 2-й батальон капитана Андреева. Гитлеровские колонны были рассеяны.

7 апреля в половине девятого утра, когда колонна штаба дивизии вышла из Пресбаума на север, командир 331-го полка подполковник Резун отправил нам радиодонесение. Его принесли мне. Читаю: "Полк овладел Тульбингом... Аэродром... 27 исправных бомбардировщиков и истребителей... Иду к Мукендорфу на Дунае..." Большой успех! Доложил о нем генералу Денисенко. Михаил Иванович, разумеется, был доволен. Приказал:

- Доложи в штаб корпуса.

- Надо бы проверить. Разрешите мне съездить в Тульбинг?

Денисенко разрешил, я поехал. Проверить обязательно надо. Только вчера мы получили внушение от начальства за неточные цифры захваченных трофеев. Когда овладели Пресбаумом, начальник штаба 345-го полка майор И. М. Балацкий доложил мне, что у противника взято 82 исправных танка. Я сообщил эти данные в штаб корпуса, оттуда - в штаб армии. А несколько часов спустя комиссия, принимавшая трофейные танки, пришла в недоумение: налицо 72 танка - куда делись 10 машин? Оказалось, что в бумажной этой "прибавке" виноват Балацкий. Была у него вообще такая привычка: уверенно - я бы даже сказал, самоуверенно - докладывать факты, в достоверности которых надо бы еще убедиться. И хотя сейчас я имел дело с другим полком, с другим начальником штаба, с Шохманом, который, наоборот, и сам был безукоризненно правдив и у подчиненных воспитывал скрупулезную точность, я все же решил съездить в

Тульбинг. Очень уж богатые трофеи - целый полк боевых самолетов!

Со мной поехал начальник особого отдела дивизии майор Андрей Ильич Песецкий. На трех маленьких вертких автомашинах с группой автоматчиков и радистов мы тронулись в путь. Добрались до аэродрома без происшествий. Встретил меня командир 331-го полка подполковник Резун. "Поколдовали" с ним над картой, обсудили задачу дня: надо было быстрей выходить на Дунай, чтобы перерезать единственную с нашей стороны реки прибрежную дорогу, которую вражеское командование еще использовало для связи с венской группировкой.

Потом капитан Богомягков повел нас на летное поле. Он уже успел загореть под апрельским солнцем до черноты, поэтому серые его глаза под лохматыми бровями казались особенно светлыми. Поглядывая на меня, Богомягков повторял имена и фамилии солдат, отличившихся при взятии Тульбинга. Коротко, но ярко рассказал о каждом. Очень хлопотал комбат о своих людях. У такого командира ни один отличившийся боец не останется без поощрения.

Самолеты стояли рядами, сверкали лаком и стеклом. На краю аэродрома просторные ангары. Широкая бетонная полоса, отлично оборудованный пункт управления. С такого аэродрома можно взлетать в любую погоду и в любое время суток. У гитлеровцев здесь размещался учебный центр переподготовки летного состава.

Осмотрев аэродром, я связался по радио со штабом дивизии:

- Все в порядке, докладывайте в корпус о трофеях.

Согласовал с комдивом свой дальнейший маршрут. Надо заехать в 345-й полк, которому предстояло выполнить трудную задачу - выйти к Дунаю у Тульна. Вызвал штаб этого полка:

- Где находитесь?

По переговорной таблице майор Балацкий доложил: деревня Вагендорф. Батальоны ведут бой в километре к северу от нее.

Посмотрели карту. Напрямую, через горы, до Вагендорфа километров 6-8. В объезд - втрое дальше, зато хорошей дорогой. Сели в машины, поехали. Неподалеку от Вагендорфа с гребня высоты хлестнула по нас пулеметная очередь. Автоматчики ответили прямо с машин. Минут десять спустя нас еще раз обстреляли. Но мы опять проскочили благополучно.

Машины выскочили на опушку. Впереди длинный, пологий травянистый склон с редкими деревьями. Внизу, в лощине, речка, по берегам которой стояли дома деревни Вагендорф. Что это именно она, сомнений у нас не было. Но почему там тихо? Где тот самый бой, о котором докладывал Балацкий? Решаю все-таки

ехать в деревню. На всякий случай необходимо рассредоточиться: машина с радистами пойдет за нашей в 150-200 метрах, машина майора Песецкого останется на опушке. Пусть понаблюдают.

Говорю шоферу рядовому Матюхину:

- Смотри в оба. Возможно, в деревне немцы.

Автоматчики проверили оружие, поехали вниз по склону. Матюхин старается вести машину от укрытия к укрытию. Но вот впереди открытая поляна. Ее пересекает дорога, входящая с юга в деревенскую улицу. Шофер включает третью скорость, мы вихрем влетаем в Вагендорф.

Деревня как вымерла. Ни наших, ни немцев. Никого. Хоть бы пес пролаял или корова промычала. Нет! Яркое солнце и жуткая тишина. Видимо, деревня полностью эвакуирована.

Подъехали наши радисты, загнали машины в ближний двор. Я приказал радисту связаться с.345-м полком. Ответил майор Балацкий. Прошу подтвердить координаты штаба полка. Он подтверждает. Выходит, что они тоже в Вагендорфе. Что за чепуха? Но закончить разговор не удалось.

Гулко, отдаваясь горным эхом, грянул близкий орудийный выстрел, за ним второй. Подбежал Матюхин, кричит:

- Товарищ полковник, поглядите! Горит!

Гляжу, там, наверху, на опушке, горит третья наша машина, а майор Песецкий с тремя автоматчиками отползают по травянистому склону к лесу.

- Я видел, откуда ударила пушка, - докладывает Матюхин. - Разрешите я ее того, ликвидирую?

- Один?

- Могу и один. А то дайте в подмогу автоматчика.

- А как же машина?

- У машины Здорик останется (это второй наш шофер).

- Действуй! - говорю.

Матюхин и еще один автоматчик по лощине ушли вверх, к гребню. Мы, шестеро, остались в деревне. Я знал, что где-то неподалеку должен быть старший лейтенант Козлов с группой дивизионных разведчиков. Отправили в эфир его позывные, и он тотчас откликнулся. Спрашиваю:

- Где находитесь?

- Квадрат... - кодом отвечает он.

Сверил его данные с картой. От нас он не далее как в четырех километрах. Назвал свои координаты.

- Приезжай немедленно!

К деревне подошел майор Песецкий с тремя автоматчиками. Рассказал, что кроме легкой пушки в лесу, под гребнем горы, они видели десятка три гитлеровских пехотинцев. А через несколько

минут я и сам их увидел: цепочкой, строча из автоматов, они спускались с горы к деревне. Мы залегли, открыли огонь. Фашисты приближались короткими перебежками. Мы приготовили гранаты.

И вдруг на дороге раздался треск мотоциклетных моторов. Это спешил к нам Козлов со своими разведчиками. Они мчались на трех машинах с колясками, строча из пулеметов. Фашисты побежали вверх по склону и скрылись в лесу. На горе осталось 12 вражеских трупов.

Тут я вспомнил о Матюхине. Куда он пропал? Ни его нет, ни автоматчика. И фашистская пушка молчит. Но вот и Матюхин и автоматчик вернулись живыми-здоровыми. Легкую горную пушку они, оказывается, подорвали, ее расчет уничтожили. Так закончилась эта короткая схватка у деревни Вагендорф.

Однако нам все-таки надо было попасть в 345-й полк. Где же он?

- Тут! - доложил старший лейтенант Козлов и поставил точку на моей карте. - Опушка леса восточнее Юденау.

- Но ведь это, если не напрямик, добрых двенадцать километров от Вагендорфа?

- Точно! - подтвердил он. - А почему вы удивляетесь?

- Да потому, что уже дважды запрашивал триста, сорок пятый полк: где находитесь? И Балацкий дважды ответил: "В Вагендорфе..."

- То есть здесь, в этой деревне?

- Ну да...

Козлов от души расхохотался, блестя здоровыми белыми зубами.

- Вот умора! Да ведь я час назад был в штабе полка. Там они, у Юденау. Ведут бой с немецкими зенитчиками.

- Что еще за зенитчики?

- Из учебного центра.

И Козлов, сразу став серьезным, кратко доложил мне результаты последнего разведывательного поиска. Рядом с Юденау у фашистов есть мощный опорный пункт. Его основу составляет учебный центр зенитной артиллерии - более 40 тяжелых и средних орудий, расположенных в бетонированных укреплениях. Орудия приспособлены и для стрельбы по наземным целям.

Поблизости - большой военный городок с множеством прочных каменных зданий. Фашисты приспособили их к обороне, прикрыли проволочными и противотанковыми заграждениями и минными полями. Козлову удалось захватить пленного с ценными для нас документами, среди которых схема опорного

пункта со всеми укреплениями военного городка, с огневыми позициями зенитной артиллерии, с подземными сооружениями.

- Пленного и его документы я отправил в штаб дивизии, - закончил свой доклад командир разведроты.

Козлов приказал экипажу одного мотоцикла проводить нас в штаб 345-го полка, и мы поехали на юг, к Юденау. В пути повстречали 2-й батальон этого полка. Солдаты разбирали завал на горной дороге.

- Имею задачу наступать в направлении Вагендорфа, - доложил мне комбат капитан Рыбаков. - Впереди действует взвод автоматчиков, на флангах разведгруппы. Жду донесения.

- А может, мы тебе вместо них обстановку, проясним?

Евгений Васильевич Рыбаков посмотрел на меня с недоумением. Серьезный он человек, недомолвок не любит. Я объяснил, что мы с Андреем Ильичом Песецким только что из Вагендорфа, что надо срочно бросить туда усиленную роту и закрепить деревню за собой. Он тут же отдал соответствующий приказ, и 4-я стрелковая рота поспешила к Вагендорфу.

Ну, а мы поехали дальше, в штаб 345-го полка. Ехал я и думал: как же это так? Командир 2-го батальона капитан Рыбаков знает, куда идет, а в штабе не знают. Это странно потому, что начальник штаба хорошо подготовлен в военном отношении.

Приехал в штаб полка, спрашиваю майора Балацкого:

- Покажите на карте точку, где находитесь? Он показывает на Вагендорф.

- Ну, а теперь просто рукой покажите направление на Юденау.

Он машет рукой на юг. Все перепутал. Пришлось разбираться. Это было не просто. В конце концов оказалось, что первым допустил ошибку командир роты из 3-го батальона: ворвался в Юденау и доложил, что он в Вагендорфе. Никто не проверил, и так пошла ошибка вверх по цепочке, до штаба полка, который, переехав в Юденау, тоже посчитал, что это - Вагендорф. Финал был неприятен и для командира полка полковника Котлярова и для начальника штаба майора Балацкого. Обоим крепко досталось. Случай этот обсуждался на собрании штабной партийной организации 345-го полка. Коммунисты вскрыли другие недочеты, которые, укоренившись, давали повод для подобных ошибок. Взяли и мы под жесткий контроль работу штаба полка. Все эти меры вскоре дали положительные результаты.

Возвращаясь из 345-го полка, я встретил штаб дивизии уже на дороге, в машинах. Все в этот день, 7 апреля, спешили на север, к Дунаю. Первым порадовал нас Иван Васильевич Резун. Его 331-й

полк в 16.00 вышел к реке у Мукендорфа, захватив большие трофеи.

345-й полк вел напряженный бой севернее Юденау, атакуя учебный центр зенитной артиллерии (в наших боевых документах он фигурировал как "зенитный городок"). Этот опорный пункт закрывал полку дорогу к Тульну на Дунае, и фашисты обороняли его очень упорно. Лишь к вечеру сопротивление противника было сломлено.

Офицер-оператор майор Красильников, которого мы направили в штаб 345-го полка, рассказал мне, что решающую роль в захвате "зенитного городка" сыграла рота старшего лейтенанта А. И. Кушнарева из 2-го батальона. Кушнарев провел своих бойцов труднодоступными скалистыми горами прямо в тыл противника, к сердцу и мозгу "зенитного городка", к его штабу и пульту управления огнем. Они располагались в бетонированном подземелье, в целой системе бункеров. Здесь все было механизировано и электрифицировано, все 40 орудий, стрелявшие по воздушным и наземным целям, управлялись по радио.

Кушнаревская рота внезапным ударом захватила пульт управления, фашистская оборона стала неуправляемой. Спустя час 345-й полк овладел "зенитным городком". На железнодорожной ветке, проходившей через городок, был захвачен состав цистерн с горючим, в подземных складах - масса боеприпасов и различного военного имущества.

Разгромив противника, полк двинулся дальше на север. Уже перед вечером полковник Котляров доложил, что 345-й полк вышел к Дунаю восточнее города Тульн. Теперь уже все пути к Вене из западных областей Австрии были в наших руках. Одновременно 349-й полк и учебный батальон, прикрывая дивизию слева, выходили к реке Гросс-Тульн на очень широком (до 27 километров) фронте. Таким образом, первая часть задачи, поставленной перед нами командованием, - рассечь вражескую оборону западнее Вены и выйти к Дунаю - была выполнена. Правда, 7 апреля пробитый нами коридор от западной его стенки до восточной не превышал пяти километров.

На очереди было решение второй части задачи - надежно прикрыть с запада наши войска, штурмующие Вену. Уличные бои там становились все более напряженными. 6-я эсэсовская танковая армия получила приказ Гитлера удерживать столицу Австрии до последней возможности. С наших позиций на Дунае и Гросс-Тульне мы слышали неумолчный грохот канонады у себя за спиной, в Вене. Ночью над восточным краем горизонта стояло громадное, в полнеба, зарево.

Западнее Вены

Вечер 7 апреля в штабе дивизии прошел в напряженнейшей работе. Штаб - на колесах, в пути к новому месту расположения, к Тульбингу. В непрерывном движении и все части дивизии. Наступали стремительно, передовые батальоны обгоняли отходящие колонны противника, били их с тыла и флангов, отсекали от переправ через Дунай на севере и реку Гросс-Тульн на западе. Наш левофланговый 349-й полк выходил к Гросс-Тульну; центр, 345-й полк, - к городу Тульну, что стоял на слиянии Гросс-Тульна с Дунаем; правофланговый 331-й полк - тоже к Дунаю, но несколько ниже по течению, к городку Мукендорфу.

Поступает донесение из 331-го полка: "В Мукендорфе благодаря инициативным и решительным действиям взвода автоматчиков старшего сержанта Черноиванова захвачена пристань, пароход, груженные промышленным оборудованием баржи". Уж не тот ли это Черноиванов, который возглавлял штурмовую группу в боях за город Папа? Подтверждают - тот. Позже я узнал подробности этого боя...

Улицы Мукендорфа были забиты отступавшими гитлеровцами. Теснились конные повозки и фургоны, легковые и грузовые автомашины, бронетранспортеры, тягачи с орудиями на прицепе, мотоциклы. Громадный, крытый брезентом немецкий грузовик таранным ударом отшвырнул к тротуару вставшую на его пути пароконную повозку и, прибавив скорость, промчался к реке, к дунайским причалам.

Вот и пристань. К ней пришвартован большой буксирный пароход. Дальше баржи с открытыми трюмами, над которыми сновали стрелы портальных кранов, грузили станки и другое ценное промышленное оборудование. Покрикивали грузчики, суетились солдаты хозяйственных команд и какие-то господа в штатском. С мостика буксира его капитан и офицер-эсэсовец наблюдали за погрузкой.

Громадина грузовик резко затормозил у трапа. Из кабины выскочил кряжистый советский старший сержант, в два прыжка оказался на борту буксира, скомандовал: "Руки вверх!" и для убедительности взмахнул противотанковой гранатой. Офицер растерялся, торопливо расстегнул кобуру, бросил на палубу свой пистолет. А из-под тента грузовика уже прыгали на землю советские солдаты, бросались на пароход, спешили к баржам. Треск автоматов, взрывы ручных гранат... Фашисты в панике разбежались с пристани.

Взвод автоматчиков занял круговую оборону. Спеша на помощь взводу старшего сержанта Черноиванова, в городок

ворвались другие подразделения 331-го полка...

Старший сержант В. Н. Черноиванов и бойцы его группы за боевую доблесть при атаке Мукендорфа на Дунае тут же были представлены к наградам. После окончания войны Василий Никитович остался в армии, стал офицером. Я испытал большое удовлетворение, когда узнал, что к боевым его наградам прибавился в мирное время и орден Красной Звезды. Так были отмечены успехи ветерана-фронтовика в обучении и воспитании молодых воинов.

В тот вечер, 7 апреля, разговаривая по телефону со штабом 345-го полка, я услышал еще две фамилии, хорошо мне запомнившиеся по боям на венгерской земле: Пекшин и Борисов. Взвод лейтенанта И. И. Пекшина, усиленный станковым пулеметом, первым вышел к Дунаю, на прибрежное шоссе Тульн - Мукендорф. Гвардейцы отрезали колонне противника путь на Тульн. Начался ожесточенный бой, в ходе которого полторы сотни гитлеровцев под прикрытием огня с бронетранспортеров пытались отбросить взвод Пекшина.

Более часа длился этот неравный бой. Наводчик станкового пулемета рядовой В. В. Борисов, как и всегда, умело выбрал позицию для своего "станкача". Бил атакующих фашистов с фланга, пока не кончились патроны. К окопу приблизился бронетранспортер, и Борисов, выждав, хладнокровно и расчетливо метнул гранату. Бронетранспортер стал, задымил. У гвардейца оставались еще две гранаты. С ними он и выскочил из окопа на гитлеровских пехотинцев. После боя лейтенант Пекшин нашел тяжело раненного пулеметчика среди множества убитых им врагов. Валентин Васильевич Борисов был отправлен в госпиталь.

Прошло много лет. Зная, что Валентин Васильевич Борисов родом из Архангельской области, я написал о нем, о его боевых делах в местную газету. Думал, может, откликнется наш герой-гвардеец. Письмо пришло, но не от него от его старенькой мамы. Она писала:

"Дорогой Вы мой человек: Простите, не знаю Вашего имени-отчества. Это про сына моего младшего, про Валю, написали Вы в газете.

Мне 75 лет. Мой муж и первый сын погибли на фронте. А Валя вернулся. Был он ранен и контужен, поэтому пришел из госпиталя домой только в 1946 году. И стали мы с ним вдвоем горе наше семейное побеждать. Никак не могла я привыкнуть к мысли, что муж и старший сын никогда не вернутся домой. Все надеялась на чудо.

Валя устроился работать. Женился. Все было бы хорошо, да

очень уж часто и подолгу он болел. Надо бы, может, куда-то поехать было, лечиться по-настоящему, да он все откладывал на потом...

Уже десять лет прошло, как нет его с нами, Вали нашего. И вдруг эта статья в газете. Помнят, значит, Валю его боевые товарищи...

Трудно мне писать. Поймите горе материнское. Был бы он жив, сколько счастья было бы в нашем доме. Сам бы и Вам ответил... Вы мне самый дорогой подарок в дом принесли. Читаю я все время статью про Валю моего. Щемит сердце. Больно, горько, но горжусь. Вот он какой у меня был... Защитник Родины!

Как мне отблагодарить Вас за память о сыне? Низко кланяюсь Вам. Борисова Анна Николаевна".

Письмо Анны Николаевны я читал и перечитывал. Вспоминал тысячи молодых ребят таких же отважных, как ее Валентин. Вспоминал и свою семью, где из нас, пятерых братьев, двое не вернулись с фронта, а 60-летнему отцу также пришлось воевать в Великую Отечественную (третью на его веку) войну. Вспоминал и другие знакомые мне семьи, в которых двое-трое, а иногда и более родных пали в боях за Родину. И думал, что священный долг оставшихся в живых перед памятью павших - рассказать о них новому поколению. Получив несколько писем, подобных письму Анны Николаевны, я и решил писать воспоминания о дорогих товарищах по войне...

* * *

Но вернемся к событиям позднего вечера 7 апреля. Штаб дивизии только что устроился на новом месте - в лесочке, что северо-западнее Тульбингского аэродрома. Саперы еще не закончили земляные работы, рыли блиндажи, землянки, укрытия. А связисты уже протянули проводную связь. Они, как всегда, были на высоте. Командир 192-го гвардейского батальона связи капитан Николай Ионович Распутин превосходно знал свое дело, был отличным организатором. Связь у нас работала бесперебойно. Я позвонил в 345-й полк. У телефона его командир полковник Котляров. Доложил:

- Батальон Рыбакова ворвался в город Тульн. Пробивается к Дунаю через центральные кварталы.

- Помни, Михаил Алексеевич, про мосты.

- Помню, - ответил он. - Главные силы батальона нацелены на дунайский мост, рота Кушна-рева - на мост через Гросс-Тульн...

Оба этих моста в Тульне сейчас стали нашей заботой номер один. Само расположение города на пересечении двух крупных речных артерий требовало от нас быстрых и решительных действий по захвату мостовых переправ.

Вражеское командование широко использовало их для переброски и сосредоточения войск. Сейчас, стремясь избежать разгрома, оно отводило свои части по мостам на север за Дунай и на запад за Гросс-Тульн. Однако не подлежало сомнению, что противник попытается удержать за собой предмостные укрепления. Располагая ими как плацдармами, он в подходящий момент мог нанести с них контрудар в сторону блокированной Вены.

Всю ночь в Тульне гремели уличные бои. Воины 345-го полка упорно пробивались к мостам. Действовали компактными штурмовыми группами. Их поддерживали пушки 165-го гвардейского артполка подполковника П. М. Левченко.

Неожиданно связь с 345-м полком прервалась. Исправлять повреждение отправился телефонист рядовой Владимир Иванович Целин. В течение ночи он делал это уже двенадцатый раз. Нашел порыв в проводе, срастил его. В предутреннем тумане неожиданно заметил смутные силуэты. Трое? Нет, четверо. Наши? Нет, фашисты. Они пробирались через двор прямо на телефониста. Целин поднял автомат. Очередь в упор. Двое упали сраженные, двое подняли руки. Полчаса спустя пленные были уже в штабе 345-го полка, откуда их переслали к нам, в штаб дивизии. Допросили. Они показали, что имели задачу захватить у русских "языка".

- Кто приказал?

- Командир разведывательного батальона первой танковой дивизии.

- Вся дивизия здесь?

- Нет, только наш батальон.

- Когда прибыли?

- Вчера вечером.

- Сколько танков в батальоне?

- Три средних, восемь легких, двенадцать бронетранспортеров...

Генерал Денисенко был в это время в Тульне, в 345-м полку. Я позвонил туда, доложил полученные от пленных сведения.

- Тульн очистим с часу на час, - ответил он. - Сейчас Кушнарев ведет бой на реке Гросс-Тульн. Мост захватил неповрежденным. Я скоро вернусь в штаб.

Захват моста на Гросс-Тульне стал возможен благодаря исключительно смелым действиям бойцов и командиров роты старшего лейтенанта А. И. Кушнарева. Кушнарев скрытно вывел роту к реке, выслал разведку. Мост оказался заминированным. Надо было предотвратить взрыв, и гвардеец, которому было поручено сделать это, блестяще справился с задачей. Комсомолец

из саперного взвода 345-го полка рядовой Михаил Николаевич Ганин пробрался на мост, перерезал бикфордов шнур, вынул детонаторы из нескольких мощных зарядов.

Ганин доложил Кушнареву, что мост разминирован. Старший лейтенант поднял роту в атаку. Стремительным броском преодолели гвардейцы мост, двинулись дальше, к поселку Лангерн. Этот расположенный на высотах пункт был хорошо укреплен. Фашисты вели плотный прицельный огонь, и рота вынуждена была залечь.

По существу этот бой решал, быть ли нашему плацдарму за рекой Гросс-Тульн или не быть. Вражеское командование бросило в контратаку все, что имело под рукой, - зенитную батарею, роту железнодорожной охраны, остатки строительного дорожного батальона.

Пять часов длился бой за Лангерн. Тяжело был ранен командир роты. Командир взвода лейтенант Григорий Петрович Винников, тоже раненый, принял командование, прорвался со своими автоматчиками к центру Лангерна и после ожесточенного рукопашного боя очистил его от противника. Только после этого Винников, раненный вторично, согласился на эвакуацию в госпиталь.

За взятие Лангерна Григорий Петрович Винников был награжден орденом Красной Звезды. Сейчас он живет в родном селе Порошино Алтайского края.

* * *

Таким образом, к середине дня 8 апреля усилиями бойцов и командиров кушнаревской роты не только был захвачен мост через Гросс-Тульн, но и создан плацдарм на ее западном берегу, у Лангерна. Однако второй и главный из тульнинских мостов - дунайский - все еще находился в руках противника.

По приказу комдива я выехал в Тульн, чтобы на месте разобраться в довольно запутанной обстановке уличного боя. Наша машина промчалась по задымленным улицам пригорода. Привычный запах гари, привычная картина подготовленного к упорной обороне города: прочные баррикады - клетки из железных балок, заполненные мешками с песком, усиленные камнем и бетоном. Такую баррикаду и танк, пожалуй, не свернет.

Наблюдательный пункт командира 345-го полка - на верхнем этаже большого дома. Наружная стена с крышей и чердаком обрушены прямыми попаданиями снарядов, поэтому из комнаты открывается отличный вид на северную часть города и, главное, на дунайский мост. Михаил Алексеевич Котляров докладывает мне обстановку.

Батальон Рыбакова вышел к Дунаю и левее и правее моста, но

ворваться на мост не смог. Все подступы к нему перекрыты баррикадами, проволочными и минными заграждениями, хорошо продуманной системой огня. Много орудий стоит на прямой наводке. Помогает фашистам и тяжелая артиллерия из-за Дуная, с того берега. Удерживая подступы к мосту, противник постепенно выводит по нему войска из города.

- Так что Тульн скоро будет наш, - заключил Михаил Алексеевич. - Весь вопрос сейчас во времени: будет ли Тульн нашим, когда мы того захотим или когда его согласится сдать противник...

- Что предприняли?

- Сейчас придет сюда один смекалистый сержант, поговорим с ним...

Десять минут спустя на НП пришел сержант, четко доложил:

- Сержант Бахтин по приказанию капитана Рыбакова прибыл.

- Садись, Александр Максимович! - пригласил. его полковник Котляров. Куришь?

- Курю.

- Угощайся "Казбеком" да рассказывай, что вы там с комбатом придумали.

Бахтин сел на диван, степенно закурил "Казбек", кратко и точно изложил свой замысел. Он отыскал водосборный колодец, от которого под землей проложены трубы. Одна из них ведет к главной улице, по которой гитлеровцы отводят к мосту свои части из центра города. 'Бахтин предложил пробраться по трубе в глубину вражеской обороны и внезапно ударить оттуда.

- Станковый пулемет по трубе протащишь?

- Нет, - ответил Бахтин. - Только ручной. Да и боец не всякий пролезет, придется подбирать народ, который телом поубористей.

Подробно обговорили детали плана. Решили послать с отделением Бахтина разведчиков-наблюдателей из артиллерийской и минометной батарей. Они там будут весьма полезны, так как с нашей стороны ближние подступы к мосту плохо просматривались - их загораживали дома.

Вскоре Александр Максимович Бахтин с бойцами своего отделения и двумя артиллерийскими разведчиками-наблюдателями спустились в колодец, пробрались по трубе в глубину обороны противника. Выбрались благополучно наружу, захватили кирпичный трехэтажный дом, окна которого выходили на мост. Разведчики-наблюдатели связались по рации с огневыми позициями, и, когда колонна гитлеровцев приблизилась к мосту, батареи накрыли ее плотными артиллерийско-минометными залпами. Два грузовика вспыхнули факелами, загородив проезжую часть моста.

Гитлеровцы попытались выбить из дома группу Бахтина, однако лишь потеряли в бою два десятка солдат и отошли. А разведчики продолжали корректировать огонь. Снаряды и мины градом сыпались на мост, рвались среди сгрудившихся автомашин.

Противник, оборона которого перед мостом теперь простреливалась насквозь, стал заметно нервничать. А когда капитан Рыбаков нажал своими ротами с обоих флангов, гитлеровцы, бросая тяжелое вооружение и автотранспорт, поспешно отступили за Дунай. Южная часть этого большого, примерно 400-метрового моста оказалась в наших руках. Однако прорваться по нему на северный берег Дуная мы не смогли - не было нужных для этого сил. Поэтому и командование не ставило 105-й дивизии подобной задачи. Ведь прорыв за Дунай, создание там плацдарма требовали, как минимум, сосредоточения здесь всех полков нашего соединения. А мы продолжали действовать в трех направлениях: 345-й полк - на северо-запад; 349-й полк- на запад; 331-й полк - на восток, в сторону Вены.

Пока 345-й полк бился за мосты в Тульне, а 331-й полк очищал от противника южный берег Дуная, на левом фланге дивизии 349-й полк выходил к реке Гросс-Тульн на широком фронте. Район этот насыщен параллельными, идущими к Вене железными и шоссейными дорогами с множеством больших и малых мостов. Два моста - один у Михельхаузена, другой у Абштетена - оказались на участке 349-го полка. Командир 2-го батальона майор Крымов направил к Михельхаузену две группы разведчиков. Первая во главе с сержантом Павлом Ивановичем Павлениным переправилась через Гросс-Тульн и пробралась к станции. Разведали удобные к ней подходы, нанесли на карту позиции зенитных батарей. На обратном пути захватили вражеский грузовик вместе с шофером и благополучно вернулись в батальон.

Вторая группа (ее вел командир отделения сержант Иван Васильевич Салин) проникла еще дальше в тыл противника - в междуречье Гросс-Тульна и Першлинга и также вернулась оттуда с пленными. Теперь район был достаточно подробно изучен, и Крымов повел батальон в атаку. Мост, а затем и станция Михельхаузен были захвачены с ходу при минимальных потерях.

Второй мост - у Абштетена - также взяли неповрежденным. Здесь отличились саперы 349-го полка. Взвод под командованием старшего сержанта А. М. Карпова в ночь на 8 апреля внезапным налетом уничтожил охрану моста (более 30 человек), разминировал его и еще до утра обеспечил переправу через Гросс-Тульн главных сил 349-го полка.

Примерно в полдень гитлеровцы предприняли серию контратак на всем растянувшемся до 10-12 километров фронте полка. Повсюду завязались ожесточенные схватки. Противник вводил в бой новые резервы. У нас буквально в глазах рябило, когда составляла перечень фашистских соединений, частей, сводных и сборных групп, действовавших перед дивизией

Все эти части и сводные отряды по мере подхода немедленно бросались гитлеровским командованием в бой. Это был трудный день для 349-го полка. Отражая яростные контратаки, он понес значительные потери. Под Михельхаузеном погиб один из героев полка рядовой Петр Иванович Суворов. Он первым спрыгнул во вражескую траншею, двинулся вглубь по ходам сообщения. Оказавшись рядом с огневой позицией противотанковой пушки, забросал ее расчет гранатами. Когда оглянулся - рядом никого из своих не было, не было и патронов. Суворов подобрал трофейный автомат, открыл огонь, но фашисты его окружили. Он отбивался до последнего патрона. Будучи уже трижды раненным, финкой заколол фашиста и, чтобы не попасть в плен, той же финкой ударил себя в сердце. Когда подоспели товарищи, он был уже мертв. Так геройски погиб 19-летний комсомолец из Красноярска Петр Иванович Суворов.

Уже после войны его младший брат Георгий писал мне: "Нас, братьев Суворовых, было пятеро. Четверо погибли на фронте, Петя - последним, уже на исходе войны". Однако в памяти земляков Петр Суворов живет, и в 1968 году он как бы опять встал в строй - посмертно был зачислен в бригаду водителей большегрузных самосвалов на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. И, принимая в свои ряды героя-фронтовика, комсомольца и одногодка, бригадир Александр Николаев от имени товарищей дал клятву не посрамить фронтовых традиций, быть первыми в труде.

Ожесточенная борьба за плацдармы на западном берегу Гросс-Тульна продолжалась до вечера 8 апреля. Батальон Крымова сразу за Михельхаузеном был контратакован вражескими танками. Бронебойщик младший сержант Павел Васильевич Бабий меткими выстрелами из противотанкового ружья поджег самоходно-артиллерийскую установку. Осколки разорвавшегося поблизости снаряда ранили Бабина и повредили его ружье. Тогда он, взяв противотанковые гранаты, пополз навстречу вражескому танку и подорвал его. В поединок с другим танком вступил комсорг роты сержант Иван Макарович Бурматов. Брошенные им две гранаты разорвались позади башни, над мотором, однако танк лишь замедлил ход. Что там у него повреждено, Иван, конечно, не знал, но танк стал вдруг двигаться

как черепаха. Медленно развернулся, пополз к своим. Гранат больше у Бурматова не было.

Что делать? Ведь уйдет. Сержант вскочил на броню, двинул прикладом в крышку башенного люка:

- Вылазь, фриц! Сдавайся!

Но оттуда послышался ответ на ломаном русском языке:

- Сам сдавайсь, Иван! Бросай оружие!

Несмотря на драматизм ситуации, Бурматову стало, смешно. Он попытался было согнуть пулеметный ствол - занятие бесполезное. А танк потихоньку полз. Но тут выскочили из воронки двое комсомольцев - рядовые Иван Павлович Гусев и Василий Иванович Зозуля. Кричат:

- Слезай, сержант! Мы ему всыплем!

Комсорг соскочил на землю, солдаты стали бросать в танк бутылки с зажигательной смесью. Машина вспыхнула, люк открылся, танкисты торопливо выбрались наружу и без лишних слов подняли вверх руки. Их взяли в плен.

Большую помощь в этот трудный для 349-го полка день ему оказали артиллеристы 201-го гвардейского Кировоградского Краснознаменного гаубичного полка подполковника Анатолия Николаевича Тихомирова. Метким огнем они не раз рассеивали скопления войск противника, доставая его и в укрытиях - в оврагах, лощинах, за крутыми скатами высот, - срывая готовившиеся контратаки.

Около 4 часов дня командир 349-го пола полковник Кудрявцев доложил в штаб дивизии, что все контратаки фашистов отражены и установлена фланговая связь с 345-м полком на западном берегу Гросс-Тульна. Положение здесь, на западном фасе коридора, который дивизия пробила к Дунаю, стабилизировалось, и, несмотря на ограниченность наших сил, мы продолжали наступление. Хуже обстояли дела на восточном фасе коридора. Во второй половине дня фашисты со-стороны Вены нанесли сильный удар по участку 331-го полка. Из доклада подполковника Резуна явствовало, что фашисты, обработав боевые порядки полка, большой группой бомбардировщиков и штурмовиков, силами до пехотного полка, поддержанного батальоном танков, прорвались у деревни Унтер-Кирхен.

Впрочем, назвать это прорывом в полном смысле слова нельзя, ибо сплошной линии фронта практически не было. 331-й полк, растянувшись от Тульна до Мукендорфа, очищал от противника южный берег Дуная и одновременно частью сил оборонялся с. востока, со стороны Вены. Здесь на каждый километр фронта приходилось у нас едва ли по стрелковому взводу. Так что, создав громадный численный перевес в людях и

технике на узком участке у Унтер-Кирхена, противник смог продвинуться на запад, к Тульбингу, в 3-4 километрах от которого располагался в лесу штаб 105-й дивизии.

План гитлеровского командования был совершенно ясен. Одновременные контратаки на западном фасе коридора, против 349-го полка, и на восточном фасе, против 311-го полка, имели целью смять этот коридор и восстановить связь Вены с Западной Австрией.

Я немедленно позвонил комдиву (он был в 349-м полку), потом в корпус. Оттуда обещали помощь. А пока что пришлось организовывать оборону штаба наличными силами.

У нас был заведен железный порядок: как только командный пункт перебазировался на новое место, тут же помощник начальника оперативного отделения старший лейтенант Александр Лаврентьевич Голованов представлял мне боевой расчет на случай внезапного нападения противника. Весь личный состав получал от него конкретные задачи, свои сектора обороны и направления. Выделялся и резерв.

К такому порядку меня еще задолго до войны приучила пограничная служба. На заставе, где я был начальником, боевой расчет составлялся ежедневно. Это очень пригодилось на войне. За четыре фронтовых года мне не раз довелось быть свидетелем и участником обороны командных и наблюдательных пунктов, но никогда противнику не удавалось застигнуть нас врасплох только потому, что каждый рядовой, сержант и офицер знал свое место и обязанности на такой случай.

В тот день, 8 апреля, в районе штаба в моем распоряжении оказались немалые силы. Прежде всего комендантский взвод и рота из учебного батальона, охранявшая Знамя; затем саперная рота, которая занималась оборудованием командного пункта; взвод 114-й гвардейской разведывательной роты и личный состав 192-го гвардейского батальона связи, не занятый на линиях. Наше расположение прикрывал от воздушных атак 104-й гвардейский зенитный дивизион; в лесу стояла одна батарея 121-го гвардейского истребитель-но-противотанкового дивизиона.

После того как наблюдатели доложили о приближении с востока крупных сил противника, личный состав штаба и перечисленные выше подразделения заняли назначенные им по боевому расчету участки обороны. Первыми вступили в бой зенитчики.

Очевидно, гитлеровское командование довольно точно знало расположение штаба и прикрывавших его зенитных батарей. Об этом можно было судить хотя бы потому, что выскочивший из-за гор "мессершмитт" атаковал батарею старшего лейтенанта

Потапова без разведки. День был ясный, солнечный, с редкими прозрачными облаками, и всю картину боя мы видели отлично. "Мессер" пикировал на огневую позицию в кольце разрывов. Неожиданно он вспыхнул и, объятый пламенем, врезался в лес - вымахнуло черно-красное облако взрыва, и все стихло. Однако ненадолго. Снова оттуда же налетела группа фашистских бомбардировщиков - машин 10-12. Ударили все три батареи зенитного дивизиона. Стрелки, автоматчики, пулеметчики, бронебойщики тоже открыли огонь. Дружная, меткая стрельба из всех видов оружия принесла хороший результат. Пять вражеских самолетов один за другим загорелись и упали в окружающий нас горный лес, причем последний сразили на выходе из пике курсанты учебного батальона бронебойщики Аркадий Андреевич Отраднов и Александр Алексеевич Андреев.

В конце концов, сбросив беспорядочно бомбы, остальные вражеские "стервятники" ушли. Бомбежка не причинила нам существенных потерь. Зенитчики тут же стали опускать стволы, чтобы от противовоздушной обороны перейти к обороне противотанковой.

Фашистские танки и пехота предприняли атаку по долине, в верхнем конце которой, близ развилки дорог, располагался командный пункт. Зенитный дивизион сосредоточенным огнем 12 орудий встретил наступающие танки. Один из них получил три попадания подряд. Вспышки рвущихся на броне зенитных снарядов были явственно видны. Внутри машины взорвался боезапас, пламя полыхнуло над башней. Остальные танки повернули вспять.

Наступавшая вслед за танками пехота залегла в долине. Начался огневой бой. Курсанты роты старшего лейтенанта Георгия Александровича Соколова занимали очень выгодную позицию на горе, по заросшему мелким кустарником склону. Отсюда метким огнем они поражали залегшую вражескую пехоту. - Бой как будто бы принимал затяжной характер, я уже подумывал об организации контратаки, когда немецкие танковые пушки забухали совсем рядом. Я выглянул из окопа: от перекрестка дорог разворачивались шесть фашистских танков. По ним ударила наша противотанковая пушка. Я не видел ее хорошо замаскированную огневую позицию, зато видел результаты боевой работы артиллеристов: два вражеских танка уже горели.

После боя мне доложили, что командовал этим орудием старший сержант Валентин Иванович Чурбанов, а наводчиком был младший сержант Николай Евлампьевич Швидков. Только вчера по поручению генерала Денисенко я вручил им ордена Славы III степени. Оба были награждены за форсирование реки

Рабы, где помимо выполнения других боевых дел захватили у врага исправное орудие. Сегодня случилось так, что только одна их пушка стояла на пути фашистских танков от перекрестка к нашему командному пункту.

Расчет Чурбанова подбил третий танк, но тут же вражеский снаряд разорвался под колесами пушки. Чурбанов и орудийные номера, рядовые Фельдшеров и Глазков, были убиты. Швидков ранен. Схватив противотанковую гранату, комсомолец нашел в себе силы броситься наперерез движущимся к командному пункту танкам и подорвал один из них. Сам он погиб, но противник, потеряв четыре машины из шести, был вынужден отступить.

Едва ликвидировали эту опасность, возникла другая. Прибежал телефонист, доложил, что человек 40 гитлеровцев атакуют узел связи, наши едва отбиваются. Рядом со мной в окопе был оператор штаба 38-го гвардейского корпуса майор М. Г. Искорцев. Он попросил:

- Разрешите мне?

- Добро, Михаил Григорьевич. Бери комендантский взвод, действуй.

Майор Искорцев отлично справился с задачей. Гвардейцы атаковали противника и в ближнем бою уничтожили более 20 гитлеровцев, пятерых взяли в плен, остальные бежали. Узел связи мы отстояли.

Получив повсеместно отпор, фашисты больше не атаковали. Вели огонь по нашему расположению, мы - по ним. Примерно час спустя после начала боя к нам подошло подкрепление - стрелковый батальон 331-го полка и танковая рота от соседей - из 6-й гвардейской танковой армии. Совместным ударом противник был разгромлен и отошел на восток, в сторону Вены. Вскоре 331-й полк сдал, свой участок частям 6-й гвардейской танковой армии и сразу оказался во втором эшелоне дивизии.

Теперь наша дивизия все свои силы могла сосредоточить на одном направлении - западном. Командир корпуса генерал Утвенко требовал как можно скорее и дальше отбросить противника на запад, чтобы он не смог прорваться на помощь своей венской группировке. Как нас информировали на исходе дня 8 апреля, в Вене продолжались упорные уличные бои.

В последующие дни, с 9 по 12 апреля, 105-я гвардейская дивизия, имея два полка в первом эшелоне, один - во втором, медленно продвигалась на запад вдоль южного берега Дуная к очередному его притоку - реке Першлинг. Противник неоднократно переходил в контратаки.

Першлинг мы форсировали без особых усилий. Основная заслуга в этом принадлежала саперам 137-го гвардейского

саперного батальона и непосредственно дивизионному инженеру подполковнику В. М. Веселовскому. Отличный специалист, Владимир Михайлович энергично и целеустремленно руководил своим "хозяйством" умел предвидеть развитие боевых действий и приучал к этому своих подчиненных. Инженерная разведка была в дивизии поставлена образцово. Саперы уходили во вражеский тыл для разведки бродов, мостов и других объектов задолго до выхода стрелковых частей к очередному водному рубежу. Поэтому штаб дивизии всегда заранее располагал инженерными данными, необходимыми для планирования форсирования рек.

Так было в Венгрии, на Марцале и Рабе, так было и в Австрии, где дивизии пришлось в течение недели преодолеть подряд три крупных притока Дуная - реки Гросс-Тульн, Першлинг и Трайзен (о ней речь впереди).

При форсировании Першлинга в центре боевого порядка дивизии из-за смежных флангов 345-го и 349-го полков мы ввели в бой и 331-й полк. Теперь дивизия наступала в одноэшелонном построении.

Утром 13 апреля после 15-минутной артиллерийской подготовки дивизия атаковала оборону фашистов на 16-километровом фронте. Мы быстро продвигались вперед. Темпы движения еще более возросли, когда в нашей полосе, обогнав стрелковые части, вступил в бой прибывший к нам на усиление танковый батальон.

Упорное сопротивление оказал противник лишь на участке 345-го полка, близ дунайского берега. Здесь, на крутых высотах, в поселке Оберсбербаум и ближних деревнях, был создан сильный опорный пункт. Его обороняли два батальона противника - штрафной и железнодорожный. В Оберсбербауме стояла также батарея орудий большой мощности, которую фашисты называли "Гроссбатареен". Попытка батальона капитана Рыбакова с ходу ворваться в опорный пункт успеха не принесла.

Командир 345-го полка доложил создавшуюся обстановку в штаб дивизии. "Еду в триста сорок пятый", - решил генерал Денисенко. Его беспокойство можно было понять: дивизия быстро продвигалась к реке Трайзен, и лишь правый фланг топтался у Оберсбербаума. В результате прибрежная группировка противника угрожающе нависла над флангом и тылами дивизии.

Михаил Иванович, как всегда, побывал на самых важных с тактической точки зрения участках, все осмотрел, взвесил. Потом предложил комбату обойти опорный пункт с тыла. И вот рота старшего лейтенанта Бобри Нигматуловича Нигматулина двинулась в обход трудными горными тропами. По пути натолкнулись на огневую позицию вражеской минометной

батареи, захватили шесть минометов, взяли в плен расчеты. Скрытно приблизившись к Оберсбербауму, Нигматулин повел роту в атаку. Гитлеровцы были ошеломлены, система их огня нарушилась. Этим немедленно воспользовался Рыбаков - бросил на Оберсбербаум с фронта главные силы батальона, и к 3 часам пополудни противник был полностью разгромлен.

Когда я в ходе этого боя позвонил в 345-й полк, чтобы доложить комдиву обстановку на других участках, мне ответили, что генерала Денисенко на командном пункте полка нет.

- Комдив мне срочно нужен. Где он?

- В батальоне. Участвует в атаке на Оберсбербаум. В 4 часа дня Михаил Иванович позвонил мне сам. Настроение, чувствуется, хорошее. Приказал:

- Донеси в штаб корпуса, что болячку эту сковырнули. Опорный пункт взят, триста сорок пятый выходит на уровень остальных полков дивизии.

- Слушаюсь! - ответил я. - Один только вопрос к тебе, Михаил Иванович.

- Какой?

- В донесении указать, что командир дивизии ходил в атаку в стрелковой цели?

- Ну ладно, ладно уж... Надо было, вот и ходил.

- Мы с тобой договорились, и ты дал слово не рисковать без нужды.

- Хорошо, хорошо, - перевел он разговор. - Я еду к Кудрявцеву, а ты, будь добр, съезди к Резуну. Они там интересное дело затевают.

Отдав необходимые распоряжения, я выехал в 331-й полк, к подполковнику Резуну. Было уже темно, когда машина выехала на крутой берег реки Трайзен. С противоположной стороны, видимо, по силуэту ударил крупнокалиберный немецкий пулемет.

"Интересное дело" заключалось в решении подполковника Резуна, не дожидаясь сосредоточения всего полка, ночью форсировать реку и атаковать город Герцогенбург двумя батальонами.

Резун выслал разведку, которая должна была взять "языка". Возглавил поисковую группу опытный разведчик сержант Степан Алексеевич Ефремов. Пятеро гвардейцев переплыли без происшествий быструю реку Трайзен. Противник молчал. Разведчики выбрались на высокий берег. Ориентируясь по звездам, двинулись к дороге, что пролегала от южных пригородов Герцогенбурга к городу Санкт-Пельтен.

Тьма была такая, какая бывает только в горах, где ночные

тени как бы накладываются одна поверх другой. Беззвучным сигналом Ефремов вдруг остановил товарищей. Все замерли. Лежали, слушали тишину. Так прошло минут пять. Неужели он ослышался? Нет! Противник где-то близко, совсем рядом. Слышен металлический щелчок зажигалки, тянет сигаретным дымком.

До рези в глазах всматривается сержант во тьму. Да, там что-то слабо шевельнулось. Может, ветер тронул кусты? Но ветра нет! Опять условным сигналом Ефремов приказал товарищам: "Берем "языка"! Тихо окружили подозрительное место. Теперь уже можно было различить неглубокий окоп, силуэты солдат.

- Руки вверх! - негромко скомандовал сержант.

Фашисты оцепенели. Слишком буднично и оттого особенно страшно прозвучала над окопом русская речь. Они без сопротивления побросали оружие. Солдат трое. Ефремов отправил двух автоматчиков с пленными на нашу сторону.

И вот пленные-унтер-офицер и два солдата - сидят перед нами.

- Ваш полк, дивизия?

- Семьсот сороковой пехотный полк семьсот десятой пехотной дивизии.

- Когда прибыли в Герцогенбург?

- Вчера утром.

- Откуда прибыли?

- Из Италии.

- Какую службу выполняли, когда попали в плен?

- Службу боевого охранения.

- Ждете сегодня нашей атаки?

- Нет. Командиры нас не предупредили. Обычно если что-нибудь такое известно, то предупреждают. Особенно - боевое охранение...

Я созвонился со штабом дивизии. Оттуда подполковник Цысь сообщил, что пленные, взятые на других участках, показывают: наступления русских сегодня не ожидается.

- Порадовать вас? - спросил Алексей Никитович Цысь, когда покончили с делами.

- Конечно!

- Сегодня Вена полностью очищена от гитлеровцев. Москва салютовала нам, войскам Третьего Украинского фронта. Нашей дивизии присвоено почетное наименование "Венская"...

Это приятное известие я сообщил замполиту командира полка майору В. Ф. Червякову, и Василий Филиппович с радостной вестью ушел в батальоны, к солдатам. Между тем подполковник Резун и начальник штаба майор Шохман уточнили

последние детали атаки. Начать ее решили немедленно.

Батальоны капитана Н. Д. Андреева и старшего лейтенанта Н. П. Воронина тихо вышли к бродам, тихо перешли на ту сторону Трайзена. Мы в напряжении ждали, что вот-вот взовьются над рекой ракеты, ударят пулеметы и орудия. Но фашисты молчали. Мало того что они прозевали переправу обоих батальонов, - и штаб полка успел перебраться на западный берег Трайзена, и все мы вместе со стрелками вошли на южную окраину Герцогенбурга, а противник ничего не подозревал. Конечно, короткие перестрелки кое-где вспыхивали - и на мосту, где саперы сняли охрану, и в других местах. Но поскольку стычки были скоротечными, такой "шумок", привычный для долгожителей переднего края, тревоги во вражьем стане не вызвал.

Перед рассветом подполковник. Резун дал сигнал атаки. И сразу по всему городу загремели в утреннем тумане взрывы ручных гранат, автоматные и пулеметные очереди. Гитлеровцы метнулись к окраинам, к дорогам на запад и юг к Вельблингу, Вайтцендорфу и Санкт-Пёльтену. Однако Иван Васильевич Резун предвидел такой оборот и заранее организовал на дорогах засады.

Та же группа разведчиков сержанта Ефремова в ожесточенном бою на санктпёльтенской дороге отбросила обратно в Герцогенбург пытавшихся прорваться гитлеровцев. Подобные сцены можно было наблюдать на вайтцендорфской и вельблингской дорогах, где действовали в засадах пулеметчики и автоматчики 331-го полка.

Маленькие эти группы (их состав колебался обычно от 3-5 до 8-10 человек) сделали большое дело. Сражаясь жестко и решительно, они создали у паниковавшего противника иллюзию плотного окружения Герцогенбурга, хотя ничего подобного не было и быть не могло - слишком малыми силами мы располагали.

Отброшенные в Герцогенбург подразделения 740-го немецкого пехотного полка сопротивлялись недолго.

По мосту уже переправились в город наши танки и артиллерия, натиск 331-го полка усилился, и противник мелкими группами, а где и в одиночку начал сдаваться в плен.

Захватив Герцогенбург, 331-й полк тотчас же двинулся на запад и оседлал две господствующие над местностью высоты с отметками 355,0 и 373,0. В тот же день противник попытался отбить их, но об этом несколько позже.

Вернувшись утром 14 апреля в штаб 105-й гвардейской стрелковой, теперь уже Венской, дивизии, я получил от начальника оперативного отделения данные о действиях 345-го и 349-го полков при форсировании реки Трайзен. Действия эти

развивались успешно. Побывавший в 345-м полку майор В. С. Красильников доложил мне, что форсирование у Трансмауэра проходило быстро и организованно. Удалось захватить мост. Среди первых преодолевших реку вплавь был рядовой из 1-го батальона Александр Трофимович Пасталов. Он уничтожил на западном берегу две вражеские пулеметные точки и, ведя огонь из трофейного пулемета, обеспечил переправу роты.

Успешные действия подразделений 1-го батальона сыграли решающую роль в последующих успехах полка. Комбат капитан И. В. Сохненко хорошо использовал преимущества ночного внезапного удара и постоянно опережал попытки противника перехватить инициативу. Он направил взвод автоматчиков младшего лейтенанта Б. И. Феоктистова на трофейных бронетранспортерах в глубину обороны противника. Гвардейцы с ходу атаковали опорный пункт на южном берегу Дуная, в деревне Ваграм, и захватили его. Более 50 гитлеровцев были истреблены, 13 взяты в плен. Но главный успех рейда заключался в другом: взвод Феоктистова перехватил прибрежную дорогу и вынудил противника отходить через горы, бросая тяжелое вооружение и транспорт.

Так развивались события на правом фланге дивизии. А на левом 349-й полк, переправившись через Трайзен, вышел с севера к крупному городу Санкт-Пёльтен, где встретил сильное сопротивление противника. Наш левый сосед-104-я гвардейская стрелковая дивизия обходила этот город с юга.

Но взять Санкт-Пёльтен совместными усилиями удалось лишь на следующий день.

В общем ход боевых действий в полосе нашей дивизии к середине дня 14 апреля не давал повода для пессимистических прогнозов. Настораживало только резко усилившееся сопротивление фашистов в центре, на участке 331-го полка, в районе высот 355,0 и 373,0. Здесь были взяты пленные из танковой эсэсовской дивизии "Дейчланд". Противник что-то затевал. Но что? Вместе с подполковником Цысем и майором Ивановым мы, обсудив сложившуюся ситуацию, решили оживить разведку, чтобы по возможности выяснить силы и намерения вражеского командования.

В тот же день командир разведроты старший лейтенант Д. А. Козлов ушел во вражеский тыл с группой своих гвардейцев. Активизировались действия разведчиков в полках и батальонах. Уже на следующий день группировка фашистов, сосредоточенная перед фронтом 105-й и соседней дивизий, начала проясняться.

Дмитрий Алексеевич Козлов вернулся из-за линии фронта с очень ценными сведениями. Кроме того, разведчики принудили

сдаться в плен целый взвод гитлеровцев во главе с командиром. А старший сержант Матвей Наумович Шур с несколькими разведчиками пробрался еще дальше, за поселок Куфферн. Внезапно напав на гитлеровцев, отдыхавших на привале, гвардейцы подорвали две самоходно-артиллерийские установки, три бронетранспортера и захватили пленных.

По возвращении из рейда по вражеским тылам дивизионные разведчики были награждены орденами и медалями. Командир разведроты старший лейтенант Козлов, ранее награжденный орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, I степени и медалью "За отвагу", получил еще один орден Красной Звезды.

И было за что его награждать. Этот рейд дал нам чрезвычайно ценные сведения. Удалось установить, что в полосу нашей и соседней дивизий враг стягивает весьма значительные силы: кроме уже упомянутой 710-й пехотной дивизии (переброшенной из Италии) гренадерский полк "Фюрер" из танковой дивизии СС "Дейчланд", части 12-й танковой дивизии СС "Гитлерюгенд", а также два морских отряда - рейнской военной флотилии и норденской морской школы, в каждом из которых по 500 человек.

Видимо, намерения у гитлеровского командования были самые серьезные. Это мы почувствовали уже 15 апреля, когда вражеские контратаки, особенно против центра и левого фланга 105-й дивизии, стали необычайно мощными и настойчивыми. Главный удар принял на себя 2-й батальон 331-го полка. Он оборонял господствующие высоты, что западнее Герцогенбурга. Здесь как бы сфокусировались усилия противостоящих нам фашистских войск.

Перевес враг создал громадный. Подготавливая атаку, по высотам вели огонь 20 фашистских артиллерийских и минометных батарей, в небе повисли "юнкерсы" и "мессершмитты". На оборону батальона обрушилась лавина бомб, мин, снарядов.

Однако гвардейцы-зенитчики дивизии накопили уже изрядный опыт борьбы с воздушным противником. Крупнокалиберные пулеметы ДШК роты лейтенанта Леонида Трофимовича Боровикова сбили один за другим четыре "мессершмитта". Метко стреляли и малокалиберные пушки зенитного дивизиона капитана В. И. Ерина. Трудная дуэль с пикирующими истребителями-бомбардировщиками вел расчет орудия, где наводчиком был ефрейтор Шихаев. Они сбили один "мессер", который, пронесшись над орудием, врезался в скалы позади огневой позиции. Но на зенитку спикировал еще один

стервятник. Бомба рванула совсем рядом, расчет вышел из строя. Только ефрейтор Шихаев и рядовой Сальников, будучи ранеными, работали у орудия. Сбили второй "мессер", потом третий... Но в конце неравного боя очередь авиационного пулемета смертельно ранила обоих зенитчиков. Герои погибли, но свою задачу выполнили до конца - 331-й полк почти не понес потерь, хотя налет вражеской авиации был массированным.

После авиационно-артиллерийской подготовки гитлеровское командование бросило в наступление пехоту и танки.

Высоту 355,0 обороняла 6-я рота. Ее поддерживал огнем своей пушки расчет старшего сержанта Виктора Александровича Котова. Артиллеристы подбили два танка, однако гитлеровским автоматчикам удалось прорваться на высоту. В траншеях закипел рукопашный бой. Выбыли из строя все офицеры роты и большинство сержантов. Гитлеровцы подобрались к артиллеристам, и расчет Котова занял круговую оборону. Положение было критическим, когда на восточных скатах высоты раздалось громкое "ура" и Котов увидел цепочку гвардейцев. Впереди очень знакомая фигура: маленький, подвижный, коренастый сержант. Это Григорий Филимонович Сливных - связной командира батальона капитана Андреева. Он появился на высоте, с приказанием комбата, но передать это приказание было некому. Небольшие группы бойцов держали очаговую оборону. Сливных видел, что дело плохо, и принял командование ротой на себя. Энергичный, никогда не унывающий гвардеец, он и в этой тяжелой ситуации не растерялся: повел в атаку оставшихся в живых, и гвардейцы не только выбили фашистов с высоты, но и "на плечах врага" ворвались в деревню Верндорф.

Узнав о подвиге сержанта Сливных, я нисколько не удивился. Он был отличным младшим командиром. А что касается его службы как связного, то тут и говорить нечего. Мал ростом, да крепок и гибок. Такой пройдет, пробежит, проползет сквозь любые препятствия. Если надо, зубами прогрызет себе дорогу. Когда я бывал в батальоне Николая Дмитриевича Андреева, случалось наблюдать, как комбат отдает, а Сливных принимает приказ. Поучительное зрелище. Связной понимал командира с полуслова, читал карту как прирожденный топограф, в любой незнакомой местности, при любых обстоятельствах оставался хозяином положения.

Ну и, конечно, инициатива била из него ключом.

Надо заметить, что вообще в эти дни, как и в другие, когда нам бывало очень трудно, отлично проявили себя наши сержанты - смело брали на себя командование взводом, а иногда и ротой, быстро, инициативно, толково, решали соответствующие боевые

задачи.

Подобными эпизодами изобиловала борьба за вторую высоту - 373,0. Еще 14 апреля, после форсирования реки Трайзен и захвата Герцогенбурга, сюда, на каменистые склоны, пробрался снайпер младший сержант Федор Васильевич Каргапольцев и развернул снайперскую охоту. Двумя выстрелами он покончил с пулеметным расчетом, а всего за четыре часа уничтожил восьмерых гитлеровцев.

Скоро к нему присоединился со своим стрелковым отделением сержант Никифор Титович Хлыпытько. Вместе они отразили три вражеские контратаки, удержали позиции до подхода главных сил 2-го батальона 331-го полка.

Ну, а потом начались яростные контратаки эсэсовских танков и пехоты 710-й немецкой дивизии на позиции андреевского батальона на высоте 373,0. Был тяжело ранен командир пулеметного взвода, его место занял старший сержант Михаил Васильевич Панкратов. Он умело управлял огнем взвода, а когда понадобилось, сам лег за пулемет и меткими очередями скосил около 30 гитлеровцев.

"Высоту под номером 373 я запомнил на всю жизнь", - писал мне через много лет после войны другой герой этого боя, младший сержант Дмитрий Николаевич Аристов, тогда 19-летний ярославский паренек. Дмитрий был одним из наводчиков в пулеметной роте 2-го батальона. Засев в немецкой траншее, он бил из "максима" во фланг фашистам, карабкавшимся по западному склону высоты. Бой был тяжелый, высота дважды переходила из рук в руки. Враг обнаружил пулемет, минометный залп накрыл позицию Аристова. Пулемет вышел из строя.

Тем временем фашисты поспешно закреплялись на склоне высоты, подтягивали ближе к вершине пулеметы и противотанковые пушки. Одно такое орудие и заметил Аристов. С гранатами и автоматом пополз он по скалам, через колючий кустарник к вражеской огневой позиции. Подобравшись совсем близко, швырнул гранату, ударил в упор из автомата, уничтожил расчет. Завладев пушкой, поднатужившись, налегая на станины, развернул ее к подходившему фашистскому танку, который, ревя мотором и объезжая валуны, взбирался по склону.

Аристов ручками горизонтальной и вертикальной наводки навел орудие на цель, нажал спуск. Грохнул выстрел, зазвенел откат, снаряд разорвался за танком. Лишь четвертым снарядом поразил его отважный младший сержант. А потом вместе с подоспевшим подкреплением опять отбивал пехотные атаки. Понеся огромные потери, фашисты прекратили попытки овладеть высотой.

Это был последний бой, в котором участвовал Дмитрий Николаевич Аристов. На высоте его ранило. Демобилизовавшись, гвардеец вернулся домой, в Ярославль. Здесь до армейской службы он занимался в аэроклубе, совершил 29 парашютных прыжков. Теперь юношеское увлечение стало профессией. Дмитрий поступил в аэроклуб на должность укладчика парашютов. Учился, работал инструктором, потом командиром парашютного звена. Установил в этом виде спорта несколько мировых рекордов, тренировал сборную команду Венгерской Народной Республики. В свое время в звене Дмитрия Николаевича Аристова училась владеть парашютом будущий космонавт Валентина Терешкова. Ныне мастер спорта, Д. Н. Аристов имеет за плечами более 1100 парашютных прыжков...

Поскольку коллективным героем боя за высоту 373,0 стала пулеметная рота 2-го батальона 331-го полка, хочется рассказать еще об одном пулеметчике рядовом Георгии Арсентьевиче Арсентьеве. Оставшись один, дважды раненный, он в течение трех часов отбивал атаки гитлеровцев и удерживал позицию до подхода подкреплений.

Отразив фашистские контратаки, 105-я гвардейская стрелковая дивизия продвинулась на 4-6 километров, причем главным образом за счет 331-го полка. Этот полк, находившийся в центре боевых порядков дивизии, глубоко вклинился в оборону противника. 16 апреля вражеское командование, перегруппировав свои войска, попыталось срезать этот клин. Главную роль в этой попытке опять играла 710-я немецкая пехотная дивизия, усиленная артиллерией и двумя батальонами танков, а также семью отдельными батальонами.

Большое численное превосходство противника вынудило нас занять жесткую оборону и в течение пяти дней с места отбивать его яростные атаки. Напряженные бои развернулись в районе деревень Граб и Куфферн. Здесь, на стыке флангов 331-го и 349-го полков, фашисты несколько раз пытались прорвать наш фронт.

Геройски сражался под деревней Куфферн 3-й батальон капитана Е. К Осипова. Батальон занимал оборону на высоте, которую венчала каменная часовня. Трое суток гремел здесь ожесточенный бой. Обе стороны несли большие потери, в 3-м батальоне осталось не более 300 человек. 19 апреля, обойдя нашу оборону, пехота противника вышла к огневым позициям минометной роты. Минометчики взялись за личное оружие. Старший сержант Николай Александрович Гарикашвили повел бойцов своего расчета в контратаку, его поддерживали остальные минометчики. В рукопашной схватке враг был отброшен от огневых позиций.

Однако на этом бой далеко не закончился. Фашисты, введя резервы, снова и снова атаковали деревни Граб и Куфферн. Рядовой 9-й роты 18-летний комсомолец Михаил Григорьевич Киселев был тяжело ранен, но, когда гитлеровцы попытались взять его в плен, выдернул чеку из гранаты, прижал ее к сердцу. Он погиб, с ним погибли и двое фашистов. Отважный юноша был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Не менее трудный бой выдержал под деревней Амбах 2-й батальон 331-го полка. Здесь противник бросил в бой много танков. Их встретил огонь полковой батареи. Особенно метко стрелял орудийный расчет кавалера ордена Славы III степени младшего сержанта Константина Ивановича Шутина. За один день артиллеристы подбили две самоходно-артиллерийские установки и один танк.

Как горный орел, сражался в этот день дагестанец Магомед Махмудович Мурачуев. Гвардии рядовой вступил в поединок с экипажем бронетранспортера и вышел из боя победителем. Из карабина он застрелил и водителя и пулеметчика, завладев машиной, открыл пулеметный огонь по гитлеровской пехоте. Фашисты начали делать ему знаки: дескать, по своим бьешь. Магомед Мурачуев, прикрываясь броней, помахал рукой: мол, понял. А когда немцы приблизились, в упор сразил их из пулемета. Взбешенные гитлеровцы открыли по бронетранспортеру минометный огонь, одна из мин попала в боевую машину. Мурачуев получил сразу несколько ранений: два в голову, в ногу и руку. Подоспевшие товарищи отправили его в госпиталь.

Раны оказались тяжелыми. До 1950 года лежал он в разных госпиталях и больницах, трижды был оперирован. Трудно ему пришлось, но солдат-гвардеец не сдавался - окончил техникум, стал ветеринаром. Заочно получил и высшее специальное образование. С 1960 года Мурачуев долгое время был главным зоотехником в дагестанском колхозе имени Гаруна Саидова. Трудился, как и воевал: отлично. Ему было присвоено звание заслуженного зоотехника РСФСР, он участвовал в Выставке достижений народного хозяйства в Москве, был депутатом Верховного Совета РСФСР шестого созыва.

Многое повидал Мурачуев за минувшие годы, был участником многих знаменательных событий. Но иногда, как он сам мне признавался, заноют вдруг старые раны, взорвется память пламенем и дымом войны, вспомнятся скалистые уступы Австрийских Альп, и та безымянная высота, и командир роты старший лейтенант Баринов, и друзья-товарищи. Где-то они сейчас?

Тогда, под Амбахом, в один день и час с Мурачуевым опять отличился сержант Сливных. Фашистские автоматчики окружили командный пункт батальона, капитан Андреев с двумя связистами отбивал их натиск. Туго бы им пришлось, не подоспей вовремя связной с пятью бойцами. Они атаковали фашистов, отогнали их в лес, а семерых взяли в плен. В этой же схватке в тылу 2-го батальона рядовой И. И. Лавренев спас жизнь тяжело раненному лейтенанту П. П. Деньгину. Он отбил командира у пытавшихся захватить его солдат противника и более 3 километров нес к медпункту на своих плечах.

Капитан Н. Д. Андреев в сложной и непрерывно менявшейся обстановке уверенно руководил своим батальоном. Даже прорыв противника в глубину боевых порядков батальона не смутил его. Отбив атаку на командный пункт, он собрал всех, кто был поблизости, и сам возглавил контратаку. Фашисты были отброшены, фронт обороны батальона восстановлен.

Все эти дни - с 16 по 20 апреля - дивизия испытывала огромные трудности. За месяц почти непрерывных боев части значительно поредели, выбыло из строя много вооружения и боевой техники. А линия фронта, которую нам приходилось оборонять, расширилась до 25-30 километров. Однако вопреки всем трудностям, вопреки яростным атакам противника 105-я гвардейская стрелковая не отступила ни на шаг. И к исходу 20 апреля наступательный порыв фашистской группировки стал явственно иссякать. Гром орудийной канонады стих сперва на севере, в районе Вельблинга, потом и на юге, близ Куфферна и Граба. Поздно вечером в штаб дивизии поступил приказ командующего 9-й гвардейской армией сдать боевой участок частям 4-й гвардейской армии, после чего совершить марш к Вене-дивизия перебрасывалась в глубокий тыловой район. Все мы конечно, следили за событиями, развивавшимися на берлинском направлении. Чувствовали, что близок, очень близок День Победы. А нас в это время отводили в тыл. "Неужели для дивизии война уже кончена?" - невольно думал каждый.

Последние дни

Под утро позвонил начальник штаба армии генерал С. Е. Рождественский:

- Свой участок сдадите пятой гвардейской воздушно-десантной дивизии.

- "Пятерке"?

- Что, знакомая дивизия?

- Очень знакомая, товарищ генерал...

А час спустя, не утерпев, я выехал навстречу старым боевым товарищам. Нашел 1-й гвардейский воздушно-десантный полк на

привале. Всматриваюсь в лица, но не вижу знакомых, тех, с кем расстался еще на Днепре, на пылавших улицах Новогеоргиевска. Все-таки полтора года на войне - большой срок.

Вдруг ко мне подбежал старший лейтенант, вскинул руку под козырек:

- Товарищ полковник...

- Прохорский? Здравствуй, Георгий Мечиславович!

Обнимаемся, он позвал кого-то:

- Сергей! Сережа! Скорей сюда! Командир приехал...

Подошел один, второй, третий... Офицеры, солдаты.: сержанты. Разговор, как всегда в таких случаях.; несколько сумбурный:

- Не вижу Локтева...

- Погиб капитан Тимофей Иванович Локтев. Уже батальоном командовал. Геройскую смерть принял. Здесь в Австрии.

- А Гридюшко? Аветисов?

- Николай Минович повышение получил. Сергей Киракосович тоже.

Стоим кружком в бело-розовом вишневом саду. Аппетитный запах борща плывет от полевой кухни. На крыльце бойцы стучат в домино, за домом аккордеон, спотыкаясь на каждой ноте, выводит вальс "Дунайские волны".

Вспоминаем друзей-товарищей. Тот переведен в другую часть, тот ранен, а тот - убит. Сколько же их, наших однополчан, спит вечным сном на берегах больших и малых рек, в низинах и на высотах, по обочинам военной дороги, что пролегла от Ахтырки через Днепр и Корсунь-Шевченковский в Молдавию и далее, за рубеж - в Румынию, Венгрию, Австрию? Сегодня отсюда, из маленькой австрийской деревушки, нам уже виден конец этой трудной и славной дороги. До него рукой подать. Может, месяц остался, а может, и того меньше. Вот почему такой болью отдавались в сердце имена товарищей, которые шли с нами рядом к нынешней победной весне, но не дошли. Сергей Егорович Сологуб, Василий Сергеевич Чистяков, Александр Иванович Вдовин, Сергей Иванович Бобриков... Их сотни гвардейцев 1-го воздушно-десантного полка, геройски павших за Родину, во имя ее свободы и независимости, во имя освобождения от фашистской чумы всей Европы и всего мира...

* * *

22 апреля, сдав свою полосу 5-й дивизии и совершив марш, 105-я гвардейская стрелковая вступила в Вену. Я отправился к коменданту города, чтобы уточнить места дислокации частей в городе. В комендатуре - еще одна нежданная встреча: обязанности коменданта Вены исполнял мой бывший начальник,

первый командир 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Н. И. Травников. И опять вспомнили мы с ним боевое прошлое - Северо-Западный фронт, реку Ловать и село Черенчицы.

В составе венского гарнизона мы пробыли две недели, здесь встретили первомайский праздник, здесь узнали о падении Берлина и капитуляции его гарнизона. 5 мая дивизию подняли по тревоге. Коротко проинформировали: в Праге антифашистское восстание. Идем на помощь Праге.

В 2 часа 30 минут пополудни 105-я гвардейская стрелковая дивизия выступила из Вены. Переправились по мосту через Дунай, двинулись на север, к австро-чехословацкой границе. 7 мая в районе Волькерсдорфа, близ границы, получили боевую задачу: в ночь на 8 мая выйти в районе Штотц, Вультендорф, Поосдорф, произвести рекогносцировку местности, на рассвете сменить 59-ю стрелковую дивизию на рубеже Дрнголей, Ла (оба пункта заняты противником, первый из них - за границей, на территории Чехословакии, второй - на территории Австрии), быть в готовности к наступлению{18}.

С группой офицеров я тотчас же выехал в штаб 59-й дивизии. Составили совместно план смены частей на переднем крае, обговорили и другие важные вопросы. Используя опыт, приобретенный в аналогичных ситуациях в Венгрии и Австрии, мы в первую очередь, еще до рекогносцировки, выдвинули через боевые порядки 59-й дивизии свою разведку: надо основательно прощупать оборону неприятеля, от сведений, собранных разведчиками, будет во многом зависеть решение комдива на бой.

Дивизионная разведка пошла за передний край двумя группами. Одну возглавил старший лейтенант Д. А. Козлов, вторую - старший сержант М. Н. Шур. Разведгруппы выслали и все стрелковые полки. В 345-м полку группу возглавил командир 4-й роты лейтенант П. П. Лукьянец, в 331-м - старший сержант А. К. Карташев, в 349-м - старший сержант М. С. Верховский. Полки первого эшелона для поддержки разведчиков (если это потребуется) выделили по усиленному стрелковому батальону: в 331-м полку - батальон капитана Н. Д. Андреева, в 349-м полку - батальон майора Н. И. Крымова.

Разведчики отправились во вражеский тыл еще ночью, а с первыми проблесками рассвета на переднем крае приступили к работе три наши рекогносцировочные группы во главе с командирами стрелковых полков. Генерал Денисенко уехал с правой группой, я - с левой. Предварительно договорились, что, продвигаясь с рекогносцировочными группами от флангов к

центру полосы, там, в центре, и встретимся.

К этому времени обстановка прояснится, и можно будет принять боевое решение.

Полтора часа спустя мы встретились. Рекогносцировка и сведения разведывательных групп позволили установить, что немецко-фашистские войска начали отходить в глубь чехословацкой территории в общем направлении на город Зноймо. Отход отнюдь не походил на бегство. Противник прикрывался сильными арьергардами, оставлял гарнизоны в опорных пунктах. Короче говоря, пытался оторваться от нас. Зачем? С какой целью? Обычно это делается для того, чтобы подготовиться к обороне на новом, заранее намеченном рубеже. А какая цель преследовалась сегодня, 8 мая, на седьмой день после падения Берлина? Неужели командующий фашистской группировкой в Чехословакии генерал Шернер все еще надеялся оттянуть час возмездия? Конечно, мы не знали о его плане: отвести свои войска на запад и сдаться американцам. Одно нам было ясно: противник маневрирует, пытается что-то предпринять и никак не намерен открыть советским войскам дорогу на Прагу. Значит, нам следует торопиться. Нас с надеждой ждет восставшая Прага, нас ждет вся Чехословакия.

- Майор Крымов! - обращается генерал Денисенко к комбату. - Готов ли батальон к атаке?

- Готов! - отвечает Крымов.

- Тогда действуйте. Желаю успеха!...

Крымов ушел к своему батальону. Мы наблюдали с высотки начало боя. За спиной встает солнце. Утро ясное, видимость отличная. Роты батальона Крымова прошли боевые порядки 59-й дивизии. Ведя огонь на ходу, устремились к позициям противника. Гитлеровцы, видимо, не ожидали атаки. От траншей к дальней деревушке по цветущему лугу побежали вражеские солдаты. Батальон Крымова ворвался в деревню. Успех полный.

Доклад из штаба 331-го полка: "Батальон капитана Андреева прорвался в глубину обороны противника. 4-я рота старшего лейтенанта Прохорова на трофейных бронетранспортерах вышла в район огневых позиций фашистской артиллерии". И на этом направлении наступление развивалось успешно.

Такой оборот событий требовал от штаба дивизии большой оперативности. Надо немедленно переходить к преследованию противника. Штаб работал с предельной нагрузкой. Буквально на ходу подсчитали наши транспортные возможности. Если использовать все тягачи артиллерийской бригады и автороту дивизии, то можно посадить на машины пехоту двух стрелковых полков и учебный батальон. Таким образом, в нашем

распоряжении окажутся два сильных подвижных отряда. Выслушав наше предложение, генерал Денисенко приказал: создать два отряда преследования под руководством командиров 331-го и 349-го полков; учебному батальону совместно со 121-м истребительно-противо-танковым дивизионом прикрыть левый фланг дивизии, следуя самостоятельной колонной по полевой дороге.

345-й полк составил второй эшелон. Были созданы две оперативные штабные группы. Одна, во главе с комдивом, двигалась с правым отрядом, другая - с левым. Руководить ею комдив приказал мне.

И вот мы уже. в Чехословакии. В первом же приграничном поселке нас встречало все население. Улица была заполнена людьми. Улыбки, смех, слезы радости. Сияла на солнце медь маленького духового оркестра. Музыканты старались вовсю. Оркестр поддерживали десятки аккордеонов. У каждого дома накрытый стол. "К нам! К нам, братья!" - звали наперебой хозяева. Множество советских и чехословацких флагов, море цветов.

Прямо у машин - импровизированный митинг. С грузовика я сказал несколько слов. Слушали, понимая без переводчика.

- Друзья, благодарим за привет и приглашения. Остаться с вами не можем. Нас ждет восставшая Прага. Полчаса назад наш радист опять поймал голос Праги. Фашисты атакуют пражские баррикады. Там очень тяжело. Мы не можем медлить ни часа...

Люди смолкли, в глазах - тревога. Молча расступились, пропуская нашу колонну. Мы помчались дальше.

Тем временем учебный батальон майора Бабичева двигался к Сумвальду. Впереди - рота старшего лейтенанта Соколова. Противник из Сумвальда и с высотки, что севернее, открыл сильный пулеметный огонь. Рота вынуждена была залечь. Однофамилец командира роты рядовой Александр Дмитриевич Соколов вызвался подавить пулемет. Пополз, подобрался к окопу, метнул ручную гранату. Расчет был уничтожен, пулемет остался цел. Развернув его, Соколов открыл фланговый огонь по вражеским автоматчикам, залегшим на склоне высоты. Он уничтожил более 20 солдат. Учебная рота поднялась в атаку и ворвалась в Сумвальд.

После короткой рукопашной схватки населенный пункт был очищен от противника.

К 4 часам дня отряды преследования прошли с боями более 40 километров. Левый отряд, взаимодействуя с 27-й гвардейской танковой бригадой и двумя самоходно-артиллерийскими полками, овладел городом Зноймо, разгромил гитлеровский гарнизон и захватил мост через реку Дие. Вскоре мы подъехали к

этому мосту. Деревянный, на вид весьма неказист. Лейтенант-сапер из 331 -го полка доложил, что разминирование моста скоро будет закончено, но мост ветхий, тяжелую боевую технику вряд ли выдержит. Со мной ехал дивизионный инженер майор Веселовский. Он осмотрел мост, прикинул примерный объем работ по его укреплению и увеличению грузоподъемности. К работам был тотчас привлечен саперный батальон, ему в помощь выделена стрелковая рота. Узнав о наших затруднениях, местные жители натащили к мосту массу различного строительного материала. И спустя час-полтора по мосту пошла не только артиллерия, но и танки. Войска двигались непрерывным потоком.

Уже вечером, в дороге, мы слушали московское радио. Столица салютовала воинам, освободившим город Зноймо. Верховный Главнокомандующий объявил благодарность личному составу дивизии. А после полуночи, как раз во время остановки, меня позвал к радиостанции лейтенант Михаил Леонтьевич Маркаров:

- Товарищ полковник, скорей слушайте: войне - конец!

Я приложил к уху трубку, услышал голос Левитана. Чрезвычайные новости! Противник принял условия безоговорочной капитуляции; военные действия должны быть прекращены в час ночи 9 мая. Этот день объявляется Днем Победы...

Посмотрел на часы. Светящиеся стрелки показывали двадцать минут второго. Значит, по условиям капитуляции Великая Отечественная война закончилась двадцать минут назад. А ухо ловило грохот пулеметных очередей. Там, впереди, на фоне темной зубчатой стены леса тянулись светящиеся цепочки трассирующих пуль. Это уже война после войны.

Оперативный дежурный доложил: командиры частей запрашивают, как быть: наступать далее или приостановить продвижение? Фашисты нигде не выполняют условия капитуляции. Приказал продолжать наступление с прежней энергией. Противника, если он отказывается сдаться, беспощадно уничтожать. Для нас война продолжается.

Доложил свое решение командиру дивизии. Генерал Денисенко подтвердил: никаких остановок, пока фашисты оказывают вооруженное сопротивление. Таков приказ командира корпуса.

Ночью 349-й полк освободил город Тельч, 331-й полк - Дачице. Дивизия с ходу форсировала реку Моравска Дие. Утро Дня Победы мы встретили под городком Йиндржихув-Градец. Я обратился к подполковнику Цысю:

- Наверное, бой под Славиборжем - последний бой войны.

Съезжу-ка туда.

Алексей Никитович предостерег, чтобы я не бравировал на передовой: пуля-то - дура, ей все равно, когда ее выпустят - в первый день войны или в последний.

Ну, а у меня, откровенно говоря, особой служебной необходимости ехать в Славиборж не было. Просто хотелось посмотреть, как руководит боем - возможно, последним в этой войне - человек, с которым я принял крещение огнем в августе сорок первого под Ленинградом, Максим Андреевич Бабичев - тогда курсант, ныне майор, командир учебного батальона. Вместе встретили войну, думал я, вместе и проводим. Мысль, конечно, несколько сентиментальная. Ну и что? Фронтовая жизнь тоже не из одной сухой прозы состоит.

Машина затормозила на опушке березовой рощи. Впереди на возвышенности аккуратные домики, белый дым цветущих садов. Это Славиборж. Ближе к нам, метрах в 300, наблюдательный пункт Бабичева. Над головой знакомо курлычут снаряды, свистят мины. Иногда чирикнет и пуля. Пригибаясь, кое-где перебежками, направились к наблюдательному пункту. Со мной - начальник разведки майор Иванов и заместитель начальника политотдела дивизии майор Ефройкин. Они пошли в цепь, я остался с Бабичевым.

- Какие новости, Максим Андреевич?

Он доложил, что курсанты дерутся отлично, с большим подъемом. Приходится даже сдерживать, чтобы не понести напрасных потерь.

Вдруг без видимой связи он сказал:

- Помните, Илларион Григорьевич, те пять высоток на красносельской дороге? У деревни Тешково? Как далеко ушли-то! Кажется, жизнь целую с той поры прожили. А всего-навсего неполных четыре года...

А на Славиборж катилось русское "ура", курсантские роты скрылись на его улицах. Из города сообщили, что остатки гитлеровцев бегут по дороге на Студену. Бабичев сигналом вызвал машины, укрытые в лощине. Надо сажать в них людей и продолжать преследование.

К нам подбежал сержант Дмитрий Прокофьевич Ковалев. Доложил, что на опушке дальнего леса, за низиной, появился белый флаг. Бабичев подал мне бинокль, но теперь я и без бинокля увидел белый лоскут на фоне зеленого леса и какие-то суетящиеся фигуры. Должно быть, сдавалась фашистская часть. Бабичев приказал минометчикам и пулеметчикам прекратить огонь, но быть начеку. Дал отмашку белым платком, дескать, вижу, понял, можете подойти.

С опушки к нам направились трое: офицер с белым флагом и два солдата-автоматчика. Парламентеры. Подошли к высотке, остановились в нерешительности. Бабичев посмотрел на меня:

- Разрешите?

- Конечно. К вам пришли, вы и разговаривайте.

Бабичев знаком подозвал офицера к себе. Тот подошел. Сильно волнуясь, путая русские и немецкие слова, сообщил, что послан командиром полка, что они готовы сдаться и просят выработать приемлемые условия.

- Никаких новый условий, - ответил Бабичев. - Условия вам известны: безоговорочная капитуляция...

- Но...

- Нет! Видите лощину? Полк поротно входит в лощину, складывает оружие, выстраивается на опушке. Там же оставляете артиллерию, боеприпасы, обоз и все прочее. Ясно?

- Яволь!

- На размышления даю вам двенадцать минут. Считаю с момента, когда вернетесь на опушку. Ясно?

- Яволь!

- Не уложитесь в срок, вызываю штурмовую авиацию, открываю огонь из всех видов оружия. Идите!

Обер-лейтенант повернулся кругом и в сопровождении своих солдат зашагал к опушке.

- Максим Андреевич, а почему ты дал сроку именно двенадцать минут? Не десять и не пятнадцать?

- Психология! - невозмутимо ответил он. - Так глубже проймет.

Видимо, у фашистов, все было заранее подготовлено. Обер-лейтенант вернулся на опушку. Не прошло и трех-четырех минут из отпущенного врагу срока, как к лощине двинулись гитлеровские подразделения. Полк складывал оружие.

Однако 9 мая этот эпизод массовой сдачи врага в плен был в нашей полосе единственным. Другие части и подразделения противника продолжали отчаянно сопротивляться и, когда мы перерезали им пути отхода на запад, пытались вырваться из окружения.

Когда из учебного батальона я приехал в Тржебонь, в батальон капитана Андреева, то как раз и застал подобную картину. Комбат был вынужден развернуть часть своих сил в северо-восточном направлении и так, с перевернутым фронтом, отбивал яростную атаку танков и пехоты фашистов, которые отвергли предложение капитулировать, попытались прорваться к американцам и были почти полностью истреблены. Все поле было забито горящими танками, самоходками, бронетранспортерами,

грузовыми и легковыми машинами.

В этом же районе, близ реки Нежатка, серьезный бой выдержала батарея из 121-го гвардейского противотанкового дивизиона. При выходе из леса батарея неожиданно столкнулась с вражеской моторизованной колонной, в голове которой шли два легких танка.

Первым изготовилось к бою и открыло огонь орудие старшего сержанта Ахмеда Галиповича Беля-лова. Артиллеристы подбили танк, подожгли бронетранспортер. Гитлеровцы бросились к пушке Белялова, их разделяло не более полусотни метров. Артиллеристы, стреляя из винтовок и автомагов, отражали атаку пехоты, а сам Белялов бил из пушки по колонне.

Развернулись и остальные орудия батареи. Дружный огонь прямой наводкой превратил моторизованную колонну в груду металла на дороге. Остатки гитлеровского подразделения были взяты в плен.

Уже в сумерках вернулся я в штаб дивизии, который расположился юго-западнее города Тельч. За сутки дивизия прошла с боями более 100 километров; освободила десятки населенных пунктов, в том числе семь городов. В плен взяли несколько тысяч человек, причем стремились поскорей отправить их в тыл, чтобы высвободить наших бойцов, занятых охраной и конвоированием.

Едва я забрался в штабной автобус, чтобы впервые за день перекусить, во двор вбежала пожилая крестьянка. Она была очень взволнована. Успокоившись, рассказала, что на хуторе, в лесу, в трех километрах отсюда, прячутся фашисты, человек двадцать. Зарезали у нее последнюю телку, грозились убить, если расскажет про них русским.

Мы отправили на хутор автоматчиков. Они выловили прячущихся фашистов. Всю ночь то ближе к нам, то дальше вспыхивали перестрелки. Под утро довольно значительная группа вражеских солдат вышла в расположение штаба, и нам пришлось опять ее обезвреживать. Подполковник Цысь сказал, что это уже четвертое за сегодняшний день нападение на штаб. Был случай, когда к нему выскочили три немецких средних танка. Артиллеристы их подбили.

А тут еще Михаил Иванович Денисенко сильно простудился и слег, и мне пришлось временно принять на себя командование дивизией. Одним словом, День Победы был для меня одним из самых хлопотных дней с начала сорок пятого года.

С рассветом 10 мая дивизия продолжала преследовать части из группы немецко-фашистских армий генерала Шернера. Гитлеровцы по-прежнему стремились удрать за Влтаву, в зону

американских войск. И хотя враг все более терял способность к организованному сопротивлению, нам приходилось то и дело пускать в ход артиллерию, чтобы разгромить очередную не желавшую капитулировать колонну. Конечно, враг нес громадные потери. Из-за упрямства фашиствующего маньяка Шернера и окружавших его генералов тысячи и тысячи немецких солдат погибли в эти последние дни, после того как фашистская Германия официально и на весь мир признала свое поражение и капитулировала.

Несли потери и мы. Только 10 мая в дивизии было ранено 38 человек и убито 26. Погиб и ветеран дивизии, замечательный артиллерист командир 165-го пушечного полка Петр Михайлович Левченко.

Случилось это уже в четвертом часу пополудни. Мы только что решили сделать привал, когда загрохотали вдруг десятки орудий и минометов, через наши головы в сторону противника понеслись снаряды. Оттуда ответили было, но скоро замолкли. Петр Антонович Пичкура связался с начальником штаба артбригады подполковником Тунгусковым:

- В чем дело?

- Артиллеристы салютуют в память подполковника Левченко, - ответил Тунгусков.

- Что ты говоришь? Какая память? Мы с ним два часа назад разговаривали.

- Убит Петр Михайлович, - повторил Тунгусков. - Убит.

Быстро сели в машину, поехали в пушечный полк. Его дивизионы вели яростный, непрерывный огонь по врагу. А близ командного пункта - группа артиллеристов. Стоят вокруг плащ-палатки, мнут в руках пилотки, не скрывают слез.

- Убили батю нашего, - сказал нам сержант.

Я приподнял край плащ-палатки, закрывавший лицо Петра Михайловича. Осколок попал ему в голову. Прощай, дорогой боевой друг! Четыре года шел ты сквозь огонь. Встретил День Победы, перешагнул, кажется, опасную черту и... погиб. Больно, невыносимо, больно!

Потом мне рассказали, как это случилось. 349-й полк перерезал дорогу из Йецковице. Гитлеровцы попытались контратакой оттеснить полк и пробить себе дорогу к Влтаве. Завязалась ожесточенная схватка. 165-й пушечный полк Левченко поддерживал стрелков своим огнем.

По радио на немецком языке политотдельцы передали обращение к немецким солдатам. Еще и еще раз повторили, что в Берлине подписана капитуляция, что во избежание напрасных потерь немецкие солдаты обязаны выполнить условия

капитуляции и сдать оружие. Однако гитлеровцы не вняли голосу разума. Наоборот, они снова бросились в атаку. Впереди пехоты двинулись семь танков. Их встретил мощный артиллерийский огонь. Часть своих орудий подполковник Левченко выдвинул на прямую наводку, а сам со штабными офицерами, связистами и разведчиками отправился к наблюдательному пункту командира 349-го стрелкового полка полковника И. В. Кудрявцева. Буквально в десяти шагах от НП, от прочного блиндажа, группа была накрыта минометным огнем врага. Петр Михайлович упал, сраженный насмерть.

Весть о гибели Левченко мгновенно облетела все артиллерийские части пушечный, гаубичный, минометный полки, отдельные артиллерийские дивизионы. В считанные минуты огонь всей этой массы орудий был сосредоточен по опушке и лесу северо-западнее Йецковице. Все семь немецких танков были сожжены, прорывавшаяся колонна полностью истреблена.

После боя я проехал через поле и опушку леса, по которой, мстя за командира, вели массированный огонь артиллеристы. Картина впечатляющая. Достойная боевая тризна по дорогому нашему товарищу Петру Михайловичу Левченко.

11 мая передовой отряд 105-й гвардейской стрелковой дивизии вышел в районе Зникова к реке Влтаве, форсировал ее, а в 9 часов вечера у населенного пункта Чимелице встретился с частями 2-й американской пехотной дивизии.

Итого за пять суток наступления в Чехословакии дивизия с боями прошла более 200 километров, освободила около 300 населенных пунктов, в том числе города Зноймо, Йиндржихув-Градец, Собеслав, Бехине, Тельч и другие. Затем еще двое суток мы занимались сбором пленных, а к утру 14 мая сосредоточились в районе Собедраж, что на Влтаве, юго-западнее Праги. Фронта уже не было. Была демаркационная линия, отделившая советские войска от американцев, а еще была удивительная тишина. С трудом привыкали мы к ней.

Скоро наши солдаты начали, выражаясь по-старинному, менять мечи на орала демобилизовывались и уезжали на Родину воины старших возрастов. Но сперва прощальный парад.

Вместе с другими офицерами стоял я на деревянной, обтянутой кумачом трибуне, как завороженный смотрел на проходящие мимо полки. Шли солдаты Великой Отечественной войны. Подтянутые, загорелые. На ремнях - винтовки и автоматы, на груди - боевые ордена и медали. Четкий, молодецкий шаг. Позади 1 418 фронтовых дней и ночей, долгие дороги от Москвы, Ленинграда, Сталинграда к Бухаресту, Софии, Варшаве, Белграду, Будапешту, Праге, Вене, Берлину... Сколько раз каждый из этих

гвардейцев был на волосок от смерти? Сколько раз рисковал во имя родной страны, во имя Победы? Ныне чиста и спокойна его совесть, радостно ему видеть и чувствовать ласку далекой Родины, этой матери всех матерей.

Спасибо тебе, солдат. Прощай, друг. Ты уезжаешь, мы остаемся. Скорей, возвращайся домой, к семье. Спеши. Родина ждет тебя, твоих сильных рук и доброго сердца. Счастливого пути!...

О войне после войны

Быстро бежит время. Вот оно отсчитало новую памятную дату - 40 лет со дня победы в Великой Отечественной войне. Постарели ветераны. Редеют их ряды. И жаль, что о многих из них до сих пор не рассказано в книгах.

Недавно в Москве на Выставке достижений народного хозяйства встречались ветераны бывшей 105-й гвардейской стрелковой Венской краснознаменной дивизии. В этот день здесь часто звучало одно слово: "А помнишь?" И шли воспоминания...

Мы обратили внимание на одиноко стоявшего в стороне человека: небольшого роста, лицо худощавое, задумчивое, на груди - ордена и медали. Мы направились к нему. Тронулся с места и он. Идет медленно, прихрамывает, опирается на трость, да и левая рука что-то не подчиняется. Но вот, опередив всех, подбежал к незнакомцу майор Василий Черноиванов, подвиги которого были известны далеко за пределами дивизии. Он взволнованно обнял ветерана, долго целовал, а когда отпустил, вытер слезы и начал рассказывать:

- Это Андрей Васильевич Зобнев, человек, воскресший из мертвых. Если бы не он, не присутствовал бы я сейчас на этой встрече, не был бы с вами... Было это в Австрийских Альпах. Взвод автоматчиков, которым я командовал, действовал в передовом отряде. Мы спешили захватить командную высоту. Нам оставалось преодолеть последнюю траншею фашистов, до которой было всего несколько метров. Но каких метров!? Местность Каменистая, открытая. Огонь противника не давал поднять голову. Бойцы взвода залегли. Нам хорошо были видны стволы вражеских пулеметов и автоматов, торчащие из окопов и амбразур дзотов, мелькающие каски фашистов. Лежать долго рядом с противником на открытой местности было нельзя. Уже кого-то ранило, кто-то звал санитара. Я поднялся во весь рост и бросился в атаку. Все бойцы взвода как один последовали моему примеру, ведя огонь из автоматов и пулемета. Фашисты вынуждены были принять рукопашный бой. В ход пошли сначала гранаты, а потом штыки, ножи, саперные лопаты.

Рядом, стараясь обогнать меня, бежал Андрей Васильевич.

Мы с ним первыми ворвались в траншею, уничтожили вражеский пулемет с расчетом - пять или шесть гитлеровцев. Но не успел я как следует осмотреться, как из-за изгиба траншеи показалась группа фашистов. Первым гитлеровцев заметил Андрей. Он бросился вперед, наперерез фашистам, прикрывая меня своим телом... Швырнул гранату. Но в это время с противоположной стороны траншеи последовала длинная очередь. Шесть пуль пронзили тело Андрея Васильевича. Он упал, потеряв сознание. Я остался невредим. Взвод, овладев позициями противника, быстро продвигался вперед.

О судьбе Зобнева я узнал позже. Родился Андрей Васильевич в деревне Зубовка Саратовской области. В семье кроме него было еще три брата и три сестры. Андрей был старшим. В тяжелом голодном 1922 году умерли отец, мать и старшая сестра Андрея. Восьмилетним мальчиком пошел он в работники к местному кулаку. Когда началась война, Андрей Васильевич был рядовым колхозником. В 1941 году почти одновременно ушли на фронт два брата и старшая сестра Андрея. Братья погибли, освобождая Белоруссию, сестра - в Польше.

Тяжело было Андрею Васильевичу после войны. Давали знать о себе раны, часто приковывали к постели. Но Зобнев в меру своих сил всегда оставался и продолжает оставаться в строю.

Черноиванов умолк. Далее продолжал рассказывать Андрей Васильевич Зобнев. Говорил он медленно, тихо, волнуясь. Чувствовалось, что воспоминания даются ему с трудом.

- Любили мы своего командира, Василия Черноиванова. Смелый он был, заботливый, рассудительный. Когда я увидел, что ему грозит опасность, крикнул: "Старшой, убьют!" Но командир не услышал меня, и я, не думая об опасности, бросился между Василием Никитовичем и фашистами. Я очень хорошо видел, как немецкий офицер, припав на одно колено, приподнял свой автомат, целясь в Черноиванова. Помню, бросил я в сторону противника одну или две гранаты, крикнул: "Командир, пригнись!" Потом почувствовал толчки - в руку, плечо и левую ногу. Боли не было. Видел, как из ран через обмундирование начала сочиться кровь. Силы меня покинули, я упал. Стало тихо, казалось, что стрельба прекратилась. Очнулся в медсанбате, трое суток был без сознания. Затем долго лечился. Родные считали меня погибшим. Вернулся в Москву инвалидом. Спасая своего командира, на риск я шел сознательно. Уверен, что так поступил бы каждый солдат нашего взвода. Ведь мы советские люди.

- Андрей Васильевич, а страшно было? - спросил стоявший рядом молодой солдат-десятник.

- Страшно, - ответил Зобнев. - Но ты сумей не потерять

голову. Сохранишь спокойствие - твое счастье, нет - гибель, может, не только для тебя, но и для твоих товарищей. Запомни это твердо. В бою думай не о том, что тебя могут убить, а о том, как уничтожить противника. Удалось тебе уничтожить врага значит поработал хорошо. После схватки с врагом постарайся возможно полнее восстановить пережитое, разберись в технологии боя. Практика боя заставляет критически пересмотреть многое, увидеть, насколько удачно ты выбрал позицию, как маскировался, как метко стрелял или быстро и незаметно подбирался к врагу... Бой - наука сложная. Голова в любой обстановке должна быть холодной, а ум расчетливым. Погибнуть - заслуга небольшая. Выжить самому и спасти другого - вот мудрость любой военной профессии.

- Андрей Васильевич, - обратился кто-то из ветеранов, - как вам удалось захватить фашистское знамя?

- Дело было в Венгрии. Я и рядовой Давыдов получили приказ пойти в разведку, захватить и доставить в штаб пленного. Ночь - хоть глаза выколи. Благополучно преодолев передний край, добрались мы до населенного пункта. Считалось, что там, на огородах, должна была быть минометная батарея. А ее и в помине не было. Задача оказалась невыполненной. Но без пленного нам возвращаться было нельзя. Не теряя времени, прошли мы к опушке рощи, спрятались и стали наблюдать. За рощей стоял конный обоз, насчитали подвод двадцать, там же расположилась кухня, возле которой толпились фашисты. Сколько их было, точно установить не удалось, видимо, больше взвода. Посоветовались мы с Давыдовым и решили, что этот объект не для нас. Двинулись по опушке рощи в сторону дороги, ближе к переднему краю. Шли медленно, останавливались, прислушивались. Я - впереди, Давыдов - сзади, метрах в пятнадцати. Нечаянно я зацепился за какой-то предмет и упал. Хотя сильно ушиб колено, но даже не ойкнул. Подо мной оказался телефонный провод. Ориентируясь на него, мы подошли к небольшому оврагу, на скате которого обнаружили бугор (как выяснилось, здесь был блиндаж), к нему и тянулся провод. У бугра ходил часовой. Решили сделать так: я нападу на часового, а Давыдов будет меня прикрывать и попутно перережет телефонные провода.

Подбираюсь я к часовому, тихо меж кустов ползу, и вдруг вижу - из землянки выходит второй солдат. У меня даже сердце упало: плохо, думаю, мое дело, двоих одновременно не снять. Остановился, замер. Солдаты противника перекинулись несколькими словами, - что они говорили, я не понял, - часовой прислонился к двери землянки, а солдат двинулся вдоль провода,

в сторону леса. И как я сразу не догадался, что это был связной?! Метров на десять подобрался я к часовому, а может, и того ближе. Кажется, он что-то услышал, потому что остановился. Показалось и мне, вроде кто-то ойкнул там, где действовал Давыдов. Но оглядеться часовой не успел - я дал по нему очередь из автомата, ударил ногой в дверь и швырнул в землянку связку гранат. Для надежности выпустил в открытую дверь еще длинную очередь. Ответного огня не последовало. Когда дым рассеялся, увидел четыре или пять трупов. Я вбежал в землянку, схватил стоявшее в углу знамя и бросился к выходу. Подбежал к Давыдову. Возле него лежал фашистский солдат с кляпом во рту. Схватили мы пленного и быстро начали уходить. Немец, когда опомнился, никак не хотел идти, пришлось подталкивать его в спину. Пленного и знамя сдали в штаб.

* * *

Поздний вечер 13 апреля 1945 года. В Москве уже прогремел салют в честь воинов, овладевших Веной. Непроглядная тьма в Австрийских Альпах. Тишина. Не слышно даже шороха молодых листьев на деревьях. Лишь изредка едва всплеснут дунайские волны - и опять тихо. И вдруг в нашем тылу послышалась сильная стрельба. Мы с генералом М. И. Денисенко находились в это время на наблюдательном пункте. Последовал тревожный телефонный звонок. Я взял трубку. На другом конце провода - взволнованный голос начальника тыла дивизии подполковника Г. П. Работкина. Он докладывал:

- К тылам дивизии приблизилась большая группа немцев, они пытаются захватить продовольственные склады. Все тыловые подразделения и начальники служб заняли круговую оборону и ведут бой. Есть раненые. Нужна помощь.

Мы располагали данными, что в тыловых районах дивизии в горах и лесах блуждает более пятисот немецких солдат и офицеров, они нападают на одиночные автомашины и подводы, тыловые подразделения и медицинские учреждения. Комдив тут же в распоряжение Работкина направил батальон из своего резерва - он решил разгромить так называемый "блуждающий котел" и очистить тыловую территорию от врага. Для этой цели были также привлечены резервные подразделения полков. Ответственным за операцию был назначен мой заместитель полковник Алексей Николаевич Цысь.

Алексей Николаевич отправился в восьмую роту 331-го гвардейского стрелкового полка, которая в числе других была выделена для прочесывания леса восточнее реки Трайзен. Рота была усилена взводом станковых пулеметов лейтенанта Г. Г. Антонова, отделением противотанковых ружей младшего

сержанта Е. Г. Гордеева и минометным расчетом сержанта А. А. Крючкова.

- Это все? - спросил Цысь. - Не густо, у нас не более ста человек, а немцев в лесах бродит более четырехсот. Что будем делать, Василий Федорович?

Командир роты В. Ф. Белобородов подумал и ответил:

- Товарищ полковник! Я сибиряк, охотник, много раз устраивал облаву на волков. Подобным образом буду действовать и сейчас, только вместо красных флажков на путях бегства фашистов я расположу пулеметные расчеты, которые будут подпускать гитлеровцев на близкую дистанцию и уничтожать. Роту развернем в редкую цепь, 35-40 метров автоматчик от автоматчика.

Решение командира роты Цысю понравилось, и он утвердил его. На подготовку ушло два часа. Наступило утро, и рота приступила к действиям. Командиры взводов, а потом и командиры отделений скомандовали: "В атаку, вперед!" И тут же по всему лесу разнеслось громкое русское "ура!". Затрещали автоматы. "Бей гадов, окружай их!" - разнесло эхо по всему лесу. И вновь треск автоматов и пулеметов. По фашистам, прятавшимся за укрытиями, вел огонь минометный расчет сержанта Крючкова. Немцы сначала по одному, а затем группами, отстреливаясь на ходу, начали отходить. Вскоре их отступление превратилось в массовое бегство. А бой разгорался.

Прошел час. Автоматчики продвинулись вперед на 3-4 километра, и в это время приступили к действиям пулеметчики, находившиеся в засаде. Гитлеровцы начали метаться из стороны в сторону, но везде наталкивались на хорошо организованный огонь наших воинов. Лишь единицам удалось избежать гибели. Более двухсот солдат и офицеров противника было уничтожено, более ста взято в плен. Наша рота понесла небольшие, но серьезные потери. Был тяжело ранен командир роты коммунист старший лейтенант Федор Васильевич Белобородов.

Более сорока гитлеровцев уничтожили пулеметчики младшего лейтенанта Г. Г. Антонова. Пулеметный расчет сержанта К. А. Юшкова оказался на главном направлении бегства фашистов. Здесь немцы шли напролом - более тридцати трупов оставили на подступах к пулемету. Когда у пулеметчиков кончились патроны, Юшков во главе своего расчета бросился врукопашную. Уже будучи раненым, сержант штыком заколол двух гитлеровцев.

Отделение старшего сержанта В. С. Тиморшина действовало вдоль опушки леса. Бойцы вышли к дому лесника, у которого стояло более двадцати автомашин и три бронетранспортера. Во

дворе гитлеровцы - человек 30 - суетились вокруг убитой лошади, разделывали, делили мясо. Они были так увлечены, что не заметили, как их окружили советские воины. Девять убитых и два десятка пленных - таков был результат пятиминутного боя. Двоих из отделения ранило, в их числе и Владимира Семеновича Тиморшина.

Другая группа, в состав которой входили наводчик ручного пулемета ефрейтор Г. Т. Домрачев, автоматчики ефрейтор Н. И. Париков и рядовой В. Ф. Никитенко, под командованием сержанта Ф. С. Черникова преследовала немцев, пытавшихся уйти от облавы через небольшую заболоченную речку. Пройдя километра три лесом, фашисты спрятались в зарослях, откуда открыли огонь из орудий, - судя по выстрелам, били танки. Советские воины смело вступили в бой. Они захватили два танка и бронетранспортер. Враг был разбит.

Рота старшего лейтенанта В. П. Троеглазова, усиленная истребительно-противотанковой батареей старшего лейтенанта П. А. Чайковского, прочесывала лес в другом районе. Это было дачное место. Сосновый бор, подступавший к озеру со всех сторон, скрывал красивые каменные постройки. Здесь, в лесу, и обосновался противник. Берег озера был хорошо освоен. На трех дорогах, которые подходили к озеру, немцы расположили свои заслоны, которые вели бой с нашим подразделением.

Троеглазов разделил роту на две группы. Одну группу возглавил сам, другую - находившийся в роте секретарь партбюро полка майор Н. А. Николаев. Группы развернулись в цепь и двинулись навстречу друг другу, прижимая немцев к озеру. Здесь, на берегу, и были разгромлены почти две сотни фашистов.

Темп нашего наступления нарастал. Но бой на разных направлениях развивался по-разному. На одном - фашисты отступали, на другом - контратаковали.

Четвертый час рота старшего лейтенанта Хаджи-мета Асмаевича Бзыкова отражала бешеные контратаки фашистов. Четвертый час безжалостный металл вырывал из жизни то одного, то другого ее воина. Вот и сейчас кто-то сдавленно охнул и медленно опустился в полуразрушенную траншею. Ротный оторвал воспаленные глаза от бинокля: "Не может быть..."

- Владимир, Володя, - бросился Бзыков к распростертому на земле любимцу роты Владимиру Яковлевичу Прудникову - разведчику-наблюдателю, на счету которого был не один захваченный пленный, десятки уничтоженных фашистских солдат и офицеров.

Прудников приоткрыл глаза, что-то прошептал окровавленными губами.

- Сейчас, Володя, сейчас. Потерпи...

Ротный выхватил индивидуальный пакет. Но раненый не слышал голоса командира, он-потерял сознание.

Еще сегодня утром Владимир Яковлевич вместе с Иваном Артемьевичем Бобылевым - бесстрашным телефонистом роты, на боевом счету которого было 11 убитых фашистов и подорванный вражеский танк, - строили планы на будущее, мечтали, как вернутся после войны в родную Белоруссию. И вот Прудников без сознания, ранен и Иван Артемьевич. Но он попросил командира оставить его в роте - он еще может быть полезен.

За три дня до этого боя коммунисты роты приняли Прудникова и Бобылева кандидатами в члены ВКП(б). Перед лицом своих товарищей они обещали не щадить своей жизни для победы над фашистами, и свое обещание выполнили. За мужество в борьбе с врагом Прудников и Бобылев были награждены орденами Красной Звезды и Славы III степени.

Наконец все контратаки были отбиты. Теперь можно было идти вперед, надо было овладеть господствующей высотой, ворваться в населенный пункт. Задача трудная. Впереди река и открытая местность. Фашисты всю округу держат под обстрелом. На помощь роте пришли артиллеристы. В стремительном броске рота преодолела местность и речку, уже овладела отдельными окопами на скатах высоты и быстро продвигалась к вершине - и вдруг: та-та-та... Что это? Вражеский пулемет, установленный на чердаке дома, расположенного в тылу роты, бьет по боевым порядкам. Бзыков рванулся вперед, закричал:

- Ложись! - и сам упал за валун, тихо сказал: - Вот бы живьем захватить этого фашистского пулеметчика!

. Ему стало не по себе: недосмотрели, допустили оплошность. Вслед за пулеметом застрочили автоматы, а где-то на фланге засвистели и начали тявкать мины. Гвардейцы залегли, отвечали отдельными выстрелами - это ротные снайперы пытались снять вражеских пулеметчиков.

Прошло минут пятнадцать. В шуме перестрелки послышался шум моторов, и из деревни выползли черные тупорылые самоходки. Лежавший рядом с командиром роты связист Иван Бобылев насчитал их шесть штук. Одна остановилась, повертела хоботом во все стороны, словно принюхиваясь, и плюнула огнем по скатам высоты. Но там никого не было. Атаковать в лоб в данной ситуации было бессмысленно, и Бзыков выпустил в пасмурное небо желтую ракету - сигнал обходить населенный пункт с юга лесом. Фашисты не осмелились сунуться в лес, и гвардейцы быстро укрылись от огня противника. Вдруг командир роты обнаружил, что Иван Бобылев исчез. Автоматчики, с

которыми он был вместе, также не заметили, куда он делся. Неужели вторично ранен и сейчас лежит где-нибудь, истекая кровью?

Прошло минут пятнадцать - двадцать. Рота изготовилась атаковать противника во фланг и в тыл. И в это время гвардейцы услышали доносившийся из кустов голос Бобылева: "Ежели ты не перестанешь упираться, сволочь ты этакая, я тебя, как таракана, задушу. Понял?" Увидев Бобылева, направившего в спину здоровенному рыжему фашисту ствол автомата, гвардейцы рассмеялись.

- Стоит всыпать тебе, ефрейтор Бобылев, что без разрешения исчезаешь, незлобно погрозил Бзыков.

- Как это без разрешения, товарищ командир роты? Это тот самый фашистский пулеметчик, который оставался в нашем тылу. Вы же сказали, что его надо взять живым. Я подобрался к нему, когда он менял в пулемете диск с патронами. Прижал его голову к стенке. Вот только немножко плечо повредил. Пришлось применить лопату... Но, когда немец опомнился, никак не хотел идти. Поэтому и задержался.

Возиться с пленным не было времени. Его отконвоировали в штаб.

- За мной! Вперед! - раздался голос Бзыкова. Рота перешла в атаку.

В это же время рота автоматчиков старшего лейтенанта Е. Л. Клыкова, усиленная батареей старшего лейтенанта В. Т. Потоцкого, находилась в боковом охранении. Шли проселочной дорогой. Впереди - дозорное отделение, справа и слева - дозоры. Видимость хорошая. Шли спокойно. В воздухе баражировали наши самолеты. Впереди - рота в пешем строю, за ней перекатами двигалась батарея. Прошли небольшую речку, потом пересекли одну траншею, вторую, здесь, по-видимому, немцы когда-то готовили оборону. Поднялись на холм. На горизонте показались две рощи, одна - правее дороги, другая - левее. А впереди, метрах в двухстах, виднелась еще одна траншея. В это время с опушки правой рощи в воздух взвились две ракеты, послышался шум моторов, характерный для танков. Рота на мгновение остановилась.

- Мы прислушались, - рассказывал позже Клыков, - дозор условным сигналом сообщил: вижу танки, слева - 5, справа - 4, идут к дороге, до них километра полтора. Не знаю, заметил ли нас противник или, возможно, он преследовал другую цель, но девять танков пошли в сторону роты. Впереди - открытая долина. Батарея отстала. У автоматчиков по одной-две противотанковые гранаты, других противотанковых средств нет. Ближайшие

укрытия - траншея сзади, метров 400, и впереди - метров 200. По телу пробежала дрожь. Подчиненные, затаив дыхание, смотрели на меня, ожидая команды, а танки быстро приближались. Решение созрело быстро, хотя секунды показались вечностью. Я подал команду: "Впереди танки, подготовить гранаты! За мной, вперед, в траншею, бегом!"

Гвардейцы в одно мгновение преодолели расстояние, мы заняли траншею. Укрытие оказалось непрочным. Во многих местах земля осыпалась, стрелять можно было только с колена. Если танки подойдут и начнут нас утюжить, то эта траншея - небольшое утешение, но все же укрытие. Танки прошли рубеж, на котором находилось дозорное отделение, но оно почему-то молчало. Напряжение нарастало, кто-то даже выругался. И вдруг самый дальний танк -задымил, остановился, из него вырвалось пламя. Загорелся еще один танк, и тоже задний. Как выяснилось, старший дозора Чередниченко решил пропустить танки и бить их сзади. Один танк подорвал он сам, другой - младший сержант В. П. Антонеев.

Но головные танки шли на роту, стреляя из пушек и пулеметов. Но вот из второго взвода, а потом и из третьего отделились по три автоматчика и поползли им навстречу. Когда до танков оставалось двадцать - двадцать пять метров, в их сторону полетели гранаты. Был подбит еще один танк, загорелся другой, подорванный рядовыми С. Д. Сарычевым и В. М. Бакулиным. Пытаясь подорвать еще один танк, Бакулин погиб.

Оставалось еще пять танков. Они были близко, лязг их гусениц заглушал все, даже команды. Вся надежда была на инициативу и смелость бойцов и младшего командира. В это время на полном скаку на бугор сначала с одним, а потом с двумя орудиями выскочили конные упряжки - это взвод истребителей танков, которым командовал старший лейтенант Гависов. В мгновение ока орудия оказались на прямой наводке, расчеты открыли огонь. Загорелся один танк, второй, третий... Два последних дали задний ход. Между тем наступление продолжалось. Бойцы и командиры показывали новые образцы мужества и отваги.

В тот вечер взвод лейтенанта Пекшина первым вышел к Дунаю, на прибрежное шоссе Тульн - Мукендорф. Начался ожесточенный бой, в ходе которого полторы сотни гитлеровцев пытались отбросить взвод от Дуная, освободить дорогу. Более часа длился этот неравный бой. Пулеметчик В. П. Антонеев умело выбрал огневую позицию для пулемета, бил атакующих фашистов, пока не кончились патроны. К окопу приблизился бронетранспортер. Антонеев хладнокровно метнул гранату.

Бронетранспортер остановился, задымил. У Антонеева оставалось еще две гранаты. Он вставил запал и бросился в гущу гитлеровских пехотинцев.

В этом бою Василий Павлович был ранен. Тут же, на месте, ему была оказана медицинская помощь, но от эвакуации он отказался, остался в строю. Вскоре Василий Павлович был принят кандидатом в члены ВКП(б). Ему было присвоено воинское звание сержанта, за боевые заслуги он был награжден орденом Славы III степени и орденом Красной звезды (за форсирование реки Раба).

19 апреля Василий Павлович первым со своим отделением ворвался в населенный пункт Амбах. Здесь он был тяжело ранен, но и на этот раз отказался от эвакуации: "Я не имею права уходить с поля боя, пока не отомщу фашистам за все их злодеяния, за мой родной Смоленск". Но раны оказались тяжелыми, и Антонеев был отправлен в госпиталь. В свою часть он больше не вернулся.

Прошло много времени. Зная, что 18-летний паренек Вася Антонеев родом из Смоленска, я написал о его боевых делах в местную газету. Ответ пришел от сестры Василия. Она писала от имени матери: "Письмо Ваше редакция нам передала. Читали и перечитывали его много раз. Спасибо Вам за Ваш благородный и очень нужный труд, за то, что Вы пишете книгу о наших славных воинах, о нашем сыне и брате. Низкий Вам поклон...

Каким был Василий в детстве? В школе учился отлично. Его любимым предметом была математика. Увлекался спортом, среди учащихся был первым конькобежцем. Много читал, занимался в радиокружке, сам смастерил радиоприемник. С первых дней войны работал в колхозе, в Тамбовской области, куда мы были эвакуированы из Смоленска. В 1943 году был призван в Армию...

В боях с немецко-фашистскими захватчиками Василий был тяжело ранен, больше года лечился. Надеялся на выздоровление, мечтал... Умер в госпитале 3 мая 1946 года".

* * *

После выхода в свет книги "Батальоны идут на запад" (1-е изд.) я стал получать от однополчан, знакомых и незнакомых мне людей большое количество писем. В них высказывались пожелания, рассказывалось о малоизвестных подвигах. Писали родные и близкие невернувшихся с войны, хотели подробнее узнать о подвигах погибших героев.

У меня сохранились письма военных лет. Они разные - короткие и длинные, благодарственные и напутственные, часто со следами слез... Есть письма, написанные неровным детским почерком: "Дядя-командир, скажи, где мой папа". "Простите, - писала жена одного погибшего воина, - что я отняла у Вас время.

Я знаю, что у Вас много дел... Ах, если бы он вернулся ко мне, к своим маленьким детям! Пусть без рук, без ног, слепой - лишь бы он жил..."

Читать такие письма больно. Нет, не должно у нас быть неизвестных героев!

Моя работа над мемуарами не окончена. Я продолжаю собирать новый материал, чтобы полнее рассказать о подвигах однополчан. И, конечно же, я жду новых писем и любое замечание приму от читателей с благодарностью

Примечания

{1}Формуляр Новопетергофского военно-политического пограничного училища. Архив училища.

{2}Архив МО СССР, ф. 480834, оп. 1, д. 1, л. 7.

{3}Архив МО СССР, ф. 480834, оп. 1, д. 1, л. 13.

{4}Архив МО СССР, ф. 480834, оп. 1, д. 1, л. 19-21.

{5}Архив МО СССР, ф. 1310, оп. 1, д. 1, л. 2.

{6}Архив МО СССР, ф. 1310, оп. 1, д. 1, л. 23-24.

{7}Архив МО СССР, ф. 1310, оп. 1, д. 1, л. 4-8.

{8}Архив МО СССР, ф. 367719, оп. 1, д. 2, л. 37.

{9}Архив МО СССР, ф. 51794, оп. 1, д. 1, л. 27-28.

{10}Архив МО СССР, ф. 367719, оп. 1, д. 2, л. 31-32.

{11}Архив МО СССР, ф. 1310, оп. 1, д. 7, л. 16.

{12}Архив МО СССР, ф. 51794, оп. 1, д. 1, журнал боевых действий.

{13}Архив МО СССР, ф. 1310, оп. -1, д. 1, л. 85; ф. 367719, оп. 1, д. 2, л. 91-92.

{14}Архив МО СССР, ф. 356442, оп. 1, д. 1, л. 4; ф. 1292, оп. 1, д. 1, л. 4-13.

{15}Архив МО СССР, ф. 356442, оп. 1, д. 13, журнал боевых действий за 29 марта 1945 г.

{16}Архив МО СССР, ф. 1292, оп. 1, д. 2, л. 21.

{17}Архив МО СССР, ф. 356442, оп. 1, д. 13, л. 28.

{18}Архив МО СССР, ф. 356442, оп. 1, д. 13, л. 41-42.